

Колганов О. С.
O. S. Kolganov

«LIBRE DE SAVIESA» ХАЙМЕ I ЗАВОЕВАТЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МОНАРХА ЭПОХИ РЕКОНКИСТЫ

«LIBRE DE SAVIESA» BY JAIME I THE CONQUEROR AS A SOURCE FOR THE STUDY OF PHILOSOPHICAL AND POLITICAL VIEWS OF A RECONQUISTA AGE MONARCH

Колганов Олег Сергеевич – старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1; +7-909-903-73-60. E-mail: os.kolganov@m.mpgu.edu.

Mr. Oleg S. Kolganov — Senior Lecturer, Department of Ancient and Middle Ages History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 1/1, M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991; +7 (909) 9037360. E-mail: os.kolganov@m.mpgu.edu.

Аннотация. В статье на основе характеристики трактата «Libre de Saviesa» Хайме I Завоевателя рассматривается вопрос о возможности использования биографического метода и анализа персональных текстов для изучения истории Реконкисты, реконструкции философско-политических взглядов монарха этой эпохи.

Summary. In this paper, on the basis of the characteristics of the «Libre de Saviesa» treatise by king Jaime I the Conqueror, I consider the question of possible application of the biographical method and analysis of personal texts for the study of the history of the Reconquista, and for the reconstruction of philosophical and political views of the monarch of this time.

Ключевые слова: «Книга мудрости», Хайме I Завоеватель, история Арагона, история Испании, Реконкиста.

Key words: Libre de Saviesa, Jaime I the Conqueror, history of Aragon, history of Spain, Reconquista.

УДК 904+161.1(045)"653"(460.22)

Традиционным и доминирующим направлением изучения истории Реконкисты с определенной уверенностью можно назвать политическую историю и ее событийное, прежде всего, военно-историческое наполнение. Между тем активное применение в исторической науке новых подходов, в том числе междисциплинарного характера, открывает возможности для более широкого и одновременно глубокого исследования тех процессов, их движущих сил и закономерностей, которые имели место, в частности, на Пиренейском полуострове в средние века. В контексте проблемы изучения арагонской части Реконкисты XIII века одним из наиболее интересных подходов обоснованно представляется биографический.

Как отмечает Л. П. Репина, историческая биография (добавим – издавна) получила широкое распространение в традиционной политической истории, значительная часть которой состояла из жизнеописаний государственных деятелей [1, 289]. Обоснованность использования именно биографического метода при изучении истории арагонской Реконкисты базируется на том обстоятельстве, что ведущую роль в ее организации играл король, институт королевской власти. Преобладающая часть событий Реконкисты в Арагоне XIII века связана почти исключительно с именем Хайме I (1208-1276), за это и снискавшего себе историческое прозвище «Завоеватель». Его правление можно назвать одним из самых долгих как в истории не только Арагона и Испании, но и всей средневековой Европы (1213-1276). Король, согласно хроникам, севший в седло и взявший в руки меч в возрасте двенадцати лет, по сути, всю свою жизнь посвятил Реконкисте: организации новых походов, дипломатическим перегово-

рам, созданию системы управления и налаживанию экономической жизни на отвоеванных территориях. В связи с этим изучение источников, так или иначе связанных с биографией и личностью Хайме I Завоевателя, представляет определенный интерес для изысканий по истории Реконксты.

При этом следует учитывать, что современная биографика (персональная история, новая биографическая история) не сводится к жизнеописанию той или иной исторической личности, а ставит своей целью изучение мотивов ее деятельности, интересов, особенностей менталитета, сознания. Как подчеркивает Л. П. Репина, основное внимание уделяется анализу персональных текстов или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт, его эмоциональное переживание и тот или иной уровень осмысления [1, 293].

В этой связи настоящее исследование имеет целью охарактеризовать один из текстов, авторство которого приписывается Хайме I Завоевателю. Это «*Libre de Saviesa*» («Книга Мудрости, или Доктрина») – философско-политическое произведение, исторический документ неоднозначной судьбы. Долгое время профессиональные историки обходили его вниманием, хотя бы в силу того, что он представлял собой разнородную компиляцию цитат из философских трудов, не содержащий указаний на исторические события или явления. Для философской же науки документ не представлял интерес в силу своей компилятивности. Но новая биографическая история, на наш взгляд, имеет потенциал возратить интерес к этому документу.

Однако для введения «*Libre de Saviesa*» в научный оборот следует учитывать, что у этого документа есть особенности, которые диктуют необходимость весьма аккуратных трактовок в прослеживании мотивов автора. Принципиальным здесь является вопрос, правомерно ли приписывать авторство Книги именно Хайме? С одной стороны, в предисловии к Книге недвусмысленно говорится: «Я, Хайме, король Арагонский, узнал множество мыслей и из-за их красоты, подобно Соломону, постарался собрать их. Они в моем сердце, эти добрые слова философов античности, мудрые советы, которые они, будучи язычниками, оставили в наследство нам, христианам, и их знания столь полны, чтобы мы могли спросить у них о многом» [7, 3]. Однако сама фигура короля-завоевателя бросает тень определенного скепсиса на эти строки.

Личность Хайме I вызывала и продолжает вызывать множество споров в исторических и околоисторических кругах. Авторству Хайме I наряду с «Книгой мудрости» приписывается и более известный исторический документ – одна из так называемых Великих каталонских хроник «Книга деяний» («Хроника» Хайме I). Даже она удостоилась в свое время множества критических публикаций, общее резюме которых сводилось к отрицанию авторства Хайме I. Выразителем этой позиции стал Джозеф Вилларроя, утверждавший, что в «Хронике» был опущен целый ряд событий, о которых король просто не мог не знать. Вилларроя предположил, что автором «Книги деяний» мог быть монах-доминиканец Педро Марсильо, обладавший необходимыми знаниями и имевший в своем распоряжении документы, повествовавшие о жизни Хайме [9, 1]. С резкой критикой точки зрения Вилларрой в середине XIX века выступил автор английского перевода «Книги деяний» Джон Форстер [4, 11], который в современный период был поддержан известным каталонским филологом Мартином Рикером, не сомневающимся в том, что «Хроника» является творением Хайме, основанным на личных воспоминаниях монарха [2, 11]. Современные историки, в частности Роберт И. Бернс [2, 11], Генри Чейте [3], допускали, что Хайме писал «Книгу деяний» при помощи редакторов и секретарей, степень же личного участия короля в написании «Хроники» достоверно установить, по их мнению, не представляется возможным. Таким образом, в историографии была выработана компромиссная позиция по «Книге деяний». Что же касается «Книги мудрости», то о таком консенсусе говорить не приходится.

У «Книги мудрости» были и есть как апологеты, так и противники. К числу первых, безусловно, относятся каталонские авторы второй половины XIX – первой половины XX вв.

В частности, выдающийся историк, интересовавшийся фигурой Хайме I, Шарль де Туртулон полностью поддерживал идею королевского авторства книги и выдвинул предположение, что Хайме написал ее, находясь в тамплиерском монастыре Монсон, куда был отправлен после гибели своего отца Педро II и где получал образование [7, XXVII]. Эту же версию повторяли и другие каталонские историки. В частности, Хуан Риос Сармьенто в книге-биографии о Хайме Завоевателе на основании анализа «Книги мудрости» делал далеко идущие выводы о характере и стиле образования, полученного Хайме, а также о его раннем, явно не под стать возрасту, интеллектуальном и нравственном становлении [8, 29-33]. Было высказано и предположение о том, что обилие в Книге цитат, относящихся к восточной философии, как раз и объясняется пребыванием Хайме в тамплиерском монастыре: тамплиеры выступали в роли связующего звена между Востоком и Западом, в том числе в трансляции восточной философии. Как отмечал Сармьенто, Хайме после посещения библиотеки и скриптория Монсона делал заметки, ведя что-то наподобие записной книжки, которой впоследствии придал определенную упорядоченность и сопроводил прологом [8, 29-33]. Последнее утверждение несколько спорно, поскольку «Книгу мудрости» составляют, не краткие заметки, а достаточно пространные блоки цитирования, причем не объединенные какой-либо единой нитью повествования. Это роднит «Книгу мудрости» с большинством средневековых трудов дидактической направленности [6, 470].

Позицию резких оппонентов идеи авторства Хайме попытался сформулировать еще в последней трети XIX века немецкий историк Герман Кнуст, который, анализируя лишь часть доступной ему рукописи, усмотрел ее если не идентичность, то, по крайней мере, высокую степень схожести с собранием афоризмов Хунайна ибн Исхака. Эту версию аргументировано опроверг в 1934 году Ллойд Кастен, опираясь на полные версии «Книги мудрости», уже опубликованные к тому времени [5, 70-73].

По аналогии с «Книгой деяний» можно предположить, что «Книга мудрости» – это, конечно, не записная книжка-цитатник Хайме I, а, скорее всего, сделанное по его заказу и под его контролем собрание наиболее интересных в терминах пролога, авторизованного Хайме, «прекрасных философских книг», не исключено даже и переведенных по его заказу. В пользу этого может говорить анализ дошедших до нас списков Книги как между собой, так и в сопоставлении с другими сходными по типу источниками.

До нас дошло два основных списка «Книги мудрости». Один из них хранится в Национальной библиотеке в Мадриде (Codex L), второй – в Эскориале (M.I.29). Оба относятся к концу XIV – началу XV вв., то есть были сделаны спустя более чем столетие после смерти Хайме. При этом в эскориальской рукописи есть фрагменты, которых нет в мадридском списке, а, в свою очередь, в мадридском списке есть целые разделы, которые отсутствуют в рукописи Эскориала. Всё это указывает на существование более раннего оригинала книги, с которого и были сделаны в разное время и разными переписчиками копии, и только они сохранились до сегодняшнего времени в то время, как сам оригинал был утрачен.

В наиболее пространной мадридской версии, которая была опубликована в 1908 году Габриелем Льябрес-и-Кинтаной, можно насчитать 17 небольших разделов [7]. В версии, хранящейся в Эскориале, их 12. Но если не брать в расчет искусственно раздробленные разделы, то по смыслу Книгу можно разделить на пять частей: 1. Прологи; 2. Философские цитаты; 3. Трактат о правлении королей; 4. Счет затмений; 5. Заключение (последние две части присутствуют только в мадридской версии).

В основу блока под условным названием «Трактат о правлении королей» (главы Carta a Aristótil; Resposta d'Aristótil al rey Alejandro; Lo primer tractat: Deis Reys; Lo segon tractat: Del estat del Rey) был положен текст, известный в Европе под названием «Secretum Secretorum» (в арабском варианте – Китаб аль-Сирр асар, в русском – «Тайная Тайных»), сочинение, восходящее к арабскому источнику VIII-IX вв. и представляющее собой собрание наставлений по широкому спектру вопросов от магии до этики, которые якобы были сделаны Аристотелем своему ученику Александру Македонскому. Этот документ получил широкое рас-

пространение в средневековой Европе после того, как был переведен в 30-е годы XIII века на латинский язык Филиппом Трипольским (хотя еще до него был сделан краткий перевод, имевший меньший успех). Этот факт, кстати, говорит против версии о том, что «Книга мудрости» писалась Хайме в Монсоне – к концу 20-х годов XIII века он уже покинул этот тамплиерский монастырь.

В основу же блока философских цитат легли другие источники: дидактический трактат арабского происхождения «Книга добрых притч» (исп. *Libro de los buenos proverbios*, араб. *Kitab adab al-falasifa*), написанный в IX веке упоминавшимся Хунайном ибн Исхаком, и «Золотые записки» (исп. *Vocados de oro*) – перевод сочинения XI века авторства сирийского философа и врача Абул-Вафа аль Мусбашшира ибн Фатика. «Книга добрых притч» представляла собой совокупность афористических высказываний моралистического характера, которые приписывались авторству Платона, Аристотеля и Сократа. «Золотые записки» излагались как откровения мудреца, дающего советы в путях поиска Бога и мудрости.

Оба источника стали широко известны на Пиренейском полуострове после их перевода по заказу младшего современника Хайме I, его союзника и одновременно соперника, кастильского короля Альфонсо X Мудрого в Школе переводчиков в Толедо. Ряд исследователей (прежде всего Ллойд Кастен [5, 73]) склоняется к тому, что в «Книгу мудрости» вошли переводы на каталонский язык именно с кастильского (толедского) перевода. Между тем этот вопрос представляется дискуссионным, так как в Арагоне при Хайме I и при активном участии его духовника Рамона де Пеньяфора были открыты полемические школы арабского языка, в которых также могли быть сделаны эти переводы.

В любом случае интерес обоих монархов, монархов близкой исторической судьбы (обоими были сделаны важные завоевания в рамках Реконксты XIII века) к произведениям арабской литературы и философии весьма показателен, демонстрирует также формы ненасильственного взаимодействия христианской части Испании и аль-Андалуса. Анализ и сравнение кастильской и арагонской версий текстов, которые имеют арабское происхождение, позволяют говорить об определенной общности в философско-политических доктринах двух королевств-участников Реконксты.

Анализ «Книги мудрости» открывает возможности для реконструкции принимаемых и понимаемых правителями эпохи Реконксты философско-политических положений, в том числе перенятых из арабской и в целом восточной философии. Это дает возможность для воссоздания того ментального фона, в котором находился Хайме I, реализации важного этапа биографического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011.
2. Burns, R.I. S.J. *Castle of Intellect, Castle of Force: The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror* // *The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror* / Robert I. Burns, S.J., ed. – Princeton University Press, 1985.
3. Chaytor, H. J. *A History of Aragon and Catalonia* / H. J. Chaytor. – Methuen, 1933.
4. Gayangos de, P. *Historical Introduction* // *James I (The Conqueror) King of Aragon. Chronicle*. – Cambridge, Ontario, 2000.
5. Kasten, L. *Several Observations concerning Lo Libre de Saviesa Attributed to James I of Aragon* // *Hispanic Review* Vol. 2, No. 1 (Jan., 1934).
6. *La educación en la Hispania Antigua y Medieval*. – Madrid, 1992.
7. *Libre de Saviesa del rey en Jacme I d'Arago*. – Santander, 1908.
8. Sarmiento, J. R. *Jaime I de Aragon*. Barcelona / J. R Sarmiento. – 1941.
9. Villarroya, J. *Coleccion de cartas historico-criticas en que se convence que el Rey D. Jayme I. de Aragon no fue el verdadero autor de la cronica o commentaries que corren a su nombre*. Escritos a un amigo (Valencia: B. Montfort, 1800).

Иванов А. В.
A. V. Ivanov

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. Н. ТИХОМИРОВА – СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО

THE SOVIET SCIENTIST M.N. TIKHOMIROV AND HIS HISTORICAL THEORY

Иванов Александр Валериевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: blagovalex@yandex.ru.

Alexander Ivanov - Ph. D. In History, Professor, Department of Russian History, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: blagovalex@yandex.ru.

Аннотация. В статье анализируются научно-исторические взгляды выдающегося советского историка Михаила Николаевича Тихомирова. Научная деятельность Тихомирова получила мировое признание. Он участвовал в международных встречах историков, читал лекции и вел семинарские занятия в Сорбонне (Париж), был членом Американской ассоциации историков, переписывался с иностранными учеными. Работы Тихомирова переводились на английский, французский, румынский и другие языки.

Summary. This paper analyzes the scientific and historical views of the prominent Soviet historian Mikhail Nikolayevich Tikhomirov. Tikhomirov's research work gained him worldwide recognition. He participated in international history congresses and conferences, delivered lectured and seminars at the Sorbonne (Paris), was a member of the American Association of Historians, corresponded with colleagues from other countries. Tikhomirov's works were translated into English, French, Romanian, and other languages.

Ключевые слова: советский историк, научная деятельность, проблемы исследования, древнерусский город, славянский мир, проблемы источниковедения, публикаторская деятельность, русская кодикология, методы палеографии, историческая география, берестология, область исторических дисциплин.

Key words: Soviet historian, scientific work, research problems, ancient Russian city, Slavonic world, source study problems, publishing activity, Russian codicology, methods of paleography, historical geography, birch bark manuscript research, historical sciences.

УДК 930 (571)

Михаил Николаевич Тихомиров – крупнейший и один из талантливейших советских историков. Имя его неразрывно связано со становлением, развитием и успехами советской исторической науки.

М. Н. Тихомиров родился 31 мая 1893 г. в Москве в многодетной мещанской семье. Его отец был конторский служащий, семья жила бедно [22, 7-8]. В 1902-1911 гг. Тихомиров учился в Петербургском Коммерческом училище, которое закончил с золотой медалью. Большое влияние на юношу, во многом определившее его дальнейший жизненный путь, оказал Б. Д. Греков, в будущем известный советский ученый, который в те годы преподавал в училище историю.

В 1917 г. Тихомиров закончил историко-филологический факультет Московского университета, где его преподавателями были такие замечательные историки, как М. М. Богословский, Р. Ю. Виппер, М. К. Любавский. Наибольшее влияние на него оказал С. В. Бахрушин, ставший впоследствии крупнейшим исследователем русского средневековья [22, 11-12, 14-15]. Под его руководством Тихомиров написал дипломную работу «Псковский мятеж XVII в.». Впоследствии это юношеское сочинение было переработано и издано как моногра-

фия «Псковское восстание 1650 г.», за которую без защиты диссертации автору было присвоено ученое звание кандидата исторических наук.

М. Н. Тихомиров приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Во время Гражданской войны, когда наступал Колчак, Тихомиров ушел в Красную Армию, воевал в составе 25-й Чапаевской дивизии, участвовал в боях под Бугурусланом и Бугульмой, но вскоре из-за плохого зрения был освобожден от военной службы и вернулся к научно-педагогической деятельности [22, 17].

В 1930-е годы Тихомиров преподавал в московских вузах. Его докторская диссертация, посвященная источниковедческому анализу «Русской Правды», вышла отдельной книгой. Он получил звание доцента, а затем профессора Московского университета. С 1936 г. он стал также сотрудником Института истории Академии наук СССР. С этими двумя научными центрами Михаил Николаевич был связан до последних дней своей жизни. С 1953 г. он действительный член АН СССР.

Личная жизнь ученого не сложилась. Он не имел семьи, жил одиноко. По воспоминаниям близких ему людей, М.Н. Тихомиров был очень требовательным и взыскательным человеком, имел неровный, вспыльчивый, подчас нелегкий для окружающих характер.

Умер М.Н. Тихомиров 2 сентября 1965 г. после длительной и тяжелой болезни.

За годы научной деятельности Тихомиров, обладая редкой трудоспособностью, настойчиво исследовал многие вопросы отечественной истории и напечатал более 300 работ [2]. Широта его научных интересов очень велика. Уделяя основное внимание истории нашей Родины периода раннего и развитого феодализма, он изучает также вопросы ее истории в XVIII и XIX вв. Интерес к проблемам развития производительных сил он сочетал с острым вниманием к вопросам классовой борьбы, к истории идеологии и культуры. Наряду с собственно историческими исследованиями много сил он отдает разработке вопросов источниковедения, историографии, археографии, исторической географии.

Первой темой исследований Тихомирова следует считать историю народных масс периода феодализма. Тема народных движений прозвучала еще в юношеской работе М. Н. Тихомирова, посвященной псковскому восстанию. К ней он вернулся, уже став зрелым ученым. В 1935 г. им было опубликовано большое исследование «Псковское восстание 1650 г.» с подзаголовком «Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в.». В монографии дана полная характеристика общественной и экономической жизни Пскова того времени, показана расстановка классовых сил, выявлены классовые черты восстания [15]. Расширяя рамки своих наблюдений по истории борьбы классов, Михаил Николаевич публикует содержательную статью «Новгородское восстание 1650 г.» [12]. Одновременно Тихомиров начинает глубокое исследование малоизученной в историографии темы – классовая борьба в древней Руси. В 1955 г. он издал обобщающий труд по раннему периоду в истории народных движений «Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв.». Рассматривая классовую борьбу в связи с развитием производительных сил и изменениями в положении зависимых людей, М. Н. Тихомиров сумел наметить закономерности в развертывании классовой борьбы в этот ранний период русского феодализма. В сочетании с богатым, часто впервые выявленным и всегда строго проверенным конкретным материалом книга дает ясную и убедительную картину народных движений XI-XIII вв. [11]. Стремясь вскрыть классовый характер исторических событий, М. Н. Тихомиров не ограничивается написанием только специальных работ, посвященных народным движениям. Это стремление ощущается и во многих других его работах, как в собственно исторических, так и в источниковедческих и археографических. Ход классовой борьбы в Древней Руси он раскрывает в своих исследованиях о древнерусском городе, в общей оценке и в комментариях к отдельным статьям «Русской Правды», при издании документов Земского Собора 1649 г. [13; 21]. Во всех этих работах народные массы выступают как движущая сила исторического процесса. Очень много внимания уделил М. Н. Тихомиров разработке вопроса о борьбе народных масс против чужеземных захватчиков. Понимая патриотическое и пропагандистское значение проблемы, он выступает со ста-

тьями на эту тему в общественно-политических журналах и газетах. В 1938 г. он публикует статью «Оборона Пскова в 1581 г.». В следующем году появляется его статья о борьбе русского народа с немецкой агрессией в XII-XIII вв., а в 1940 г. он печатает статью о сражении на Неве в 1240 г. [22, 25]. Особенно активно он публикует работы, посвященные этой тематике, в годы Великой Отечественной войны.

Вторая проблема, изучению которой Тихомиров посвятил много лет, – история средневекового города. Интерес к этой проблематике появляется у него очень давно. Уже в середине 1920-х гг. Тихомиров публикует ряд работ о Дмитрове, среди которых выделяется небольшая монография об этом городе [7], а с 1936 г. начинают появляться его очерки по ранней истории Москвы. К прошлому родного города ученый возвращается неоднократно. В 1947 г. он подводит первые итоги своим изысканиям, издав монографию о древней Москве [8]. Позднее он продолжает публиковать статьи по истории Москвы. И, наконец, в 1957 г. выходит в свет обстоятельная монография М. Н. Тихомирова «Средневековая Москва в XIV-XV веках». В этой книге не только раскрыт наименее известный из-за скудности источников период в истории Москвы. Ученого интересует социально-экономический строй города. Автор изучает ремесло, показывая высокий уровень его развития и переход от работы по заказу к работе на сбыт. Вместе с тем он широко раскрывает торговую деятельность посада. Таким образом, выясняются наиболее характерные черты города как ремесленно-торгового центра. Одновременно Тихомиров воссоздает картину жизни непосредственных производителей материальных благ – ремесленного населения. Он выявляет наличие у московских ремесленников черт цеховых организаций. М. Н. Тихомиров не проходит мимо классовых отношений городского населения и классовой борьбы в средневековой Москве. Используя сообщения Вологодско-Пермской летописи, он рисует яркую картину московских волнений 1480 г. Наиболее значительным и, как всегда, тщательно аргументированным выводом является доказательство Тихомировым наличия общих черт у Москвы и западноевропейских городов того времени [19].

В своих исследованиях по истории средневекового города Тихомиров переходит от работ об отдельных городах к труду о древнерусском городе в целом. В 1946 г. вышла его монография на эту тему – «Древнерусские города». В 1956 г. книга Тихомирова была значительно дополнена и переработана. Монография «Древнерусские города» решает одну из труднейших проблем отечественной истории. Тщательно исследуя огромный архивный материал по самому раннему периоду появления русских городов. М.Н. Тихомиров основное внимание сосредотачивает на их социально-экономической характеристике. Свою задачу он определил следующим образом: «Исходная мысль книги заключается в том, что в Древней Руси XI-XIII вв. складывались предпосылки того, что западноевропейская литература называет «городским строем». Древнерусские города развивались примерно в таком же направлении, в каком развивались средневековые города Запада и Востока. Без признания этого факта остается необъяснимой богатая культура Киевской Руси, ибо культура эта развивалась главным образом в городах» [5, 5]. Этот тезис и раскрывается в книге с неопровержимой убедительностью. М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что русские города появляются и оформляются в торгово-ремесленные центры одновременно с городами Чехии, Польши, Германии, что русские города идут в ногу с городами других стран Европы, развивавшимися на территории, находящейся за пределами Римской империи. Основной вывод Тихомирова глубоко обоснован: город возник в качестве ремесленного центра земледельческой округи. «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, – писал ученый, – было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма в области общественных отношений» [5, 64]. Не отрицая некоторые специфические особенности русского города и подмечая различия в характере городов разных областей Руси, М. Н. Тихомиров нанес решительный удар по теориям о деревенском характере Древней Руси и о ее отсталости. Тезис Тихомирова, сводящийся к тому, что Древняя Русь была страной развитых городов – центров

ремесла и торговли, живших бурной политической жизнью, что и в этом отношении она была в числе передовых стран Европы, прочно вошел в науку.

Внимание к вопросам социально-экономической истории М.Н. Тихомиров сочетает с интересом к вопросам истории культуры. В своих статьях на эту тему он раскрывает уровень развития русской культуры [17]. Он дает яркие зарисовки культурного уровня и интересов людей изучаемой эпохи. Особое внимание уделяет М.Н. Тихомиров исследованию истории русской письменности и первых шагов русского книгопечатания. Его статьи по этой тематике помогают уяснить древность, самостоятельность и распространенность письменности на Руси. Много внимания Тихомиров уделял изучению литературных памятников XIV-XV вв. Ему принадлежит и честь открытия ряда произведений древнерусской литературы.

Посвятив свое основное внимание прошлому русского народа. М. Н. Тихомиров создает ряд работ по истории других народов СССР. В 1946 г. он выступает по вопросу об этногенезе казанских татар, в 1950 г. публикует статью об одном из важнейших периодов в жизни чувашского народа присоединении Чувашии к Русскому государству, в 1954 г. печатается его статья о воссоединении Украины с Россией [3; 6]. В 1960 г. выходит в свет его интересная монография «Присоединение Мерва к России». Эта работа Тихомирова дает всестороннюю характеристику событий в Средней Азии в 80-х годах XIX в. [14]. Таким образом, и в этой области М.Н. Тихомиров избирает для исследования те моменты в жизни народов СССР, когда их судьбы смыкаются с судьбами русского народа. Исторические корни дружбы народов Советского Союза – такова главная тема этих исследований.

М. Н. Тихомирова интересует и славянский мир в целом. Ряд своих статей он посвящает выяснению связей Древней Руси с другими славянскими странами и Византией, определению международного положения нашей страны в ту отдаленную эпоху [20; 1].

Велики заслуги Тихомирова в разработке проблем источниковедения. Ряд своих работ Тихомиров посвятил исследованию одного из основных письменных источников по ранней истории России – «Русской Правде». В своем «Исследовании о "Русской Правде"» Тихомиров подвергает изучению важнейшие проблемы, связанные с этим памятником, – происхождение текстов и возникновение редакций [9]. Он делает новые наблюдения в отношении наиболее изученной редакции Краткой. В частности, ему удается убедительно доказать время возникновения Краткой редакции «Русской Правды». Особо следует отметить установленные связи между возникновением основной части «Русской правды» и рядом народных восстаний, прошедших незадолго до этого, что позволило ярко выявить классовый характер этого памятника. Огромную работу провел Тихомиров при анализе менее изученной редакции – так называемой Пространной Правды, дошедшей до нас во многих списках. Тихомиров воссоздал протограф (т.е. первоначальный текст) Пространной Правды и убедительно показал, что этот памятник возник в среде, близкой к князю, т.е. был документом правительственного (а не частного, как это раньше доказывали) происхождения. Тихомиров установил датировку памятника и непосредственный повод его возникновения: усиление классовой борьбы в Новгороде, а именно восстание 1209 г. В отличие от своих предшественников Тихомиров большое внимание уделил Сокращенной Правде, обычно считавшейся самой поздней и являвшейся сжатым воспроизведением Пространной. Он сближает Сокращенную редакцию не с Пространной, а с Краткой и говорит о ее сложении примерно в XIV или в начале XV в. По его мнению, протограф Сокращенной Правды сам служил одним из источников для Пространной. Так всесторонне и оригинально трактует Тихомиров один из важнейших источников по истории Древней Руси. По материалам своего «Исследования о "Русской Правде"» он подготавливает учебное пособие о ней [13]. Оно снабжено обстоятельным комментарием. Тихомиров рассматривает причины появления отдельных редакций «Русской Правды» как продукт классовой борьбы. Он выясняет процесс развития древнерусского права, показывает, какое отражение в правовых нормах Правды нашли отношения собственности феодального общества, классовая борьба, социально-экономические институты. Для анализа содержания «Русской Правды» широко использует другие источники: летописи, памятники древ-

нерусского права (судебники и т.д.). Широкая постановка вопроса позволила М. Н. Тихомирову сделать большой вклад не только в источниковедческий анализ «Русской Правды», но и в понимание общего хода исторического развития Древней Руси.

Среди источниковедческих работ ученого важное место занимает опубликованный в 1940 г. курс «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.». Эту книгу можно назвать курсом конкретного источниковедения. Тихомиров не только дал подробный обзор письменных источников за весь указанный период и показал богатство нашей источниковедческой базы в целом, но и дал критический анализ наиболее важных памятников [10]. В 1962 г. вышло в свет новое, дополненное и переработанное издание этого курса. Михаил Николаевич открыл несколько памятников нашего летописания – Московский свод 1479 г., Вологодско-Пермскую летопись и другие [18].

Не менее важной заслугой М. Н. Тихомирова является его широкая публикаторская деятельность. Помимо изданий «Русской Правды» Тихомирову принадлежит ведущая роль в деле возрождения такой знаменитой серии, как Полное собрание русских летописей. Им изданы также такие важнейшие памятники, как Соборное Уложение 1649 г., «История Российская» В. Н. Татищева и многие другие. Публикации Тихомирова всегда отличаются максимально точной передачей текста и сопровождаются введениями и комментариями.

М. Н. Тихомиров был одним из основателей русской кодикологии – вспомогательной исторической дисциплины, изучающей историю изготовления, состав и судьбу рукописных книг.

Он внес немалый вклад в развитие методов палеографии, стоял у истоков берестологии: в начале 1950-х годов он в числе первых расшифровал, перевел, прокомментировал и подготовил к печати берестяные грамоты, обнаруженные при археологических раскопках в Новгороде.

С источниковедческой деятельностью М. Н. Тихомирова непосредственно связана и его роль признанного главы советской археографии [22, 31]. Он непрерывно вел работу по разысканию, описанию и изданию рукописных памятников, неустанно привлекая к этому делу внимание советской общественности. По инициативе М. Н. Тихомирова в 1956 г. Президиум Академии наук СССР создал при отделении исторических наук Археографическую комиссию, бессменным руководителем которой он остался до своей смерти. Под его наблюдением комиссия организовывала поиски и описание древних рукописей. Большое значение имеет создание сводного каталога уникальных рукописей.

Важное место в трудах М. Н. Тихомирова занимает его работа по исторической географии. Особое внимание привлекает его капитальный труд «Россия в XVI столетии» [16]. В нем дано описание географических условий и хозяйственных укладов отдельных областей, сохранивших живые следы прежней феодальной раздробленности, и одновременно выявлены предпосылки образования всероссийского рынка. Сочетание внимания к природным условиям и к социально-экономическому состоянию различных районов превращает это исследование в общий труд по истории России XVI в., написанный в историко-географическом плане. Благодаря этому Тихомирову удаётся конкретно рассмотреть ряд основных вопросов исторического развития страны. Это потребовало от ученого мобилизации огромного материала, который был обеспечен исключительным знанием источников. Монография Тихомирова – одно из лучших исследований по исторической географии России.

Рассматривая деятельность Тихомирова в области исторических дисциплин, следует отметить его работы по русской историографии. В 1940 г. он публикует статью об одном из первых русских историков – В. Н. Татищеве. Несколько работ М. Н. Тихомиров посвящает исследованию исторических взглядов М. В. Ломоносова, характеризует вклад гениального русского ученого в развитие русской исторической науки XVIII в. М. Н. Тихомиров принимает активное участие в создании капитального труда по истории исторической науки в СССР, предпринятого Академией наук СССР. Он является одним из организаторов, редакторов и авторов этого издания [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М., 1969.
2. Михаил Николаевич Тихомиров. Библиография: Материалы к библиографии ученых СССР. – М., 1963.
3. Мухамедьяров, Ш. Ф. Вопросы истории народов Поволжья в трудах М. Н. Тихомирова / Ш. Ф. Мухамедьяров // Археографический ежегодник за 1976 год. – М., 1977.
4. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1 / под ред. М. Н. Тихомирова (глав. ред.), М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. – М., 1955.
5. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – М., 1956.
6. Тихомиров, М. Н. Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией / М. Н. Тихомиров, А. В. Лихолат // Коммунист. – 1954. – № 1.
7. Тихомиров, М. Н. Город Дмитров. От основания города до половины XIX в. / М. Н. Тихомиров. – Дмитров, 1925.
8. Тихомиров, М. Н. Древняя Москва / М. Н. Тихомиров. – М., 1947.
9. Тихомиров, М. Н. Исследование о «Русской Правде» / М. Н. Тихомиров. – М., 1941.
10. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: Курс источниковедения истории СССР: учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов / М. Н. Тихомиров. – М., 1940.
11. Тихомиров, М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1955.
12. Тихомиров, М. Н. Новгородское восстание 1650 г. / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – М., 1940. – № 7.
13. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения «Русской Правды» / М. Н. Тихомиров. – М., 1953.
14. Тихомиров, М. Н. Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. – М., 1960.
15. Тихомиров, М. Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века / М. Н. Тихомиров. – М., 1935.
16. Тихомиров, М. Н. Россия в XVI столетии / М. Н. Тихомиров. – М., 1962..
17. Тихомиров, М. Н. Русская культура X-XVII вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1968.
18. Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М., 1979.
19. Тихомиров, М. Н. Средневековая Москва в XIV-XV вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1957.
20. Тихомиров, М. Н. Средневековая Россия на международных путях / М. Н. Тихомиров. – М., 1966.
21. Тихомиров, М. Н. Соборное Уложение 1649 года: учеб. пособие для высшей школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М., 1961.
22. Чистякова, Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров / Е. В. Чистякова. – М., 1987.

Ковалев С. В.
S. V. Kovalev

БРИТАНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ (1773 – 1798 гг.)

BRITISH COLONIALISM IN EASTERN ARABIA (1773-1798)

Ковалев Сергей Владимирович – докторант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119571, Москва, пр. Вернадского, 88; 8 (495) 438-04-08. E-mail: ksv@inbox.ru.

Mr. Sergey V. Kovalev – doctoral candidate of Department of the Modern and Contemporary History of Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 119571, Moscow, 88 Vernadskogo Av.; 8 (495) 438-04-08. E-mail: ksv@inbox.ru.

Аннотация. Статья посвящена переломному этапу в истории британского колониализма в Восточной Аравии, оказавшему большое влияние на последующую судьбу региона.

Summary. The paper describes the turning point in the British colonial history in Eastern Arabia that exerted considerable influence upon the following historical development of the region.

Ключевые слова: Британия, колониализм, Восточная Аравия, кризис, влияние.

Key words: Britain, colonialism, Eastern Arabia, crisis, influence.

УДК 960(394)

В начале 70-х гг. XVIII в. Ост-Индская компания оказалась на грани банкротства. Реальная угроза кризиса торгово-колониального и морского могущества Англии обеспокоила ее правящие круги. Об этом свидетельствовали дискуссии, развернувшиеся в парламенте. Обсуждение вопросов, связанных с имперской колониальной политикой, велось с небывалым ожесточением. Представители земельной аристократии и торгово-промышленной буржуазии открыто поставили под сомнение целесообразность сохранения старой колониальной системы и решительно выступили против монопольных компаний, их агентов и связанного с ними королевского двора. Особенно резкой критике подвергалась Ост-Индская компания, рост богатства и политического влияния которой давно вызывал недовольство многих. Вместе с тем представители финансовых и колониальных кругов, поддержанные дворцовой камарильей, прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить традиционную систему.

В 1773 г. большинством голосов парламент утвердил Акт о правилах лучшего управления делами Ост-Индской компании, вводивший правительственный контроль над территориальными владениями и деятельностью компании. События последующих лет показали, что Акт сам по себе мало что значил: представители финансовых и колониальных кругов практически не считались с ним. В результате борьба в парламенте разгорелась с новой силой. Лишь в 1784 г. под давлением объективных обстоятельств, в частности банкротства Ост-Индской компании, враждовавшие парламентские группировки заключили соглашение: был принят закон «о лучшем управлении Ост-Индской компанией и британскими владениями в Индии». Закон сохранял торговые привилегии компании (до 1813 г.), но передавал управление ее владениями и контроль над ее политикой правительственному Контрольному совету; таким образом, компания превратилась в послушное орудие британских властей, возглавляемых на Востоке генерал-губернатором Индии [1].

Билли 70-х и 80-х гг. XVIII в. означали гораздо больше, чем решение вопросов, связанных с делами британской Ост-Индской компании. В целом билли 70-х и 80-х гг. XVIII в.

как нельзя более соответствовали требованиям времени. Практически к этим годам восходят истоки новой колониальной политики, которая в конечном счете привела к созданию новой колониальной системы Великобритании, соответствовавшей повсеместно утвердившемуся принципу господства «цивилизованных», экономически развитых держав-метрополий над «нецивилизованными», экономически отсталыми колониальными и зависимыми странами.

Само собой разумеется, что эта новая колониальная политика не только в период ее зарождения, но и впоследствии, когда она окончательно сформировалась, опиралась лишь на силу. «Наша империя, – писал в самом начале XIX в. один из апологетов британского колониализма Вильям Ховит, – не есть империя, держащаяся общественным мнением; она не есть даже империя закона; она была приобретена, она управляется, она удерживается, пока не изменена вся система управления, прямым воздействием силы» [2]. И все же эта политика отличалась от экспансионизма прошлого, т.к. при реализации планов дальнейшего расширения британских колониальных владений и их более прочного подчинения метрополии предусматривала следующее: во-первых, ограниченное применение силы непосредственно метрополией и возможно более широкое использование испытанного временем принципа Римской империи «разделяй и властвуй»; во-вторых, одновременное применение менее дорогостоящих и рискованных методов «мирного», экономического закабаления; в-третьих, обязательное принятие мер, направленных на постепенное создание в колониальных и зависимых странах более или менее прочной социальной опоры.

В XVI – XVIII вв. «расширение» и «освоение» мира происходило в «европоцентрическом» порядке: европейцы совершали географические открытия, осуществляли завоевание и колонизацию новых земель, по их инициативе отмирали старые и появлялись новые торговые пути и т.д. При этом, естественно, происходило установление господства отдельных, часто сменявших друг друга европейских государств [3]. Во второй половине XVII в. во главе «европоцентрического» мирового хозяйства оказалась Англия (см. прим. 1). Однако до полной победы британского колониализма было еще далеко. Во Франции уже зрели планы завоевания гегемонии в мире, осуществление которых началось в период наполеоновских войн.

В Лондоне шла лихорадочная подготовка к очередному этапу колониальных захватов на Востоке, в частности в районе Персидского залива.

Интерес британских правящих кругов к району Персидского залива именно в это время впервые стал официально обосновываться необходимостью обеспечения обороны Индии. Однако фактически он по-прежнему был самым тесным образом связан с давними планами торгово-колониальной экспансии в восточных вилайетах Османской империи и юго-западных областях Ирана. Несмотря на осложнение международной обстановки в конце XVIII в., правительство Питта Младшего расценивало эти планы как вполне своевременные и реальные. Для подобного рода оптимизма действительно имелись некоторые основания.

К числу основных факторов, представлявшихся британским властям наиболее обнадеживавшими, следует отнести следующие:

– во-первых, явное ослабление турецкого влияния в районе Персидского залива, явившееся прямым следствием кризиса Османской империи, падения ее международного престижа после ряда военных поражений и территориальных потерь;

– во-вторых, столь же очевидное ослабление иранского влияния, вызванное ожесточенной борьбой в Иране за шахский престол между Зендами и Каджарами, в ходе которой, по мере того как шансы последних на победу увеличивались, центр политической и экономической жизни перемещался с юга (из Шираза) на север (в Тегеран);

– в-третьих, возникновение в районе Персидского залива, выражаясь современным языком, некоего «вакуума силы», порожденного не только ослаблением позиций Османской империи и Ирана, но и изгнанием арабами (в 1776 г.) наиболее опасных претендентов на экономическое, а затем и на политическое господство в этом районе – голландцев [5].

Британское правительство не спешило с организацией нового вторжения в район Персидского залива. Опыт, почерпнутый во время военных столкновений Ост-Индской компа-

нии с населением Южной и Восточной Аравии, подсказывал ему необходимость действовать осмотрительно. В связи с этим генерал-губернатору Индии Корнуоллису были даны указания ориентировать Ост-Индскую компанию не на подготовку к возобновлению военных действий против арабов, а к проведению по отношению к ним сложных дипломатических маневров в соответствии с новой колониальной политикой. Ближайшей целью этих маневров объявлялась «нормализация» отношений с правителями Южной и Восточной Аравии.

Лорд Корнуоллис считал за лучшее начать выполнение полученных указаний с попыток установления «дружественных отношений» с Оманом.

Ставка на Оман была не случайной. В конце XVIII в. это некогда сильное феодальное государство, подчинявшее своему влиянию большинство племен и племенных конфедераций Южной и Восточной Аравии, вступило в полосу кризиса. Кризис достиг апогея в 1789 г., когда имам Сайд бен Ахмед в нарушение религиозных канонов ибадитской секты ислама передал светскую власть своему сыну Хамиду бен Сайду, сохранив за собой сан духовного владыки. В стране вспыхнула междоусобица. В ходе борьбы между сторонниками и противниками реформы Хамиду бен Сайду пришлось покинуть столицу государства Растак и укрыться в Маскате. После его смерти власть узурпировал брат имама Султан бен Ахмед. В 1792 г. он закрепил за собой и своими потомками титул султана Маската. Таким образом, государство фактически распалось на враждовавшие между собой имамат Оман и султанат Маскат.

Вскоре Маскат оказался в чрезвычайно тяжелом положении, что вынудило Султана бен Ахмеда начать поиски союзников. Этим обстоятельством и воспользовался генерал-губернатор Индии, обеспокоенный к тому же появлением в Маскате агентов Франции. К Султану бен Ахмеду был направлен представитель Ост-Индской компании перс Махди Али-хан. Британский эmissар предложил ему содействие в заключении договора с Англией; высказанная в ходе переговоров угроза блокады Маската флотом Ост-Индской компании решила исход дела [6]. В октябре 1798 г. был подписан англо-маскатский договор.

В соответствии с договором 1798 г. султанат Маскат за весьма туманные обещания помощи со стороны Англии обязался держать сторону Англии в международных делах; не разрешать Франции и Голландии в военное время создавать на территории султаната торговые и иные базы; не допускать присутствия в территориальных водах военных кораблей Франции; отказывать подданным Франции в праве пребывания и проживания в султанате; содействовать флоту Англии в борьбе с флотом Франции (см. прим. 2). На просьбу англичан разрешить им создать в Маскате укрепленную факторию Султан бен Ахмед ответил отказом, согласившись на присутствие англичан в принадлежавшем султанату Бендер-Аббасе. Впрочем, этот спорный вопрос был частично решен в 1800 г., когда прибывшему в султанат британскому дипломату Дж. Малькольму удалось убедить Султана бен Ахмеда подписать новое соглашение, которое не только подтвердило все пункты ранее заключенного договора, но и узаконило постоянное пребывание в Маскате британского политического резидента, наделенного весьма широкими полномочиями [7].

Многие западные историки, следуя давней традиции, утверждают, что договор 1798 г. и соглашение 1800 г. были нацелены главным образом на укрепление обороны Индии. Однако есть основание полагать, что в Лондоне придавали гораздо большее значение тем условиям договоров, которые обязывали Маскат поддерживать политику Англии на Востоке, в частности в Аравии, чем прочим условиям, в значительной степени носившим «профилактический» характер. Во всяком случае, упомянутые акты создавали исключительно благоприятные условия для нового вторжения Англии в район Персидского залива. Не случайно после их вступления в силу агенты Ост-Индской компании немедленно вплотную занялись проблемой «нормализации» отношений с правителями Восточной Аравии. Настойчивые требования нового генерал-губернатора Индии А. Уэлсли решить эту проблему в кратчайший срок были вызваны не французской, а ваххабитской угрозой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиббинс, Г. Б. Очерк истории английской торговли и колоний / Г. Б. Гиббинс. – СПб., 1899. – С. 65-66.
2. Howitt, W. The English in India / W. Howitt. – L., 1839. – 80 p.
3. Витвер, И. А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира / И. А. Витвер. – М., 1963. – С. 97-98.
4. Sykes, P. A. History of Persia / P. A. Sykes. – L., 1930. – Vol. 2. – 80 p.
5. Kelly, J. Britain and Persian Gulf. 1785 – 1880 / J. Kelly. – Oxf., 1968. – 68 p.
6. Persian Gulf. Handbooks Prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. – L., 1920. – № 76. – P. 48-49.
7. Wilson, A. T. The Persian Gulf. A Historical Sketch from the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century / A. T. Wilson. – L., 1954. – 232 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Получившие в 1783 г. независимость Соединенные Штаты Америки еще не могли нарушить «европоцентризм» мирового хозяйства.
2. Блокада Маската с моря неминуемо поставила бы султанат, снабжавшийся продовольствием и товарами первой необходимости из Индии, в катастрофическое положение.

Киба Д. В.
D. V. Kiba

**ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ СВЯЗЕЙ
В СФЕРЕ КИНОИСКУССТВА В 1920-1930-е гг.**

**THE RISE AND DEVELOPMENT OF SOVIET-JAPANESE RELATIONS IN THE FIELD
OF MOTION PICTURE ARTS: 1920S-1930S.**

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; 8(4217)59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 50 - 336, Komsomol Str., Komsomolsk-on-Amur, 681021; + 7 (4217) 591640. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается зарождение и развитие советско-японских связей в сфере киноискусства в 1920 – 1930-е гг. Выявляются характерные черты японского кино, причины обращения японских кинематографистов к советскому киноискусству, рассматриваются формы взаимодействия двух стран в сфере кино: прокат фильмов, организация киновыставок, издание книг советских режиссеров. Прослеживается деятельность организаций и редакций газет Японии, занимавшихся прокатом советских фильмов. Автор приходит к выводу, что японские общественные организации и частные лица проявляли большую инициативу и активность в стремлении наладить взаимодействие в сфере кино с Советской Россией.

Summary. The paper examines the emergence and development of Soviet-Japanese relations in the field of cinema in 1920s – 1930s. I identify the characteristic traits of Japanese cinema, the reasons for Japanese filmmakers' interest in Soviet cinematic art, along with a consideration of the forms of cooperation between the two countries in the field of cinema: movie renting, movie exhibitions, publishing books by Soviet film directors. I seek to trace the work of organizations and newspapers in Japan engaged in the rental and distribution of Soviet films. I make a conclusion that Japanese public organizations and individuals entrepreneurs showed a great initiative and activity striving to establish cooperation with Soviet Russia in the field of cinema.

Ключевые слова: киноискусство, прокат фильмов, выставка советского кино, ВОКС, общество «Пролетарское кино».

Key words: cinema, movie rental, exhibition of Soviet cinema, VOCS, All Union Society for Cultural Relations, Proletarian Cinema Society.

УДК 94(47)

Сближение Японии и Советской России началось после подписания 20 января 1925 г. в Пекине Договора об основах советско-японских отношений. Помимо общих дипломатических и экономических контактов, он положил начало интенсивным культурным связям двух стран.

В 1920-е гг. осуществлялась разнообразная программа двусторонних связей СССР и Японии в сфере искусства. В апреле 1926 г. в Москве состоялся вечер японской литературы, в рамках которого актеры театра Мейерхольда показали спектакль «Кагэ-киё». Год спустя Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) организовало выставку, на которой экспонировалось около ста сорока полотен и двухсот рисунков русских художников-авангардистов. В Японии было проведено за три года девять выставок, которые познакомили

японскую публику с разными областями советской культуры. В данной связи закономерным являлось развитие советско-японского взаимодействия в сфере киноискусства. Последнее являлось доступным и понятным средством знакомства с традициями и культурой другого народа. Языковой барьер при этом не становился препятствием, так как большинство фильмов были немыми или сопровождались переводом.

На развитие кино в Японии существенное влияние оказывал театр. Женские роли в фильмах исполняли мужчины, действие картины сопровождалось пояснением. В результате фильмы Страны восходящего солнца представляли собой своеобразный киноофицированный Кабуки. Однако в таких условиях японская национальная киноиндустрия не могла претендовать на значительное место на экране. Американские фильмы, наводнившие японский рынок, отличались особой выразительностью, специфическим киноязыком. Японские картины не могли конкурировать с иностранными ни в технике, ни в содержании. Результатом явился закономерный кризис японского кино, выход из которого нашли молодые режиссеры, настаивающие на реалистичной манере исполнения, привлечении актрис, появлении титров. Начался отход от театральной традиции. В результате в начале XX в. в Японии возникло новое обозначение кино – эйга. Выдающимися режиссерами, которые снимали новые реалистичные ленты, были Э. Танака (фильм «Живой труп» 1918 г.), К. Курихара (фильм «Клуб любителей» 1920 г.).

В 1920 г. была основана компания «Сётику», при которой в Исследовательском институте началась деятельность режиссеров Г. Котани, К. Усихары, Я. Симадзу. В «Сётику» ставились фильмы о современности (гэндайгэки). В начале XX в. появился жанр динамичного фехтовального фильма (кэнгэки), в котором были заимствованы приемы Гарри Пиля и Дугласа Фербенкса. Картины пользовались огромным успехом и способствовали тому, что количество кинотеатров в Японии достигло 1200 [1]. Характерными чертами японского кино являлись театральность фильмов, замедленность действия, созерцательность, лаконизм, примитивный монтаж (сцепление кадров было простым и редко шло далее логической последовательности эпизодов). Близость к Кабуки обусловила сильные стороны японского кино: исключительно точная проработка отдельного кадра, продуманная компоновка фигур и вещей, высокая культура жеста и слаженности движений, в особенности в таких сценах, как массовые поединки и битвы на мечах [9].

Японское кино в рассматриваемый период оставалось неизвестным на мировом экране. В 1920-е гг. демонстрировалась только одна картина Страны восходящего солнца в Америке и Германии – фильм «Йошивара» Кинугасы. Японскому кино для того, чтобы попасть на мировой экран, необходимо было обратиться к европейскому и советскому киноискусству и перенять его опыт. Последнее привлекало японцев не только техническими новинками, но и экзотичностью показываемой на экране жизни [2].

Советско-японское взаимодействие в сфере кино началось в форме обмена кинолентами. Прокат советских фильмов в Стране восходящего солнца начался в 1929 г. [3]. Одним из первых советских фильмов, пропущенных японской цензурой, был «Турксиб», демонстрировавшийся в течение шести дней на экранах Токио. Затем в прокат вышел «Потомок Чингисхана», однако 700 метров данной ленты были урезаны цензурой. Несмотря на это, фильм имел большой успех у зрителя. В соответствии с традициями японского кино, демонстрация фильма сопровождалась словами пояснителя – «кацубэна». Его необходимость объяснялась также тем, что жестикация у европейцев была иная, чем у японцев. Японский зритель часто мог не понять, что означает та или иная мимика. Кацубэну приходилось объяснять зрителям, что в данный момент переживает герой фильма. Кацубэн менял голос для передачи речи героинь и злодеев. Постепенно объяснения превратились в вид декламационного искусства. Пояснения к советской ленте «Потомок Чингис-хана» были настолько искусными, что они впоследствии были записаны на граммофонную пластинку. По либретто фильма была записана пьеса.

В течение 1931 г. были разрешены цензурой и поступили в прокат фильмы «Падение династии Романовых», «Голубой экспресс», «Игденбу», «Земля», «Весной», «Привидение, которое не возвращается» [3].

На волне возрастающего интереса к советским фильмам в 1929 г. в Японии открылась выставка советского кино, организованная либеральной газетой «Асахи». Разделу европейского кино было уделено очень мало внимания, почти все помещение выставки было заполнено экспонатами советской кинематографии. После первого осмотра последняя полиция не изъяла ни одной вещи, но через несколько часов по ее распоряжению убрали снимок митинга, состоявшегося после смерти В. И. Ленина на одном из московских заводов [4].

В Токио было организовано специальное акционерное общество «Земля», которое ставило своей задачей продвижение советских фильмов на японские экраны. Организатором данного общества и его деятельным участником был журналист Иппей Фукуро, побывавший в СССР летом 1930 г. Общество за наличные деньги покупало советские фильмы. Оно способствовало прокату фильма «Весной», который после разрешения цензурой демонстрировался в течение недели одновременно в трёх первоэкранных театрах Токио. Об успехе фильма говорит целый ряд рецензий, помещенных как в специальной, так и в общей прессе. В марте 1931 г. фильм опять демонстрировался одновременно в пяти театрах Токио (Хонго-За, Догензака-Кинема и др.).

И. Фукуро при содействии киносекции ВОКС и редакции газет «Дзи-Дзи-Симпо» и «Осака Майничи» устроил ряд общественных просмотров советских фильмов. В Токио им была организована выставка советского кино. Последнюю посетило 55 000 человек, она демонстрировалась в Нагоя, Киото, Осака, Кобе, Фукуока [3]. Количество зрителей свидетельствует о значительном интересе к советскому кино. В Советской России в «Советское искусство» публиковались статьи И. Фукуро о японском кинематографе [5].

Кроме общества «Земля» прокатом советских фильмов занималась газета «Осака Майничи», фирма «Асари» из Сиоцику. Последняя прокатывала советские фильмы, полученные от Токио при условии, что они прошли цензуру [6]. Газета «Осака Майничи» имела киносекцию, которая обладала развитой киносетью. Данная киносекция организовала по своей инициативе «Всеяпонское общество культуркино», которое осуществляло культурные связи с заграницей, обменивалось хроникой и культурфильмами в том числе с СССР. Произведенная данной секцией хроника «Праздники в Японии» демонстрировалась в СССР в 1930 г.

В Японии работали общества «Пролетарское кино» и «Онга Гейджюцу Кенуиу Джо» (Общество исследования звукового киноискусства). В состав общества «Пролетарское кино» входили левые кинематографисты, на которых сильное влияние оказывало советское киноискусство [6]. Общество исследования звукового киноискусства было создано в 1933 г. сценаристом К. Мацудзакэ и режиссером С. Кимура. Оно выступило со своей первой звуковой лентой «Молодость за рекой», изображающей судьбу молодой девушки – дочери бедняка-крестьянина. Советское киноискусство популяризировала Ассоциация писателей, издававшая на японском языке книги и статьи С. М. Эйзенштейна, В. И. Пудовкина [7].

В количественном отношении в Японии демонстрировалось меньше советских фильмов, чем американских и европейских. Так, в 1932 г. в прокат был выпущен только один фильм производства Советской России. Для сравнения в том же году было показано 182 американских фильма, 5 французских, 18 германских фильмов [5]. Однако, несмотря на малочисленность, советские ленты пользовались большим успехом.

Советский фильм «Путевка в жизнь» занимал первое место наряду с французской лентой «Нам свободу» среди 200 заграничных фильмов, демонстрируемых в Японии. Этот выбор был сделан 20 крупными критиками в самом большом еженедельном киножурнале «Кимена Джумпо». Министерство народного просвещения Японии выкупило копию советской ленты за ее высокие культурные достоинства [5]. Фильм собрал 10 000 иен, что свидетельствовало об успешном прокате.

Советские фильмы японская публика встречала с нетерпеливым ожиданием. И. Фукуро отмечал, что не было такого случая, чтобы лента из Советской России не пользовалась большим успехом. Он писал: «Ни японские, ни заграничные фильмы не выдерживают сравнения с советскими» [5]. Прокат последних в начале 1930-х гг. приносил компаниям прибыль.

Постепенно к 1933 г. советские фильмы перестали приносить заметные доходы прокатчикам. Среди причин такого положения вещей следует выделить отсутствие в советских лентах фантастического, гротескового, авантюрного сюжетов, меланхолической лирики, героиня которой должна быть молодой красивой девушкой; усиление давления цензуры вследствие увеличения фашистского влияния; беспокойство первоклассных кинотеатров за демонстрацию советских фильмов; ограниченность пропаганды и рекламы советских фильмов. Цензура не пропускала советские фильмы, рисующие революционное движение, восстание рабочих или крестьян, стачку на заводе. Чужая тематика, динамизм, не свойственный японскому зрелищу, краткость также не создавали благоприятных условий для популярности советского кино.

В апреле 1933 г. в Японии было организовано крупное общество «Ниссо Сиокай», непосредственно связанное с Союзкиноэкспортом – торговым представительством СССР в Стране восходящего солнца. Ниссо Сиокай консультировалось с советскими организациями по отдельным вопросам кинопроизводства. В 1934 г. для повышения и мобилизации внимания к советскому кино И. Фукуро совместно с передовыми журналистами составил план организации «Общества друзей советского кино». Однако организация данного общества была возможна при поддержке советских структур. Последние не оказали представителям японской общественности помощи.

В СССР импорт и экспорт кинофильмов до 1933 г. осуществлялся "Киноэкспортимпортом" и "Союзкиноэкспортом", затем их функции перешли к Всесоюзной государственной конторе по киноэкспорту и киноимпорту ("Союзинторгкино"), подчиненной Главному управлению кинофотопромышленности (ГУКФ), а с 1938 г. – Комитету по делам кинематографии при СНК СССР.

Единственной организацией, занимавшейся культурными связями с зарубежными странами было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Работу общества курировали Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала и НКВД. Планируя организовать то или иное мероприятие, общество запрашивало мнения отдела Дальнего Востока НКВД. Последний мог одобрить или возразить против того или иного события культурной жизни. Таким образом, в СССР не существовало четкого разграничения между деятельностью государственных структур и общественных организаций. Целесообразнее говорить об общественно-государственных усилиях советской стороны по налаживанию гуманитарного взаимодействия с Японией в том числе связей в сфере киноискусства.

Интенсивному развитию последних мешали идеологические противоречия, технические сложности, связанные с демонстрацией в СССР фильмов. В целом для рассматриваемого периода больший интерес к советской культуре проявляла именно Япония. Советские организации прилагали незначительные усилия по налаживанию советско-японского взаимодействия в сфере киноискусства.

В СССР в 1920 – 1930-е гг. демонстрировались пролетарские японские ленты «Сумико», «Молодость за рекой», «Храбрец из Киото», «Страна Островов», мультипликационный фильм «Замок Иосида». Фильмы были встречены советским зрителем с большим интересом [5]. Постановщик картины «Храбрец из Киото» Кинугас старательно изучал советское кино, с этой целью в 1928 г. он посетил Москву [9]. Так называемое буржуазное кино не допускалось к советскому зрителю. Интерес для советских структур представляли пролетарские фильмы Японии. Последние были немногочисленны, поэтому советский зритель не мог по ним получить представление о японском кино.

Пробел в знаниях попыталась восполнить первая киновыставка иностранного кино, посвященная японскому киноискусству. Она открылась 4 июня 1929 г. в Первом Совкинотеатре Москвы [10]. Мероприятие было организовано ВОКС совместно с Совкино, а также крупным японским журналом «Кинема-рекорд» [11]. Благодаря содействию ряда выдающихся деятелей японского кинематографа из Японии были получены интересные экспонаты. На выставке были представлены журналы о кино, фотографии отдельных кадров, актеров, рабочих моментов, ателье, что давало представление о художественных и производственных масштабах японского кинематографа.

Выставка охватывала шесть разделов: кинопроизводство, кинотеатральная сеть, киноактер, фильмы, плакат и пресса. Интерес представлял японский кино-плакат, сочетающий в себе элементы старой японской гравюры и рекламной афиши американского типа. Важнейшим разделом являлись игровые «самурайские» ленты, сделанные на историческом материале. Выставка показывала только наиболее интересные этапы японской истории, сохраняющие между собой связь и выявляющие процесс исторического развития японского государства.

Ценность данной выставки была общекультурная, она должна была привлечь еще большее внимание японской общественности к СССР. К открытию выставки ВОКС издал сборник-каталог со статьями о японском кино и плакате профессора Н. И. Конрада, Д. Аркина, Н. Кауфмана. В сборнике прослеживалась история становления и специфика японского кино в контексте национальной культуры. После выставки на страницах советской прессы появлялись статьи, указывающие на необходимость постижения культуры Японии и сближения двух стран.

Японское кино представляло интерес для Советской России не только своими информативными свойствами: за непродолжительный отрезок времени можно было ознакомиться с историей и традициями Страны восходящего солнца. Киноискусство Японии было молодо и неконкурентоспособно, чем оно также привлекало зрителя. В рассматриваемый период СССР принадлежало право широкого показа японских фильмов.

В 1930-е гг. интерес к СССР и киноискусству страны проявляли не только режиссеры пролетарского направления, но и известные мастера, не относящиеся к левым общественным силам. Так, в сентябре 1932 г. уполномоченный ВОКС в Японии М. Галкович встретился с Судзуки – режиссером картины «Человек, который убил медведя». Мастер выразил желание приехать в СССР через посредничество ВОКС и поставить совместно с советскими режиссерами для японского кино «Шинель» Н. В. Гоголя [13].

Советско-японское взаимодействие в сфере кино остановили процесс милитаризации в Японии. В 1930-е гг. страна активно готовилась к войне. Часть кинопромышленников поддерживала милитаризм. В 1933 г. «Пролетарский культурный фронт» был распущен. К 1934 г. деятельность «Прокино» стало едва заметно. В 1935 г. была создана Киноассоциация великой Японии, способствовавшая милитаризации кино. Активизировалась цензура. В документальное и игровое кино проникли шовинистическая и милитаристская пропаганда. Таким образом, в конце 1930-х гг. советско-японские связи в сфере киноискусства потеряли интенсивность и были свернуты.

Обращение японских кинематографистов к советскому искусству было связано с необходимостью преодоления кризисного периода. В СССР японское кино воспринималось как экзотическая новинка, также как и советские картины привлекали зрителя демонстрацией нового европейского уклада. Однако различия культур не позволили советским фильмам стать прибыльными для кинопрокатчиков в Японии. Японское и советское кино были принципиально разные, каждое отражало особенности национальной культуры. Целесообразно говорить не о диалоге двух культур посредством кино, а о встрече, которая стала возможна благодаря киноискусству. Следует отметить факт наличия цензуры, которая сокращала число фильмов, доступных зрителю.

Для японских специалистов обмен опытом с Советской Россией имел, безусловно, положительное значение. Японцы познакомились с советскими реалиями, постигали советскую культуру и технические новшества киноискусства СССР. Прокат советских фильмов организовывался усилиями не государственных, а частных организаций Японии и частными лицами. В СССР развитию советско-японских связей в сфере искусства способствовали ВОКС и Совкино. Однако усилия отдельных сподвижников японо-российской дружбы, частных организаций Японии были недостаточны для знакомства с киноискусством СССР и Японии, требовалась поддержка советских общественных и государственных организаций. Последнее в рассматриваемый период не проявляли активность в направлении развития киносвязей с Японией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов, Г. В. Киото / Г. В. Осипов // Литературная газета. – 1929. – 3 июня. № 7. – С. 4.
2. Белявский, М. Япония в Москве / М. Белявский // Кино. – 1929. – № 23. – С. 1.
3. Советские фильмы за границей // Пролетарское кино. – 1931. – 4 апреля. – С. 62.
4. Советская киновыставка в Японии // Литературная газета. – 1929. – 26 августа. – № 19. – С. 4.
5. Фукуро, И. Сегодня японского кино / И. Фукуро // Советское кино. – 1934. – 10 сентября. – С. 64-70.
6. Еремин, В. Н. Япония / В. Н. Еремин. – М.: Республика, 1992. – С. 284.
7. АВП РФ Ф. 0146. Оп. 15. Д. 49. Л. 35.
8. Садуль, Ж. Развитие прогрессивного киноискусства Японии / Ж. Садуль // Искусство кино. – 1955. – № 1. – С. 96-105.
9. Аتك, Д. Театр на экране / Д. Аتك // Литературная газета. – 1929. – № 8 – 10 июня. – С. 4.
10. Каменева, О. Д. Первый шаг / О. Д. Каменева // Литературная газета. – 1929. – 3 июня. № 7. – С. 4.
11. В день открытия выставки // Литературная газета. – 1929. – 10 июня. – № 8. – С. 4.
12. АВП РФ Ф. 0146. Оп. 15. Д. 49. Л. 28.
13. АВП РФ Ф. 0146. Оп. 15. Д. 49. Л. 48.

Махова И. Ю., Опевалова Е. В., Шмакова В. А.
I. Yu. Makhova, E. V. Opevalova, V. A. Shmakova

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ПАТРИОТИЗМ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

A PSYCHOLOGICAL INVESTIGATION OF THE IMPACT MASS MEDIA HAVE ON SENIOR SCHOOLCHILDREN'S AMOR PATRIAE

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: miu60@mail.ru.

Ms. Irina Yu. Makhova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: miu60@mail.ru.

Опевалова Екатерина Васильевна – кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: opevalova.ekaterina@mail.ru.

Ms. Ekaterina V. Opevalova – PhD in Psychology, Professor, Department of Educational Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: opevalova.ekaterina@mail.ru.

Шмакова Вера Андреевна – кандидат психологических наук, зав. кафедрой психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, доцент (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: shmakovavera66@mail.ru

Ms. Vera A. Shmakova – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Educational Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: shmakovavera66@mail.ru.

Аннотация. Рассматриваются результаты квазиэкспериментального исследования влияния видеосюжетов разной направленности, представленных в СМИ, на динамику ценностно-смысловых аспектов патриотических представлений старшеклассников.

Summary. The paper considers the results of a quasi-experimental study of the impact videos of different content and attitude in the media have on the dynamics of the value-semantic aspects of patriotic ideas in senior pupils.

Ключевые слова: влияние средств массовой информации, юношеский возраст, патриотические представления, эмоционально-ценностный компонент.

Key words: psychology, schoolchildren, mass media impact, video clips, patriotism.

УДК 159.9

В современном поликультурном и полипарадигмальном мире, в контексте получающих все большее распространение и поддержку идей глобализма проблема патриотизма и патриотического воспитания весьма актуальна.

В переводе с греческого «патриотизм» (πατριώτης – соотечественник, πατρίς – отечество) – это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы (Википедия). Традиционно в литературе разной направленности проявления патриотических чувств людьми оцениваются положительно, рассматриваются как «нравственные добродетели». Под патриотизмом подразумевается идентификация с соотечественниками,

гордость за свою страну и желание защищать ее интересы. Исторически патриотизм определен фактом территориальной и культурной целостности страны и закреплён в общественном сознании, отражающем общенациональные моменты в его развитии.

В сопоставлении с космополитизмом, идеологией «мирового гражданства», патриотизм утрачивает бесспорное положительное наполнение [7]. А негативная оценка космополитизма в «сталинские времена» и репрессии в адрес «безродных космополитов» лишь усиливают неоднозначность патриотизма в современной ситуации [1, 7]. Современные философы (М. Ридель), опираясь на содержание универсализма этики И. Канта, выдвигают идеи синтеза патриотизма и космополитизма, согласно которым национальные интересы и интересы человечества рассматриваются как взаимосвязанные и соподчинённые, где иерархически более важны интересы всего человечества [11].

Актуальность проблемы влияния СМИ на формирование патриотизма старшеклассников, таким образом, определена, во-первых, неоднозначностью целей. Вторая сторона актуальности связана с возрастными особенностями юношей, которые в силу возрастной критичности, склонности проверять новую информацию, гипотетически являются аудиторией, неподверженной влиянию массовой коммуникации [8, 10]. Кроме того, современные юноши практически не смотрят телевизор, предпочитая Интернет [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Третьей стороной рассматриваемой проблемы является вопрос об особенностях направленности информации, представленной в СМИ, и ее влиянии на целевую юношескую аудиторию. Актуальность данной проблемы подчеркивается как в ставших классическими исследованиях франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), так и в современных исследованиях влияния СМИ [9]. Исследования влияния СМИ на молодежную аудиторию активизировались в конце XX – начале XXI века в связи с российской интеграцией в мировое телевизионное и информационное пространство [6].

Утрата современной молодежной аудиторией массовой коммуникации признаков тоталитарного сознания, сформированных в советский период, определяет актуальность исследования влияния СМИ на патриотизм современных старшеклассников.

Целью эмпирического исследования выступило влияние просмотров видеосюжетов, демонстрируемых в СМИ, на динамику ценностно-смысловых аспектов патриотических представлений старшеклассников. Мы предположили, что в настоящее время СМИ оказывают не однонаправленное влияние на проявление патриотизма у старших школьников. Существует динамика ценностно-смысловой стороны патриотических представлений под влиянием просмотра видеоматериалов различной направленности. Исследование проводилось в рамках дипломного проекта [12] на выборке 16-17-летних учащихся 10-го класса одной из общеобразовательных школ Центрального округа г. Комсомольска-на-Амуре (объем выборки – 30 человек). Исследование было организовано в виде квазиэксперимента (отсутствие контрольной группы компенсировалось несколькими сериями тестирования после непосредственного воздействия) и предполагало два этапа: первый – констатирующий, второй – формирующий. На обоих этапах использован модифицированный вариант психометрического теста [3]. Испытуемым предлагалось ассоциировать формы личности со следующими категориями: «Родина», «Россия», «патриот», «гражданин»: «Посмотрите на пять фигур, изображенных на листе бумаги, прочтите перечисленные слова и подберите одну из предложенных фигур к каждой категории».

Формирующий эксперимент включал три серии. Первая серия условно названа «Патриотизм». Школьникам предъявляли видеоролик, длительность которого 2 минуты 8 секунд. Это фрагмент фильма режиссеров Ивана Шурховецкого и Артема Аксененко «Туман» 2010 г. о военном параде, посвященном празднику 9 мая – Дню победы. После просмотра предлагалось выполнить задание на ассоциацию указанных выше патриотических категорий с фигурами психометрического теста.

Вторая серия, получившая наименование «Антипатриотизм», предполагала просмотр видеоролика длительностью 2 минуты 22 секунды. Представленный на сайте «Youtube» видеосюжет получил условное обозначение «Натовские новобранцы из России».

Содержанием этого видеоролика является беседа русских мужчин с представителями международной Организации Североатлантического договора (NATO) о найме на службу. Перед просмотром данного видеоролика выясняли у школьников знания о NATO. Задавался вопрос: «Знаете ли Вы, что такое NATO?». В случае затруднений с ответом, школьникам давалась справочная информация о NATO (North Atlantic Treaty Organization) со ссылкой на Статью 4 Договора. После просмотра предлагалось выполнить задание на ассоциацию патриотических категорий с фигурами психометрического теста.

В третьей серии квазиэксперимента, условно названной «Ампутация Родины», предъявлялся видеосюжет с проблемной интерпретацией патриотизма. Длительность видеоролика составляет 1 минуту. Представлен на сайте «Youtube». В сюжете два противоположных мнения о России и родине, представляемые в форме беседы двух молодых людей – парня и девушки. После просмотра вновь предлагалось выполнить задание на ассоциацию патриотических категорий с фигурами психометрического теста.

Исследование проводилось фронтально. Просмотр видеосюжетов, соответствующих каждой серии квазиэксперимента, осуществлялся с интервалом в 1 день.

Привлекательность патриотических понятий определялась ранжированием фигур, ассоциированных с ними. Данная процедура предусмотрена в модифицированном варианте теста С. Делингер.

На рис. 1 представлены средние ранги привлекательности понятий на всех этапах исследования. Гистограмма показывает (рис. 1), что на всех этапах исследования на первом месте по привлекательности находится понятие «Родина», а на последнем – «гражданин».

Обнаружена тенденция повышения привлекательности большинства оцениваемых категорий в сериях «Патриотизм» и «Ампутация Родины» формирующего эксперимента относительно его констатирующего этапа. В серии «Антипатриотизм» проявилась противоположная тенденция (рис. 1). Данные тенденции подтверждают гипотезу о влиянии СМИ на патриотизм российских старшеклассников.

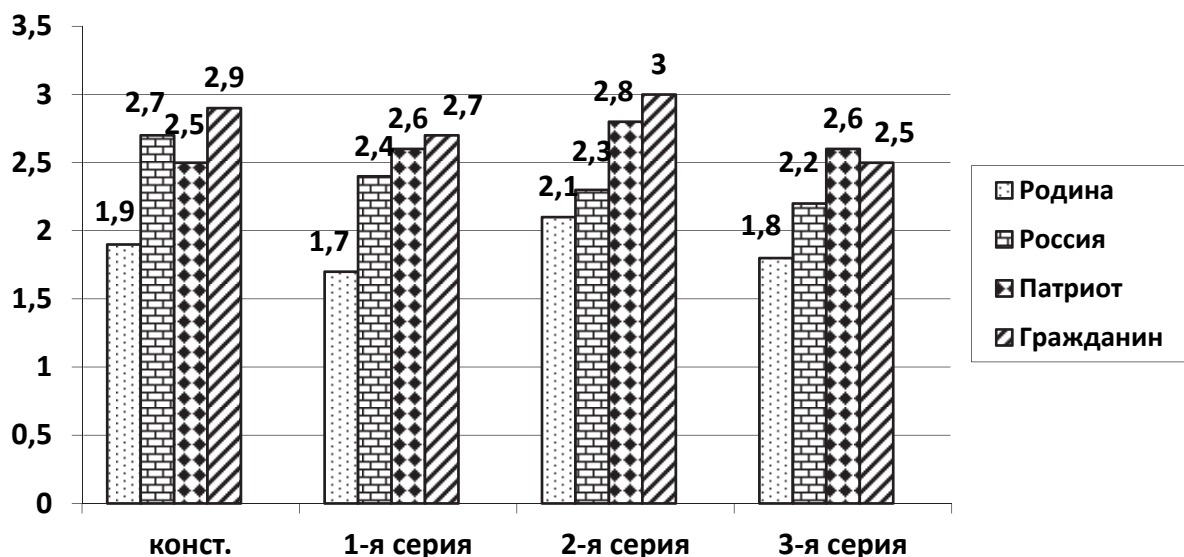

Рис. 1. Средние ранги оценки привлекательности патриотических понятий на всех этапах исследования

Выявлены статистически достоверные различия в оценке категорий «Россия» (по критерию Вилкоксона: $Z = 2,12$, $p = 0,03$) и «гражданин» (по критерию Вилкоксона: $Z = 2,31$, $p = 0,02$) на констатирующем этапе исследования и в заключительной серии квазиэксперимента после восприятия видеосюжета с проблемной интерпретацией патриотизма («Ампутация Родины»). Причем степень привлекательности обеих категорий значительно возрастает.

Категории «Россия» и «гражданин» отражают определенность государства и государственного статуса индивида с преобладающим значением в структуре данных понятий, в отличие от категорий «Родина» и «патриот», в которых преобладает эмоционально-ценностная смысловая компонента.

Динамика эмоционально-ценностного отношения к категориям может быть интерпретирована как происходящее под влиянием просмотра проблемно (неоднозначно) представляемой информации изменение гражданской позиции школьников, их отношения к своему государству и собственному государственному статусу. Вероятно, критическое отношение, формирующееся в условиях необходимости осмысления собственного отношения к действительности, повышает ответственность субъекта и актуализирует его выбор.

Анализ полученных в ходе серийной процедуры исследования оценок патриотических категорий посредством ассоциации с фигурами психометрического теста позволяет подтвердить данное предположение. На рис. 2 мы представили гистограммы, отражающие количество (в %) случаев ассоциирования категории «гражданин» с различными фигурами теста.

Наиболее часто респонденты-старшеклассники во всех сериях квазиэксперимента ассоциировали гражданина с прямоугольником. Данная ассоциация свидетельствует о восприятии гражданина как запутанного в проблемах и неопределенного в отношении себя, непоследовательного и непредсказуемого, имеющего низкую самооценку.

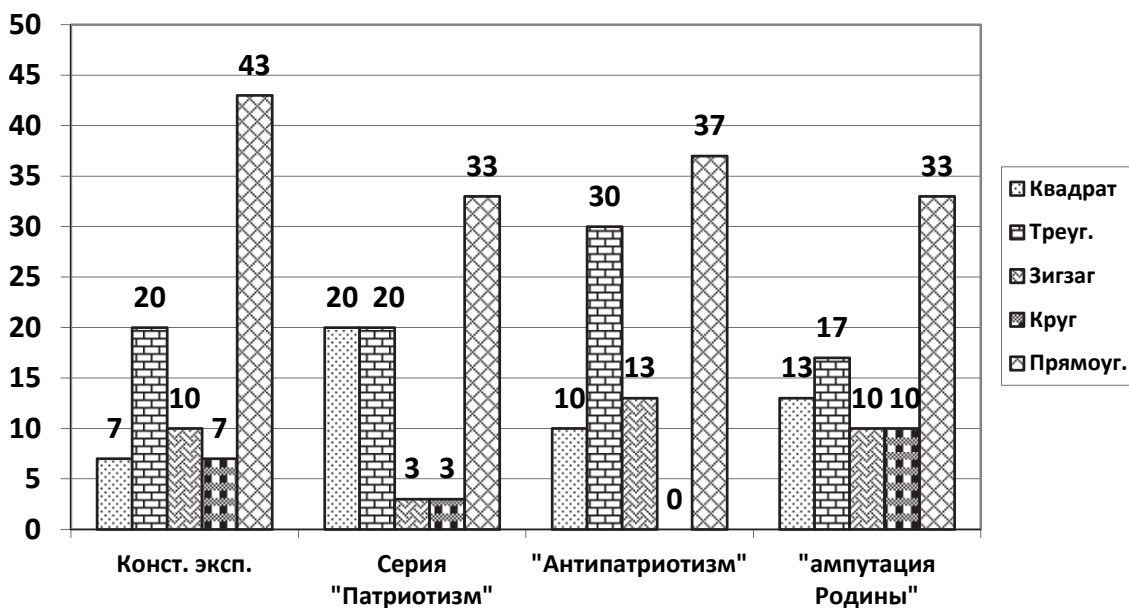

Рис. 2. Количественное распределение (%) ассоциируемых фигур психометрического теста с категорией «Гражданин»

Просмотр видеосюжетов изменил восприятие данной категории. Особенно существенные изменения можно зафиксировать в сериях «Патриотизм» и «Ампутация Родины». Как положительное, так и неоднозначное отношение к России, ее политике, представленное в данных видеосюжетах, снижает неопределенность и неуверенность в оценках «гражданина» респондентами, способствует устойчивости их гражданской позиции.

Итак, применение в ходе квазиэксперимента проективной процедуры С. Делингер ассоциирования фигур с патриотическими категориями позволило обнаружить эмоционально-ценностные смысловые компоненты патриотических представлений старшеклассников и их динамики под влиянием видеосюжетов, представленных в СМИ. Несмотря на специфическую критичность юношей и их возрастное стремление к сопротивлению и противостоянию влиянию, обнаружена динамика патриотизма современных старшеклассников, причем уровень гражданственности относительно повышается под воздействием проблемной информа-

ции, представляющей противоположные точки зрения и требующей самостоятельного осмысления и определения собственной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова, В. Дети и телевизионный экран / В. Абраменкова // Воспитание школьников. – 2006. – № 6. – С. 28 – 30.
2. Адамьянц, Г. З. Телевидение – телезрителям: возможно ли взаимопонимание? / Г. З. Адамьянц, В. А. Шилова // Мир психологии. – 2001. – № 3. – С. 173-186.
3. Алексеев, А. А. Психометрия для менеджеров / А. А. Алексеев, Громова. – Л.: Знание, 1991. – 64 с.
4. Васильева, И. А. Психологические аспекты применения информационных технологий / И. А. Васильева, Е. М. Осипова, Н. Н. Петрова // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 80-89.
5. Донцов, А. И. Ангажированность телеканалов и социальные настроения аудитории / А. И. Донцов // Вестник Московского Университета. Сер.14. – Психология. – 2001. – № 3. – С. 3-14.
6. Дроздов, А. Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена / А. Ю. Дроздов // Социальные исследования. – 2001. – № 8. – С. 62-68.
7. Котляров, А. В. Другие наркотики, или Homo Addictus: Человек зависимый / А. В. Котляров. – М.: Психотерапия, 2006. – 480 с.
8. Наливайко, Т. Е. Эмоциональное благополучие как интегральная характеристика личности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. – 2014. – № IV-2(20). – С. 26-30.
9. Ольшанский, Д. В. Политическая психология / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 576 с.
10. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – СПб.: Питер, 2000. – 656 с.
11. Ридель, М. Универсализм прав человека и патриотизм (Кантовское политическое завещание нашему времени) / М. Ридель // Интернет-ресурс: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000053>.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

АДАПТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРВОКУРСНИКОВ

ADAPTATION PROCESS: MOTIVATIONAL PERSONAL DEVELOPMENT OF FIRST-YEAR UNIVERSITY STUDENTS

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой «Педагогика и психология профессионального образования» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – D.Sc. in Educational Studies, Professor, Head of the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; + 7 (4217) 539825. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология профессионального образования» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; +7 (4217) 272805. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена описанию адаптационного процесса в контексте мотивационно-личностного развития первокурсников. Представлены основные направления оценки процесса адаптации, акцентирована мотивационная составляющая показателей, охарактеризованы трудности адаптации, представлены основные пути их преодоления.

Summary. The paper deals with the description of an adaptive process within the motivational and personal development in first-year university students. We review the key areas of adaptation process evaluation and pay a special attention to the motivational component of its indicators; we set forth a characterization of adaptation difficulties and suggest the main ways of their overcoming.

Ключевые слова: адаптация, адаптационный процесс, мотивация, развитие, личность, мотивационно-личностное развитие, первокурсник, диагностика, динамика, анкетирование, показатели, трудности в обучении.

Key words: adaptation, adaptation process, motivation, development, personality, motivational personal development, first-year university student, diagnostics, dynamics, surveying, indicators, learning difficulties and problems.

УДК 378

На сегодняшний день мнения психологов и педагогов по поводу значимости этапа адаптации к вузу в профессионально-личностном становлении студентов единодушны. Не вызывает сомнения факт определяющей роли адаптационного процесса в успешности обучения и мотивационно-личностном развитии первокурсников. Этим объясняется интерес и содержательная наполненность диагностической деятельности психологов, обращающихся к изучению хода и результатов адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе.

Одним из значимых показателей адаптационного процесса является мотивационно-личностное развитие первокурсников, поскольку определение жизненных ориентиров, отношение к профессии и процессу её освоения, усвоение атрибутов нового социального статуса, поведенческие стратегии скрыты в мотивах личности, обнаруживающих субъектную позицию студента.

Роль мотивационной сферы в личностном развитии описана во множестве отечественных и зарубежных исследований: обоснована зависимость академической успеваемости от мотивации (А. А. Реан, С. А. Гапонова, Х. Хекхаузен и др.); показана мотивационная составляющая комплекса «готовность студента к обучению в вузе» (Н. А. Зенкова, Е. В. Вальтеран, И. Ф. Нестерова и др.); описаны мотивационные компоненты личностной зрелости студента (В. А. Ананьев, П. Я. Гальперин, Г. С. Сухобская и др.).

При этом по-прежнему остается актуальным вопрос о показателях динамики мотивационно-личностного развития первокурсников в адаптационном процессе. Наиболее значимые показатели, существенным образом отражающие динамику мотивационно-личностного развития, выявлены экспериментальным путем.

Исследование процесса адаптации первокурсников, о котором пойдет речь, состояло из двух этапов. Первый этап (октябрь 2014 г.) включал разработку диагностического инструментария и проведение входящей диагностики. На втором этапе (апрель 2015 г.) была осуществлена повторная диагностика, анализ полученных данных и выявление характеристик адаптационного процесса первокурсников. В исследовании приняли участие более 300 студентов первого курса. В качестве инструмента исследования использовалось анкетирование. Вопросы анкеты, выявляющей показатели адаптационного процесса, отражали следующее:

- мотивационную готовность студента к обучению, осознание им своей новой социальной роли;
- готовность к освоению вузовского режима изучения содержания учебных дисциплин;
- комфортность в общении с одноклассниками, преподавателями и администрацией факультетов и вуза в целом;
- потребность во внеучебной деятельности;
- потребность в психологической помощи;
- ценностно-смысловую направленность студентов;
- широту интересов первокурсников;
- эмоциональный фон деятельности студентов;
- частоту и характер трудностей в обучении.

Анкета носила закрытый характер, варианты ответов были изначально заданы студентам. При этом респондентам предоставлялась возможность выбирать несколько вариантов ответов или не выбирать ни одного, если они считали нужным.

Остановимся на результатах диагностики, при этом попытаемся осветить основные пути решения наметившихся проблем.

Престижность университета в представлениях студентов повысилась в целом по вузу на 1,8 %. Общая тенденция подтвердилась и в ответах на вопросы о причинах выбора вуза и специальности. Увеличилось количество ответов, подчеркивающих высокое качество образования. При этом некоторые студенты ответили, что вуз сотрудничал с их школой и значительно большее количество студентов отметили удобное территориальное положение университета. В ответах на вопрос «Собираетесь ли вы работать по специальности?» количество положительных ответов уменьшилось на 1,1 %. В некоторой степени это объясняется тем, что у почти 0,9 % студентов ухудшилось представление о выбранной специальности.

Сложившаяся ситуация всегда является результатом эмоционального отклика на академические трудности, с которыми уже успели столкнуться первокурсники в период сессии.

Отчасти это свидетельствует о так называемом «крушении иллюзий и романтических представлений», свойственных юношескому возрасту. Но это не отменяет необходимость педагогической поддержки со стороны кураторов и преподавателей, связанной с реализацией мер, направленных на повышение престижности вуза и специальности в представлениях студентов. К таким мерам традиционно относят:

- экскурсии на предприятия;
- встречи с профессионалами, достигшими высоких результатов в деятельности, демонстрирующими успех и благополучие;
- предоставление информации о социальной значимости профессии и специальности;
- знакомство с достижениями вуза, с его социальной ролью и культурным значением;
- предоставление информации о значимых проектах, выполняемых вузом, о студентах, отмеченных разного рода поощрениями, наградами; их достижениях в профессиональной сфере.

Значимым фактором повышения престижности вуза и факультета является привлечение первокурсников к участию в научно-исследовательской деятельности и различных значимых событиях вуза.

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что значительное количество студентов (почти 39 %) сохраняют интерес к будущей профессии, 27 % считают выбранную специальность престижной, у большинства студентов (55 %) сохраняется желание работать по специальности.

Вместе с тем, оценивая адаптацию студентов к образовательному процессу, необходимо отметить, что на 17,5 % уменьшилось количество студентов, обнаруживающих яркую познавательную мотивацию. Но при этом в ответе на вопрос «Если бы посещение занятий было не обязательным, какое количество пар вы бы посещали?» большинство студентов по-прежнему отмечают более 50 % посещений занятий. Более 72 % учащихся отмечают высокий уровень организации образовательного процесса в вузе. Уменьшилось количество тех, кто считает организацию образовательного процесса удовлетворительной, снизилось количество тех, кто не удовлетворен качеством преподавания в целом. При этом 1,8 % студентов (на 4,4 % меньше, чем при входящем исследовании) считают, что преподаваемые дисциплины не соответствуют выбранной специальности. Преодолению данной ситуации будет способствовать акцентирование внимания на профессиональной роли изучаемых дисциплин, значимости курса в формировании целостной и завершенной картины профессионального образа первокурсников. Как отмечают исследователи и педагоги-практики, весьма полезным оказывается начинать изучение курса с демонстрации роли получаемых знаний в решении профессиональных и личностных задач, с озвучивания профессиональных компетенций, овладению которыми способствует дисциплина, с обнаружения проблем и трудностей, с которыми сталкиваются специалисты, не владеющие информацией, раскрываемой в изучаемом курсе, и т.п.

Следующий аспект адаптации раскрывает характер отношений студентов с сокурсниками, преподавателями, администрацией факультета и вуза. Во взаимодействии «преподаватель-студент» возросло количество студентов, характеризующих отношения как «нормальные». В отношениях между студентами и администрацией, студентами и сотрудниками университета, по оценкам первокурсников, значительных изменений не зафиксировано: большинство студентов в целом по вузу характеризуют их как нормальные, рабочие. Есть некоторые изменения на отдельных факультетах, но их изучение мы предоставляем самим субъектам этих отношений. А вот отношения между студентами в целом по вузу претерпели изменения. На 10 % увеличилось количество тех, кто считает их доброжелательными, количество первокурсников, считающих их негативными, по-прежнему не велико. Практика показывает, что доброжелательные отношения в академической группе способствуют повышению успеваемости, уменьшают количество пропусков занятий, способствуют росту познавательной мотивации, поэтому работа администрации факультета и кураторов академических

групп по сплочению учебного коллектива никогда не оказывается лишней и имеет положительные результаты. Самыми распространенными формами такой работы являются:

- формирование традиций на факультете и в группах;
- организация факультетских и групповых мероприятий;
- участие академических групп во внутривузовских и межвузовских проектах, конкурсах, соревнованиях;
- осуществление совместной деятельности (учебной и внеучебной) всей группой;
- организация учебной и внеучебной деятельности, предполагающей общение студентов разных курсов и специальностей;
- проведение коллективных внеучебных мероприятий и т.п.

Что касается ключевой фигуры в организации воспитательной работы с первокурсниками – куратора академических групп, отметим, что, по сравнению с результатами входящей диагностики, удовлетворенность работой кураторов отметили на 16,4 % больше студентов.

Следующий блок вопросов исследования был связан с внеучебной деятельностью, организация которой в вузе также оказывает значительное влияние на эмоционально-личностный и академический статус студента как участника образовательного процесса. В целом на 7 % увеличилось количество студентов, владеющих информацией о существующих в вузе коллективах художественной самодеятельности, спортивных секциях, клубах по интересам, научных студенческих сообществах.

В ответах на вопрос о формах внеучебной работы, в которой студенты принимают участие, существенно возросло количество первокурсников, участвующих в организации праздников, социально-значимых акций, работе органов студенческого самоуправления; увеличилось количество студентов, принимающих участие в спортивных соревнованиях, фестивалях, спартакиадах. В оценке условий для реализации внеучебного времени зафиксирована значительная положительная динамика. Таким образом, анализ этих неспецифичных вопросов показывает, что общий психоэмоциональный тонус студентов высок. Большинство студентов (88,8 %) не нуждаются в помощи психолога. Но при этом на 10 % в целом по вузу возросло количество студентов, желающих посещать психологические тренинги, тренинги личностного роста и коммуникативных навыков.

Наиболее значимыми вопросами психологического консультирования для студентов остаются вопросы управления другими людьми, самоорганизации и личностного роста. Вопросы, связанные с межличностным общением, в частности с общением с противоположным полом, стоят в ответах студентов на последнем месте, хотя практика консультирования показывает, что в кабинет психолога обращаются именно эти студенты.

Еще один блок вопросов позволил обрисовать социально-культурный образ первокурсников. И он, как показали результаты повторного анкетирования, также претерпел некоторые изменения. Усилили свои позиции такие качества, как доброта и воспитанность. При этом студенты стали больше ценить уверенность в себе и умение управлять собой, что свидетельствует о возрастании субъектности наших студентов. Это подтверждает и ранжирование ценностей, позволившее обозначить тройку лидеров среди них: здоровье близких, своё здоровье и семейное счастье.

Следующий вопрос анкеты – вопрос о наиболее значимых видах деятельности. На этапе первичного исследования ими были общение с друзьями и время, проводимое в кругу семьи. Это времяпровождение продолжает оставаться самым значимым. По оценкам студентов, время, отводимое общению, снизилось почти на 30 %. При этом почти на 11 % возросло количество студентов, уделяющих больше времени учебе, более чем на 6 % уменьшилось количество тех, кто занят поиском возможности заработать.

При полной свободе выбора и возможности предпочли бы получать образование на 10 % меньше студентов, чем при входящей диагностике. Похоже, что процесс обучения

для наших первокурсников стал более сложным и ответственным занятием, чем в начале обучения.

Завершающий блок вопросов уточнял эмоционально-психологический статус первокурсников: общее эмоциональное самочувствие не претерпело существенных изменений. Среди наиболее характерных эмоций продолжает лидировать радость, её показатели возросли на 10 %. Увеличилось количество выборов эмоций удовольствия и воодушевления.

Завершал анкетирование вопрос о том, какие темы студенты предпочитают обсуждать. Этот вопрос очерчивает круг интересов студентов. В ответах первокурсников отмечается некоторое возрастание интереса к искусству, самосовершенствованию и чтению книг, что, безусловно, радует.

Детализируя трудности адаптационного периода первокурсников вуза, можно отметить, что уменьшилось количество студентов, которым не хватает времени на подготовку, которые не успевают за преподавателем. При этом увеличилось количество тех, кто не может выполнять задания самостоятельно дома, кто затрудняется в выступлениях перед аудиторией. Появились и те, кто причиной своих трудностей считает лень (1,3 %), а также те, у кого нет трудностей в обучении (33,2 %).

Таким образом, обобщая результаты исследования адаптации студентов к образовательному процессу в целом по вузу, можно отметить, что большинство студентов проходят адаптационный процесс достаточно успешно, что свидетельствует об их мотивационно-личностном росте.

Елистратов А. А.
A. A. Elistratov

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В МОЛОДЁЖНОМ ЖАРГОНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)¹

CONTRASTIVE ANALYSIS RESEARCH INTO PRECEDENT NAMES IN YOUTH SLANG (AS APPLIED TO RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Елистратов Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Россия, Челябинск); 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129. E-mail: asha91@rambler.ru.

Mr. Aleksey A. Elistratov – PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of English Language, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk); 129, Br. Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001. E-mail: asha91@rambler.ru.

Аннотация. В статье раскрываются особенности прецедентных имен в жаргоне англо- и русскоязычной молодёжи посредством контрастивного анализа. Контрастивному анализу подвергались как количественные показатели, так и выявленные лексико-тематические группы жаргонизмов. Делается вывод, что выбор прецедентных имён англо- и русскоязычной молодёжью во многом обусловлен СМИ и компонентами массовой культуры – кино, шоу-бизнесом, спортом и т.п.

Summary. The paper deals with specific features of precedent names in English and Russian youth slang by means of a contrastive analysis. The objects of the analysis are quantitative markers, as well as identified lexical sets of slangisms. It is concluded that the choice of precedent names by English and Russian youth is for the main part motivated by mass media and mass culture components, such as cinema, show business, sports, etc.

Ключевые слова: прецедентное имя, антропоним, молодёжный жаргон, сленг, контрастивный анализ.

Key words: precedent name, personal name, youth slang, contrastive analysis.

УДК 81.276.3

Объектом данного исследования выступают прецедентные имена. Как известно, прецедентные имена теснейшим образом связаны с прецедентными феноменами через родовидовые отношения. Важнейшим признаком прецедентных феноменов является их известность всем представителям определённого национально-лингво-культурного сообщества, которое в процессе общения постоянно апеллирует к прецедентным феноменам по причине их актуальности в когнитивном (познавательном и эмоциональном) аспекте [4, 170]. Известность и коммуникативная «возобновляемость» прецедентных феноменов делают их ценным материалом исследования для лингвокультурологов, поскольку прецедентный феномен играет роль эталона культуры, функционирует как свёрнутая метафора, выступает как символ некой ситуации или другого феномена [4, 171].

Прецедентные имена понимаются как индивидуальные имена, связанные или с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией. Прецедентное имя отсылает не к самому денотату (конкретному человеку или персонажу), а к набору определённых дифференциальных признаков [4, 172]. Естественно предположить, что в процессе употребления прецедентных имён должны реализовываться признаки, актуальные как для отправителя, так и для получателя сообщения. В противном случае может случиться коммуникативный сбой,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире».

вызванный непониманием или неправильным истолкованием реципиентом названного имени. От подобных коммуникативных сбоев прецедентные феномены «застрахованы» своей известностью для всего национально-лингво-культурного сообщества. Однако с учётом социальной неоднородности современного общества данный тезис, как кажется, нуждается в проверке касательно использования прецедентных имен в коммуникации внутри социальных групп и субкультур. Иными словами, мы предполагаем, что социальная дифференциация может порождать дифференциацию в употреблении и восприятии прецедентных имен. В таком случае перед исследователем возникают следующие вопросы: к каким прецедентным именам предпочитают обращаться представители определённой субкультуры и какие дифференциальные признаки конкретного прецедентного имени при этом подвергаются актуализации? Ответы на оба вопроса дают некоторые лексикографические работы, содержащие данные о прецедентных именах, их этимологии и дифференциальных признаках, отмеченных в дефиниции. Такими лексикографическими источниками являются жаргонные и арготические словари и глоссарии, описывающие лексико-фразеологические единицы, в том числе прецедентные имена, бытующие в отдельной субкультуре или другом социальном образовании.

Тезис о влиянии социальной дифференциации на употребление прецедентных имён мы попытаемся апробировать на жаргоне (сленге) англоязычной и российской молодёжи. Поэтому цель этого небольшого исследования заключается в том, чтобы путём контрастного анализа выявить общие и уникальные особенности прецедентных имён в жаргоне (сленге) субкультуры англо- и русскоязычной молодёжи.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- извлечь прецедентные имена, употребляемые молодёжью, из словарей и глоссариев русского и английского жаргона (сленга);
- распределить извлечённые имена по тематическим группам на основе их понятийной закреплённости за определённой областью действительности;
- провести количественный подсчёт лексических единиц, образующих каждую тематическую группу, для установления степени её актуальности в языковом сознании как российской, так и англоязычной молодёжи;
- провести контрастный анализ количества и распределения прецедентных имён-жаргонизмов по лексико-тематическим группам, а также сопоставление самих лексико-тематических групп;
- по возможности установить причины актуальности/неактуальности выявленных тематических групп прецедентных имён для англоязычной и российской молодёжи.

В основе контрастирования лежит социолингвистический параметр возраста. Был принят во внимание и временной параметр, который ограничен промежутком от XIX до начала XXI века.

Русский языковой материал для данной работы почерпнут методом сплошной выборки из специализированных словарей и глоссариев молодёжного жаргона О. А. Анищенко, Х. Вальтера, С. Гойдовой, Т. Г. Никитиной, С. А. Шмачкова. Такая же выборка английского языкового материала производилась на базе общих словарей английского сленга (J. Lighter, E. Partridge, R. Spiers, T. Thorne и др.) с ориентацией на специализированные лексикографические пометы, позволяющие квалифицировать сленгизм как маркер молодёжной субкультуры.

Важное методологическое замечание: при выборке прецедентных имён учитывались единичные слова (типа *Ломоносов*, *bogart*), сочетания имен (типа *Чук и Гек*), устойчивые фразы, содержащие прецедентное имя (*втирать Базарова*, *in like Flynn*), прецедентные феномены, содержащие прецедентное имя (*Ленин в шалаше*), лексемы с аллюзиями на прецедентное имя (*Черномырдя*, *to ramboize*), структурно изменённые имена (*маленький Брынци* ← *Брынциалов*). Если для номинации одного лица используются два и больше онимов

(не-дериватов), то все они приравниваются к разным прецедентным именам (например, *Арнольд* и *Шварценеггер*).

При идентификации ряда прецедентных имён использовались специализированные справочные сайты глобальной сети Интернет.

Всего было обнаружено 221 прецедентное имя, в той или иной форме существующее в 295 русских молодёжных жаргонизмах. Анализ выявленных имён в жаргоне российской молодёжи позволил разнести их по следующим лексико-тематическим группам:

- 1) библейские антропонимы (*Иуда*);
- 2) антропонимы из греко-римской мифологии (*Морфей*);
- 3) актеры и актрисы (*Бельмондо*);
- 4) писатели (*Бальзак*);
- 5) общественно-политические и государственные деятели (*Явлинский*);
- 6) террористы (*Хаттаб*);
- 7) литературные персонажи (*дед Мазай*);
- 8) представители шоу-бизнеса (певцы, певицы, телеведущие, модельеры) (*Стинг*);
- 9) персонажи художественных и мультипликационных фильмов (*Каспер*);
- 10) спортсмены (*Шумахер*);
- 11) художники (*Малевич*);
- 12) педагоги (преподаватели, воспитатели) (*костомаровец*);
- 13) военачальники и герои Гражданской войны (*Щорс*);
- 14) герои Великой Отечественной войны (*Валя Котик*);
- 15) композиторы (*Чайковский*);
- 16) учёные и исследователи (*Даль*);
- 17) первооткрыватели (*Христофор Колумб*);
- 18) предприниматели (*Сорос*);
- 19) фольклорно-сказочные персонажи (*Емеля*);
- 20) серийные убийцы (*Чикатило*);
- 21) персонажи телерекламы (*тетя Ася*);
- 22) швейцар в учебном заведении (*Порфирий*).

Всего было выделено 60 прецедентных имён, в той или иной форме существующих в 70 английских молодёжных сленгизмах. Анализ выявленных антропонимов в сленге англоязычной молодежи позволил разнести их по следующим лексико-тематическим группам:

- 1) библейские антропонимы (*Jesus shoes*);
- 2) антропонимы из древнегреческого эпоса и мифологии (*millihelen*);
- 3) актеры (*Valentino*);
- 4) писатели (*Kipling*);
- 5) общественно-политические и государственные деятели (*Yasser*);
- 6) террористы (*Pattie*);
- 7) литературные персонажи (*King Lear*);
- 8) представители шоу-бизнеса (певцы, певицы, телеведущие, модельеры) (*Elvis*);
- 9) персонажи художественных и мультипликационных фильмов (*Mickey Mouse*);
- 10) спортсмены (*Ayrton Senna*);
- 11) художник (*Monet*);
- 12) педагоги (преподаватели, воспитатели) (*John Des*);
- 13) бог (*buddha*) (см. прим. 1);
- 14) жена писателя (*Zelda*);
- 15) директор школы (*John Ford's altar*);
- 16) иллюзионист (*Uri Geller*);
- 17) журналист (*David Mellor*);
- 18) известный инвалид (*Joey Deacon*);
- 19) жертва террористов (*Terry Waite*);

20) американский пионер (*Daniel Boone*);

21) индейский вождь (*Geronimo*).

В количественном отношении выявленные лексико-тематические группы прецедентных имён русского молодёжного жаргона образуют следующий ряд в порядке возрастания разрядов в количественном отношении: *библейские антропонимы* (1 единица); *серийные убийцы* (1 единица); *герои Великой Отечественной войны* (1 единица); *первооткрыватели* (1 единица); *персонажи телерекламы* (1 единица); *швейцар в учебном заведении* (1 единица); *педагоги и воспитатели* (1 единица); *предприниматели* (2 единицы); *террористы* (2 единицы); *военачальники и герои Гражданской войны* (3 единицы); *художники* (3 единицы); *актёры и актрисы* (4 единицы); *греко-римские мифонимы* (6 единиц); *композиторы* (6 единиц); *фольклорно-сказочные персонажи* (7 единиц); *спортсмены* (8 единиц); *писатели* (10 единиц); *представители шоу-бизнеса* (12 единиц); *ученые и исследователи* (15 единиц); *общественно-политические и государственные деятели* (37 единиц); *персонажи художественных и мультипликационных фильмов* (41 единица); *литературные персонажи* (59 единиц).

Аналогичный ряд сленговых прецедентных имён в речи англоязычной молодежи выглядит следующим образом: *бог* (1 единица), *художник* (1 единица), *американский пионер* (1 единица), *индейский вождь* (1 единица), *антропонимы из древнегреческого эпоса и мифологии/эпоса* (1 единица), *инвалид* (1 единица), *террорист* (1 единица), *жертва террористов* (1 единица), *иллюзионист* (1 единица), *преподаватели* (2 единицы), *директор школы* (2 единицы), *журналист* (2 единицы), *библейские антропонимы* (2 единицы), *писатели* (3 единицы), *исторические персонажи* (3 единицы), *представители шоу-бизнеса* (3 единицы), *литературные персонажи* (4 единицы), *спортсмены* (4 единицы), *общественно-политические и государственные деятели* (5 единиц), *актёры* (9 единиц), *персонажи художественных и мультипликационных фильмов* (11 единиц).

Привлекает внимание почти четырёхкратное преобладание (221 против 60) прецедентных имён из русского материала над английским. Это свидетельствует о высокой востребованности прецедентных антропонимов субкультурой отечественной молодёжи. Вместе с тем заметно, что для обеих субкультур значимыми оказались имена персонажей художественных и мультипликационных фильмов. Если учесть, что литературные персонажи (наиболее представленная количественно группа в русском материале) нередко популяризируются через телеэкран, то можно сделать вывод об ориентации молодёжной (англо- и русскоязычной) субкультуры на досуг и отдых. В пользу такого заключения говорит и присутствие других релевантных групп имен: актёров, спортсменов, представителей шоу-бизнеса. Политизированность молодёжной субкультуры проявляется в относительно большом числе имён общественно-политических деятелей. Остальные группы прецедентных имён не отличаются многочисленностью и по этой причине не могут претендовать на какие-либо выводы.

Анализ дефиниций и этимологии жаргонизмов позволил установить два основных мотива присутствия прецедентных имён в молодёжном речевом репертуаре. Первый мотив – внутрilingвистический. Его основу образует языковая игра, в которой прецедентные имена используются из-за их частичного звукового, в том числе рифмического, сходства с другими словами и выражениями: *Библиотека имени Леннона* ← «Библиотека имени Ленина»; *David* ← *David Gower* «shower» и др. Также наблюдается эвфемизация: *венера* ← венерическое заболевание; *Brad* ← *Brad Pitt* «shit» и др.

Второй мотив употребления прецедентных имён является внешнелингвистическим. Он обусловлен тесной связью и зависимостью молодёжной субкультуры от породившего её национально-лингво-культурного сообщества. Нельзя не заметить, что подавляющее большинство выявленных прецедентных имён не представляет загадки и известно рядовому носителю (не обязательно молодому) русской или англоязычной культуры. Таким образом, молодые люди черпают материал для жаргона из общеизвестных прецедентных феноменов, чтобы по особому «приладить» их к своему мировоззрению. Здесь следует принять во внимание и особую психологию молодёжного социума, содержащую некоторый анархизм и

вызов общественным нормам, стремление к новшествам и изменениям, желание проявить себя. Язык в таких случаях служит удобным средством самовыражения, способом психологической разрядки, посредником между молодёжной субкультурой и окружающим миром. Употребляя и переиначивая известные антропонимы в качестве жаргонизмов, молодые люди демонстрируют знание реалий национальной и мировой культуры, способность вычленив из совокупности характеристик прецедентного персонажа тот существенный признак, который будет положен в основу жаргонной номинации.

В жаргоне (сленге) обеих молодёжных субкультур (русской и англоязычной) представлены двенадцать общих лексико-тематических групп прецедентных имён: *библейские антропонимы, антропонимы из греческой мифологии* (см. прим. 2), *актёры* (см. прим. 3), *общественно-политические и государственные деятели, террористы, литературные персонажи, представители шоу-бизнеса, персонажи художественных и мультипликационных фильмов, спортсмены, художники, педагоги*. Они закреплены за такими областями действительности, как искусство, религия, кино, литература, спорт, учёба, политика, шоу-бизнес, что позволяет полагать эти области востребованными и актуальными для речевого репертуара сравниваемых молодёжных общностей. Отсюда также следует уже отмеченная выше склонность молодёжи к лёгкому, досуговому времяпрепровождению, к подверженности влиянию СМИ.

В жаргоне русской молодёжи выявлено десять уникальных лексико-тематических групп прецедентных имён: *военачальники и герои Гражданской войны, герои Великой Отечественной войны, композиторы, учёные и исследователи, первооткрыватели, предприниматели, фольклорно-сказочные персонажи, серийные убийцы, персонажи телерекламы, швейцар в учебном заведении*.

В сленге англоязычной молодёжи представлены девять уникальных лексико-тематических групп прецедентных имён: *бог, жена писателя, директор школы, иллюзионист, журналист, известный инвалид, жертва террористов, американский пионер, индейский вождь*.

Некоторые причины существования уникальных лексико-тематических групп, несомненно, кроются в сфере национальной истории и культуры. Отсюда проистекает употребление своеобразных, национально обусловленных имён, например, героев Гражданской войны в России или американских пионеров. Объяснить уникальность антропонимов других лексико-тематических групп вряд ли возможно. Так, трудно найти явную причину отсутствия в английском молодёжном сленге группы имён серийных убийц или рекламных персонажей. Точно также в русском молодёжном жаргоне по непонятным мотивам отсутствуют имена журналистов, поскольку в обоих случаях речь идёт об актуальных антропонимах, регулярно «всплывающих» в СМИ англо- и русскоязычного сообщества. Отдельные причины, однако, возможно, объясняются простой нехваткой фактического материала. Таким образом, остаётся актуальной проблема поиска свежего жаргонного материала и обработка уже собранных, но до сих пор неисследованных под этим углом молодёжных антропонимов-жаргонизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко, О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века / О. А. Анищенко. – М.: ЭЛПИС, 2007. – 368 с.
2. Вальтер, Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 360 с.
3. Гойдова, С. Молодёжный жаргон в системе современного русского национального (общенародно-го) языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гойдова Сильвия. – М., 2004. – 432 с.
4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

5. Никитина, Т. Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1102 с.
6. Шмачков, С. А. Современный студенческий жаргон: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шмачков Сергей Александрович. – Пенза, 2005. – 230 с.
7. Lighter, Jonathan E. Historical Dictionary of American Slang. Vol.1. A-G. – New York: Random House, 1994. – LVIII, 1007 p.
8. Lighter, Jonathan E. Historical Dictionary of American Slang. Vol. 2. H-O. – New York: Random House, 1994. – 736 p.
9. Partridge, Eric. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Eighth edition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1982. – XXIX, 1400 p.
10. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. Edited by Tom Dalzell. 2009. – New York & London: Routledge Taylor and Francis Group, 2009. – X, 1105 p.
11. Spears, Richard A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. – NTC Publishing Group, 2000. – 560 p.
12. Thorne, Tony. Dictionary of Contemporary Slang. – London: A&C Black Publishers Ltd., 2007. – 513 p.
13. Wentworth, Harold; Flexner, Stuart B. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – XVIII, 766 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жаргонизмы с именем Иисуса Христа включены в разряд библейских антропонимов.
2. В русском материале не удалось обнаружить лексем из древнегреческого эпоса, в английском – из древнеримской мифологии.
3. В английском материале не обнаружены имена актрис.

Степанок О. В.
O. V. Stepanok

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕАЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS AS A REFLECTION OF THE IDEATIONAL COMPONENT OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE

Степанок Ольга Владимировна – аспирант Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690087, Владивосток, ул. Сабанеева, д. 16, кв. 84; 89089679569. E-mail: redelina@mail.ru.

Ms. Olga V. Stepanok – PhD student, The School of Arts, Culture and Sports, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 16, Sabaneeva Str., apt. 84, Primorskiy region, Vladivostok, 690087; + 7 (908) 9679569. E-mail: redelina@mail.ru

Аннотация. Анализируется идеациональная составляющая традиционной русской культуры, представленная русскими пословицами и поговорками. Утверждается, что русские пословицы и поговорки способны объединить все социальные слои, отражают главные ценности русского общества, сохраняют элементы традиционной русской культуры, выполняют воспитательную, образовательную и психологическую функции. Делается вывод о том, что элементами идеациональной составляющей русской традиционной культуры, отраженными в пословицах и поговорках, являются любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, дисциплинированность, верность слову и т.д.

Summary. In this paper I analyze the ideational component of traditional Russian culture. The material for this study are Russian proverbs and sayings. Russian proverbs and sayings united all social strata and reflect core values of Russian society, retain elements of traditional Russian culture, perform educative, educational and psychological functions. Elements of the ideational component of Russian traditional culture, reflected in Proverbs and sayings, are: patriotism, importance of family and home, respect for others, discipline, always delivering one's promises, etc.

Ключевые слова: русская культура, идеациональная культура, традиционная русская культура, русские пословицы, русские поговорки, русский менталитет.

Key words: Russian culture, ideational culture, traditional Russian culture, Russian proverbs, Russian sayings, Russian mentality.

УДК 316.7

В условиях социальных, политических, экономических и культурных изменений в России в начале 90-х гг. XX в. активизируется потребность русских в самоидентификации. Встал вопрос, который не теряет актуальности до сих пор: «Кто мы – русские?». На фоне поиска национальной идеи и новой идеологии, способной заменить коммунистическую идеологию, наметились тенденции возврата к православной культуре. Но, как показывает история Российского государства и события 90-х гг. XX в., православная культура не покрывает всего пространства русской традиционной культуры. Русская традиционная культура, известная нам со школьной скамьи, отражается в русской классической литературе. Но русская культура обладает сложной стратификацией, в ней можно выделить идеациональную и материальную составляющие. Выделяются культура дворян, народных масс и других социальных слоев. А русская классическая литература XIX в., известная нам из средней школы, была написана русскими дворянами и представителями разночинной интеллигенции. Эта литература способна отразить социальную стратификацию русской традиционной культуры, которая, как правило, представлена культурой повседневности разных социальных слоев

российского общества, артефактами православной культуры и артефактами исторического развития Российского государства. Мы, практически все граждане современной России, по сути, выросли из советского прошлого, поэтому проблема «Кто мы – русские?» и вопрос о том, какова наша русская традиционная культура, остаются одними из важнейших гуманитарных проблем до сих пор. Традиционная русская культура, о которой пишут Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, гораздо сложнее православной культуры, и ее идеациональная составляющая как система ценностей русской культуры, как это не выглядит странным, в настоящее время широко исследуется в теории рекламы [3] и теоретиками мифодизайна, одним из основоположников которого в России является А. В. Ульяновский [11].

Истоки идеациональной составляющей традиционной русской культуры уходят в глубь веков, во времена язычества, а содержание идеациональной составляющей отражают русские пословицы и поговорки.

Русские пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью русской культуры, они создавались народом, жившим на родной земле, входили в древние письменные источники, заимствовались из произведений литературы. Так, пословицы можно встретить в «Повести временных лет», например: «Не идет место к голове, а голова к месту»; «Мир стоит до рати, а рать – до мира» и др.

Русские пословицы и поговорки по-прежнему не теряют своей актуальности, они определяют духовные и мировоззренческие ценности национального менталитета, а потому до сих пор остаются ценными, продолжают использоваться нами в повседневной речи. Важным является и то, что по своей форме они не подвержены искажению, благодаря чему в пословицах «таится» ядро русской идентичности.

Русские пословицы и поговорки тесно связаны с русской национальной культурой, повседневной культурой, культурой труда; они воспитывают уважение к Родине и семье, отражают главные ценности русского общества независимо от принадлежности его граждан к высшему или низшему сословию. Пословицы и поговорки объединяют все социальные слои населения, представители которых читали, как правило, одну и ту же литературу. В произведениях классической русской литературы также нередко можно встретить русские пословицы и поговорки, которые были известны и дворянам, и их крестьянам. Поговорки дают возможность понять, что объединяет нас, русских. Пословицы способны дать оценку прошлому и настоящему, отношениям людей в разных жизненных ситуациях. Кроме того, пословицы и поговорки формируют определенное представление о русской традиционной культуре, которую мы стали понемногу забывать.

В толковом словаре С. И. Ожегова приводится следующее определение, подчеркивающее, что «пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм». Поговорка – это «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [6]. В словаре русского языка пословицы и поговорки классифицируются по разным параметрам, например по алфавиту, тематике и др. В. И. Даль отмечал, что «пословица – это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности». Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, научения. Иногда вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. А поговорка – это окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения [2, 18-20].

Нам представляется, что содержание пословиц и поговорок – это традиционно-ценностные ориентации, которые выполняют функцию передачи знаний о русском жизненном укладе и менталитете. Поэтому целью нашего исследования является изучение русского национального характера, отраженного в пословицах и поговорках.

Исследование русских пословиц и поговорок проводилось представителями разных областей научного знания: лингвистики, филологии, философии, культурологии, педагогики, психологии и др.

Так, М. А. Рыбниковой изучалась проблема взаимосвязи и взаимообогащения литературы и фольклора. Она была одним из немногих ученых 30-х гг. XX в., собиравших и исследовавших загадки, пословицы и поговорки. Как отмечала сама М. А. Рыбникова, большинство пословиц и поговорок, собранных в то время, продолжали бытовать в народе. По ее оценке, это был активный запас образной речи тогдашнего современника. Даже пословицы и поговорки о дореволюционном прошлом, отражающие ушедшие социальные отношения и старый быт, интересны не только исторически, а нужны и в наше время для характеристики пережитков в сознании людей [9]. Тот же автор приводит множество примеров использования пословиц в классической литературе. Например, Н. А. Некрасов вскрывал смысл пословиц в стихотворении «Песня Ерёмушке», где пословицы стремились передать психологию закрепощенных масс: «Сила и солому ломит», «Живи тише воды, ниже травы». Или М. Горький для характеристики своих героев брал такие поговорки: «Будь хитер, это лучше, а простодушность – та же глупость», «Не в силе дело, а в ловкости» и др. [9, 160-180].

М. А. Рыбникова группирует в своей работе пословицы и поговорки по жизненным ситуациям: кому угрожает опасность, тот пытается найти защиту; кто взял займы, тот не хочет отдавать [9, 160-180].

На примере данного исследования можно легко увидеть, как смена исторических эпох и государственного устройства страны отразилась в пословицах. Отмирают пословицы, выражающие старые социальные отношения между людьми, появляются новые пословицы, соответствующие духу времени: исчезает пословица «Не обманешь – не продашь», ей на смену приходят «Поле труд любит», «Закон как дышло – куда дунешь, там и вышло» и т.д. Таким образом, пословицы образно выражают идеи, живущие в сознании народа, обобщают его огромный социально-исторический опыт. В этом же состоит их художественно-познавательное и воспитательное значение.

Но пословицы играют важную роль не только в народном быту, они служат руководящими принципами деятельности, иногда на них ссылаются в оправдание своих поступков и действий, ими пользуются для обвинения или обличения других. Так формируется менталитет русского народа. Это подтверждают и современные исследования.

Например, О. В. Магировская на материале русских и английских пословиц и поговорок исследовала национально-культурные особенности лингвистической картины мира [4]. По мнению автора, национальный менталитет проявляется в пословицах и поговорках в отражении ими особенностей быта, обычаев, истории и культуры своего народа [4].

Г. Л. Пермяков, изучая пословицы и поговорки различных народов Востока, обратил внимание на смысловое и структурное сходство пословично-поговорочных знаков со знаками фольклора и лексики языка. Он относит пословицы и поговорки к фольклорно-разговорному жанру [7]. Автор отмечает, что поговорка – это своеобразное «клише». В речевом клише передаются типовые схемы словосочетаний и синтаксических конструкций, а также общие модели речевого поведения в конкретных ситуациях [7]. В Европе и США такие «клише» – это устойчивое выражение. В таком случае, русская поговорка как устойчивое выражение помогает русской национальной культуре проникать в наш быт, в повседневную культуру и позволяет передавать традиционную русскую культуру из поколения в поколение.

Изучая генезис русских пословиц и поговорок, В. П. Аникин приходит к выводу, что это малый жанр фольклора. Он утверждает, что пословицы и поговорки являются превосходными помощниками в работе с детьми и в развитии детской речи как в школе, так и в семье, поскольку пословицы и поговорки доступно обрисовывают облик народа, его стремления и надежды [1]. Таким образом, пословицы и поговорки носят воспитательно-развивающий характер.

Педагоги также отмечают, что пословицы и поговорки все чаще используются в современных учебниках русского языка. Например, учитель русского языка и литературы С. В. Посадская была руководителем социолингвистического исследования «Жива ли русская пословица», проводимого в рамках муниципального конкурса «Экология речи». Как отмечает руководитель этого проекта, в учебнике для 5-го класса (авторы: Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова, Л. Т. Григорян) пословицы используются не только при изучении разделов «Морфология» и «Глагол», но и других. Это не случайно, т.к. функционирование глаголов в пословичных предложениях в целом соответствует нормам современного русского языка. Поэтому пословицы могут служить иллюстрацией для изучения всех глагольных форм и категорий (см. прим. 1).

Заметим, что если школьная программа выстраивается с использованием русских пословиц и поговорок, то пословицы и поговорки являются информационным источником передачи знаний о традиционной русской культуре. Тем самым с помощью пословиц и поговорок детям передаются знания о традиционной составляющей русского менталитета.

Еще один автор – С. Максимов, выдающийся русский этнограф и писатель, в своей работе раскрывает историю происхождения общеупотребительных в нашей речи образных выражений, а некоторые пословицы и поговорки объединяет термином «крылатые слова» [5]. В этой работе автор дает пояснения к поговоркам, которые характерны исключительно для русских семей. Например, поговорка «Не выноси сор из избы» идет с тех времен, тогда у крестьян сор никогда не выносился и не выметался на улицу: мешали высокие пороги, и сор мог разнести ветер. А недобрый человек мог бы по сору, как по следу, наслать порчу. Поэтому сор сметался в избе в кучу под лавку, в печной или стряпной угол, а когда затапливали печь, то его сжигали [5, 67].

Материальные и духовные ценности, созданные человеческим обществом, отражают определенный уровень развития общества, и сегодня поговорка «Не выноси сор из избы» сохраняет характерную черту русского менталитета.

В прикладной психологии также активно изучаются пословицы и поговорки. Например, Л. И. Ростовцева изучает особенности поведения потребителей, описанные в пословицах и поговорках. Автор подчеркивает, что пословицы легко запоминаются благодаря краткости и мелодичности, и это привлекает специалистов в области рекламы [8]. В своей работе автор делает акцент на том, что поговорка «понимает», что люди хотят соответствовать высокому социальному статусу, поэтому учит потребителя не быть расточительным. В конце исследования Л. И. Ростовцева выделила три общественно значимых функции пословиц и поговорок [8]:

- 1) институциональная (содержит нормы и правила, которые оптимизируют поведение и способствуют выработке стереотипов);
- 2) социального контроля (воспитывает социально одобряемое поведение: хвалят, если поведение должное, или, напротив, осуждают, высмеивают);
- 3) психологическая (своей многозначительностью утешают в сложных жизненных ситуациях, обеспечивают психологическую защиту).

Например, пословицы «Уважай других, если хочешь, чтобы тебя уважали» и «Береги честь смолоду» выполняют институциональную функцию. «Пей, ешь, как хочется, а носи, как можется» и «В брюхе солома, а шапка с заломом» – здесь находит свое отражение функция социального контроля, «Нет худа без добра» и «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи» – это пример психологической функции пословиц.

Не менее важной проблемой в современном русском социокультурном пространстве является отношение к алкоголю. Анализу этой проблемы посвящено исследование, проводимое Е. А. Савиной – русским психологом-консультантом, ведущим специалистом и директором центра для наркоманов, алкоголиков и их семей. На материале книги В. И. Даля и книги «Русские пословицы и поговорки» под редакцией Е. П. Аникина автор устанавливает, что около 150 пословиц описывают влияние алкоголя на психические процессы, где алкоголь рассматривается как средство борьбы со стрессом, способное избавить от тоскливого состо-

яния, а также как источник положительных эмоций. Это иллюстрируют поговорки «Спасибо тому винному кувшину, что размыкал кручину» и «Где вино, тут и праздник». Однако с другой стороны, пословицы и поговорки отражают воздействие алкогольных напитков на умственное состояние человека: «Хмель шумит – ум молчит», «Вино с разумом не ладит», «Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье» [10].

Как видим, русские пословицы ярко выражают ментальные характеристики русского человека. Но в тех же пословицах и поговорках передаются сведения о русской истории и этический кодекс русских людей.

Например, всем знакомы пословицы, отразившие исторические и культурные события русской истории: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», «Незванный гость хуже татарина», «Не все коту масленица». В других пословицах отражаются языческие и христианские верования: «Был бы бес, будет и леший», «Не все то русалка, что в воду ныряет» и т. д. (см. прим. 2).

Рассмотрим более подробно этический кодекс русского человека, передаваемый пословицами и поговорками.

В русских пословицах формируется отношение к Родине как к ценности. Человеческая жизнь является неотъемлемой ценностью любого народа, но русские пословицы и поговорки учили не бояться отдавать жизнь за Родину: «Родина – мать, умей за нее постоять», «От Родины награда – сердцу отрада», «Где не жить – родине служить», «Для отчизны не жаль жизни», «За Родину-мать не страшно и умирать», «Любовь к родине сильнее смерти», «Человек без родины – соловей без песни».

Поговорки учили русского человека стремиться к своей цели и побеждать, быть независимым и дружелюбным: «Смелость города берет», «Успех неразлучен с храбрым», «На бога надейся, а сам не плошай», «Всяк кузнец своему счастью», «Счастье в воздухе не вьется, а руками достается», «Терпение и труд все перетрут», «Была бы охота – заладится любая работа», «Глаза боятся, а руки делают».

В то же время русские пословицы высмеивали лень и расточительность. Русского человека учили всегда стремиться к лучшей доле, а не плыть по течению: «Копейка рубль бережет», «Хочешь есть калачи – не лежи на печи», «У кого нет денег, тому и кошелек не нужен», «Хуже всех бед, когда денег нет», «Бывает, что отец копил, а сын деньгами сорит».

Русские пословицы и поговорки учили также сдерживать эмоции, ценить данное слово, оценивать человека по его делам. При этом делался акцент на воспитании и дисциплине. На это указывают следующие пословицы и поговорки: «Уговор дороже денег», «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь», «Слово пуще стрелы», «Гневайся, да не согрешай», «Во гневу не наказывай», «Побольше слушай, поменьше говори», «Лучше оступиться, чем оговориться», «Сначала подумай, а потом и нам скажи», «Слушай больше, говори меньше», «Слово – серебро, молчание – золото», «Кто рано встает, того удача ждет», «Ложись с курами, вставай с петухом», «Тише едешь – дальше будешь», «Семеро одного не ждут».

В русских пословицах и поговорках много внимания уделялось семейным отношениям, отношениям между родителями и детьми. Такие пословицы красноречиво говорят о значении семьи в жизни русского человека: «Не женат – не человек», «В семье и каша гуще», «Семье в куче не страшна и туча», «У хорошего мужа и жена хороша», «Мать – второй Бог», «Муж – голова, а жена – шея», «Муж и жена – одна сатана», «На что и клад, когда дети идут в лад».

Значимость дома в жизни человека также подчеркивается в русских пословицах и поговорках: «В гостях хорошо, а дома лучше», «Всяк кулик свое болото хвалит», «Глупа та птица, которой гнездо свое не мило», «Дом вести – не лапти плести».

Как видим, в русских пословицах и поговорках всецело отражается русский национальный характер, его сила и слабость, хорошие и плохие качества русского человека. Русские пословицы и поговорки помогают современному человеку идентифицировать себя как русского человека.

Таким образом, русские пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью русской культуры. Они выполняют не только воспитательную, образовательную и психологическую функцию, но и сохраняют элементы традиционной русской культуры, где доминирует идеациональная составляющая. Национальные духовные ценности являются главной составляющей русского менталитета, который и объединяет нас, русских.

Отметим, что традиционная русская культура исчезает в городской среде за счет того, что материальная часть русской культуры сливается с культурой других народов и происходит культурная трансформация, унифицирующая быт и нравы горожан. Но идеациональная составляющая менее подвержена социокультурным искажениям, следовательно, сохраняет русский менталитет и культуру русского человека.

В пословицах и поговорках сохраняются элементы идеациональной составляющей традиционной культуры русского человека: любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, дисциплинированность, верность слову и т.д. Может быть, это и объединяет нас всех – русских?

Однако в современном мире с его информационными войнами и двойными стандартами возникает угроза трансформации смыслов и значений слов в восприятии русских пословиц. А это, свою очередь, не исключает возможности трансформации традиционно-культурных ценностей русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: АСТ, 2008. – 752 с.
3. Костина, А. В. Основы рекламы : учеб. пособие / А. В. Костина, Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпунин. – М.: Кнорус, 2010. – 410 с.
4. Магировская, О. В. Национально-культурные особенности лингвистической картины мира на материале английских и русских пословиц и поговорок : учеб. пособие по английской филологии / О. В. Магировская. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 116 с.
5. Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – СПб.: Авалонь, 2009. – 560 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Оникс, 2010. – 736 с.
7. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки / Г. Л. Пермяков // Заметки по общей теории клише. – М.: Восточная литература, 1970. – 240 с.
8. Ростовцева, Л. И. Поведение потребителей в пословицах и поговорках: институциональный подход / Л. И. Ростовцева // Социс. – 2008. – № 4. – С. 1-19.
9. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – М. : АН СССР, 1961. – 229 с.
10. Савина, Е. А. Житейские представления об алкоголизме, межкультурные и внутрикультурные различия / Е. А. Савина, Е. С. Гладких // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 72-80.
11. Ульяновский, А. В. Мифодизайн рекламы / А. В. Ульяновский. – СПб.: Петрополь, 1995. – 300 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Социолингвистическое исследование «Жива ли русская пословица?» располагается на интернет-ресурсе Общеобразовательного учреждения МБОУ СОШ с. Золотая Степь Советского района Саратовской области. Режим доступа: <http://www.zolstep.ucoz.ru>.
2. Пословицы и поговорки. Проект «Русская Планета». Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/ruslit/index.htm>.

Кортун Е. А.
E. A. Kortun

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
PERCEPTION OF SPACE IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Кортун Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультур-ной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Мира, д. 31, кв. 102; 8-914-211-9695. E-mail: johnnyslim@mail.ru.

Ms. Ekaterina A. Kortun – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 31, Mira Str., ap. 102, Komsomolsk-on-Amur, 681000; + 7 (914) 2119695. E-mail: johnnyslim@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты категории пространства и их реализации через пословичный фонд русского и английского языков.

Summary. This paper examines the basic aspects of the ‘space’ category and their realization in Russian and English proverbs.

Ключевые слова: пространство, географическая локация, пословичный фонд, бинарные оппозиции.

Key words: space, geographical location, proverbs, binary oppositions.

УДК 802.0: 801

Проблемы взаимопроникновения и соприкосновения культур, находящихся во взаимоотношениях, социокультурные грани развития того или иного региона могут оказаться сегодня высокоперспективными, определяя тем самым детерминирующие процессы и моделируя образ локального пространства, адекватный социальным ожиданиям участника взаимодействия и конечным социально-экономическим перспективам.

С точки зрения реализации социальных потенциалов региональная культура получила весомый теоретико-культурологический стимул к увеличению темпов саморазвития. Исследователи стали «видеть в каждом локальном географическом пространстве культурный текст: осмысленное, семиотизированное целое, устремленное к будущим символическим и интеллектуальным трансформациям, определяющим национальную и культурную идентичность, формирующим разные грани бытия и быта» [5].

«Пространство» является аксиоматической категорией и его осмысление наукой имеет давнюю историю. Изучение пространства с античных времен до наших дней реализовалось в формировании различных подходов и теорий, начиная с *субстанционального и атрибутивного подходов*, рассматривающих пространство, в первом случае, как некий сосуд, а в другом, как сформировавшийся порядок вещей. Дальше, мы можем наблюдать появления новых концепций, связанных с развитием принципов осмысления мировой истории человечества. Появляются тенденции к размежеванию и переосмыслению пространства на основе разделения различных видов деятельности, которые, в свою очередь начинают формировать единое *социальное пространство*, формируя основу человеческого существования.

Единовременно с фундаментальными традициями осмысления пространства в философии, в истории и социологии, к этой проблеме проявляют интерес такие науки, как этнология, гуманитарная география, лингвистика (лингвокультурология), которые в понимание пространства вносят свои отличительные параметры.

Следует отметить, что категория пространства является настолько широкой, что само слово «пространство» давно уже стало некоей метафорой, способной обеспечить переход из физического, осязаемого пространства в ментально-абстрактное.

Географически локализованное место наиболее близко к понятию пространства в физическом его понимании. Оно отражает мультикомпонентную географическую оболочку, включающую набор природных, социально-экономических и территориальных комплексов¹. Географическое пространство можно обозначить как способ хранения разноуровневой, пространственно-временной информации. Различные процессы, явления отражаются в географическом пространстве системой представлений, осмысливаемых и выступающих в качестве условных заместителей объектов или явлений.

Пространство можно рассмотреть с разнообразных позиций, при которых будет целесообразно говорить о целеориентирующей функции пространства и относить к ней именно те качественные характеристики пространства, которые отмечены социальной детерминированностью, так как вне этого цель немислима, то есть немислимо историческое, социальное, культурное, коммуникативное пространство. В данном случае уместно будет говорить о пространстве как о «совокупности физических характеристик, обладающих определёнными ментальными качествами, которые формируются исходя из установок целеполагания» [6].

Пространство – одно из доминантных измерений существования человека как в физическом, социальном плане, так и с точки зрения его духовной жизни. В данной статье хотелось бы остановиться именно на лингвистическом восприятии географического пространства в различных языковых коллективах (культурах), это связано с тем, что, на наш взгляд, одним из факторов для осуществления продуктивного диалога между различными культурами в региональном поликультурном пространстве является язык. Познавая чуждый мир через язык, человек постигает иную культуру. Благодаря этому происходит корреляция культур, проявляется их самоидентичность. Лингвистика непосредственно участвует в формировании осознания культурного пространства через лингвокогнитивные конструкты, которые содержатся в сознании человека и фиксируются в языке. Предметом изучения такого рода элементов в этом случае является пространство в устном народном творчестве, фразеологии, художественных произведениях и искусстве.

Любое пространство формирует внутри себя законы человеческой деятельности, создавая историко-культурное своеобразие, анализируя которое, мы сталкиваемся с собранием поведенческих норм и реакций, которые могут говорить о значимых чертах повседневной жизнедеятельности языкового коллектива.

Говоря о поведенческих нормах и мировосприятии, хотелось бы акцентировать внимание на языковой рефлексии данных реакций, ведь язык является конкретной формой, через которую отражается общественный опыт и знания о мире в различных культурах. Ведь именно язык является элементом культуры и он наиболее явно может обнажить специфические черты менталитета народа. Пословицы и поговорки, по нашему мнению, являются идеальным материалом, помогающим осознать некоторые грани человеческого бытия, в том или ином языковом коллективе, и проследить культурные особенности представителей различных этносов и несходство жизненных позиций и опыта социума.

В ходе нашего исследования мы обратились к русским, английским фразеологическим словарям и словарям пословиц и поговорок и методом сплошной выборки отобрали единицы, указывающие на ту или иную географическую локацию.

В своих исследованиях мы опирались на работы Г. Л. Пермякова, Т. В. Цивьян, С. Ю. Неклюдова, Е. М. Мелетинского, С. Е. Никитиной, Н. И. Толстого, в которых многократно отмечалось, что доминантной чертой пословиц является моделирование потенциальной ситуации, при этом, как отмечается исследователями, наиболее характерной для пословиц будет классификация мира через смысловые блоки и бинарные оппозиции, которые вполне объективны и ясно осознаваемы представителями конкретного языкового коллектива.

¹ Свентэк, Ю. В. Теоретические и прикладные аспекты современной картографии / Ю. В. Свентэк. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 57.

Набор концептуальных блоков, безусловно, индивидуален для каждого народа, однако многие из них восходят к универсальным оппозициям, возникшим еще на заре человечества, опираясь на этот постулат, мы определили одну из основных целей нашего исследования – выявление национальной специфики в содержании русских и английских концептов пространства на материале пословиц.

В нашей работе мы подвергли анализу русские и английские пословицы, репрезентирующие пространство.

В процессе работы мы придерживались следующей методики исследования:

1) Из словарей пословиц методом сплошной выборки мы выписывали те пословицы, которые имеют в своем составе лексику с локальной семантикой, при этом фиксировали их тематику. В данной статье мы приводим лишь единицы с прямым указанием на пространственные локализации: дом, поле, земля, город, house, home, garden, fence.

2. Затем пословицы подвергались интерпретации и группировались в блоки – ограничители. В русском языке нами были выделены следующие блоки:

1) Пространство – город:

Блок пословиц с компонентом город включает в себя оппозицию благо/зло. Примечательно то, что доминанта добродетели переходит то на «город», то на «деревню». Это может быть объяснено исторической сменой приоритетов при переходе от сельской жизни к урбанистической.

Город – благо.

Бог да город, черт да деревня.

В городе толсто звонят, да тонко едят.

Город затайный: что ни шаг, то съестной да питейный.

Городское теля мудреней деревенского пономаря.

Деревня – благо.

В городе ни ткнут, ни прядут, а тоньше нашего хотят.

В город ехать – толчки принимать.

Город – царство, а деревня – рай.

Лучше быть господином в деревне, чем слугой в городе.

2) Пространство – земля (следует отметить, что земля подразумевается не в общесоциальном смысле, а лишь как территория, принадлежащая индивиду или на которой он имеет право работать). В данном блоке все пословицы имеют смысловую монолитность, в которой отражается отождествление земли с матерью.

Береги землю родимую, как мать любимую.

Держись за землю-матушку – она одна не выдаст.

Земля – кормилица.

Мать кормит детей, как земля людей.

Родная земля и во сне снится.

Своя земля и в горсти мила.

3) Пространство – поле:

Данная группа выражений всецело отражает былую значимость сельскохозяйственной жизни для населения страны. Как можно видеть из примеров, поле соотносится не только непосредственно с работой, но и олицетворяет простор и неограниченную свободу.

В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть иная.

В поле воля: кто в поле съезжается, родом не считается.

Крестьянская доля на широком поле.

Цвет в поле – человек на воле.

Беглому – в поле воля.

Цветов много в поле, и все не сорвешь.

Барин в поле полует, мужик в поле горюет.

4) Пространство – дом:

В рамках данной группы мы можем наблюдать оппозицию свое/чужое.

В гостях хорошо, а дома лучше.

Дома все споро, а вчуже житье хуже.

В своём доме и стены помогают.

Дома и стены помогают.

Глупа та птица, которой своё гнездо не мило.

В английском языке мы встретили практически все ключевые пространственные ограничители, которые были представлены в русском фонде пословиц; самыми распространенными по частотности стали пословицы, включенные в блок *пространство – дом*, представленный такими пословицами, как:

There's no place like home.

East or West, home is best.

Burn not your house to rid it of the mouse.

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются пословицы, которые были распределены в смысловые блоки *пространство – сад* и *пространство – свой двор*. Сад для англичанина – это не просто часть окультуренной природы, продолжение пространства, которое человек считает своим, это граница между своим и чужим миром, препятствующая проникновению деструктивных сил чужого мира в сферу своего. Границу также определяет забор, который служит средством защиты и четкого территориального деления на свое и чужое.

Good fences make good neighbours.

A hedge between keeps friendship green.

Everything in the garden is rosy.

Gardens are not made by sitting in the shade.

Таким образом, при изучении фольклорного фонда русского и английского языков было выявлено следующее:

а) у обоих этносов есть определенная доля сходных пространственных концептов и есть ряд специфических восприятий пространственных отношений;

б) и в русском, и в английском языке есть примерно общий набор пространственных восприятий, которые являются приоритетными для данного этноса, т.е. представлены наибольшим числом пословиц сходной тематики и смысла;

в) в английских пословицах есть практически все пространственные показатели, которые представлены русским пословичным фондом. Из специфических, присущих только английским пословицам пространственных наименований на данном этапе обнаружить удалось лишь два;

г) в количественном плане набор смысловых групп и бинарных оппозиций в рамках групп, английского языка беднее, по сравнению с русским языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
2. Макиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: ООО АСТ, 2003. – С. 7-32.
3. Пятигорский, А. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / А. Пятигорский, М. Мамардашвили. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
4. Тростников, М. В. Пространственно-временные параметры в искусстве раннего авангардизма / М. В. Тростников // Вопросы философии. – 1995 – № 9. – С. 68-81.
5. Фадеева, И. Е. Метасимволика культурных пространств: локальный текст в измерении цивилизационной семиотики / М. С. Каган // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. – №4(6), 2012. – С.73-89.
6. Шунейко, А. А. Адаптация коммуникативного пространства под свои задачи как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – № 1-2(9). – 2012. – С. 48-56.
7. English Proverbs & Sayings <http://www.learn-english-today.com/proverbs/proverbs.html>.
8. Словарь пословиц и поговорок <http://slovarick.ru>.

Ильин А. Н.
A. N. Pyin

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПУСТЫНЮ ОДНОРАЗОВОГО МНОГООБРАЗИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСЬЮМЕРИЗМА¹

WELCOME TO A DESERT OF DISPOSABLE DIVERSITY: A CRITICAL ANALYSIS OF CONSUMERISM²

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); г. Омск, ул. 33-я Северная, 122, 35. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Mr. Aleksey N. Pyin – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); 122, 33rd Severnaya Str., ap. 35. Omsk. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Аннотация. Культурная тенденция, называемая консьюмеризмом, представляет собой динамичное явление, преобразующееся в процессе времени. Потребление тиражирует ценностные ориентации, основанные на вещизме, гонке за модой, за новизной, которая на самом деле является мнимой, неподлинной. Консьюмеризм формирует ценность постоянного потребления, а индустрия потребительской цивилизации, создавая новые модели гаджетов, только разжигает страсть перманентных приобретений. Мода постоянно меняется, и потому потребление превращается в бесконечный процесс. Консьюмер демонстрирует окружающим, что он обеспечивает свою современность и соответствие императивам моды, покупая самые последние модели тех или иных товаров. Так он конструирует свою идентичность.

Summary. A cultural trend, called consumerism, is a dynamic phenomenon, transforming itself in the flow of time. Consumption reproduce value orientations based on materialism, looking for cutting-edge fashion and novelty, which are actually imaginary, non-genuine. Consumerism establishes the value of permanent consumption; while the industry of a consumer civilization, creating new models of gadgets, is only fanning the flames of unending acquisition of ever new things. Fashion is constantly changing, and so the consumption turns into an endless process. A consumer shows to others that he/she ensures his/her 'up-to-dateness' and compliance with the imperatives of fashion, through buying the latest models of various goods. So he/she constructs his/her identity.

Ключевые слова: культура потребления, одноразовость, мода, капитализм.

Key words: consumer culture, disposability, fashion, capitalism.

УДК 008(103)

Современное общество рассматривается через призму потребительства не потому, что люди лучше питаются, чем их предшественники, не потому, что распоряжаются большим количеством технических средств, не потому, что используют больше образов и сообщений, наконец, не потому, что удовлетворяют свои потребности. Объем благ и степень удовлетворяемости потребностей – условия появления потребления, а не его сущность.

Суть потребления заключена не в возможности приобрести рекламируемый товар, а в желании это сделать; потребление локализовано не в кармане, а в сфере желания. Общество потребления – совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание)

² The study was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (government-commissioned).

себя определенным статусом. Потребительство снимает оппозицию между реальностью и знаками. Оно есть практика поддержания иерархизированной знаковости путем отправления социально стратифицирующих жестов, которые приближают реализующего их актора к элитарности и соответственно отдаляют его от общественной маргинальности. Специфический тип социализации постепенно приводит индивидуальные нормы и ценности человека в соответствие с нормативно-ценностной системой консьюмеризма.

Социум именуется потребительским не потому, что в нем прослеживается высокий уровень жизни и соответственно имеется большое количество людей, наделенных возможностью реализовывать потребительские практики, а потому, что в нем господствует система отношений, предопределенных свойственными потребительской культуре ценностями, нормами и психологическими установками. Культура потребления нарушает баланс между структурой потребностей и доступными ресурсами для их удовлетворения. В таком обществе могут отсутствовать массовые источники высоких доходов и возможность повсеместно продуцировать «богатый» образ жизни; главное, что есть доминирующие и закреплённые в поведении людей ценности, выраженные в престиже, богатстве, демонстративной роскоши и т.д.

Потребление превратилось в значимый стратифицирующий фактор, а человек стал тем, что он потребляет; как его публичное, так и его интимное пространства в большей мере конструируются потреблением. Расходы на потребительскую демонстративность и публичную расточительность оказываются важнее, чем расходы на естественное поддержание жизни.

Потребление как тенденция требует от своего адепта потреблять постоянно, а индустрия потребительской цивилизации, создавая новые модели гаджетов, только разжигает страсть перманентных приобретений. Новизна приобретений демонстрирует новизну приобретающего; консьюмер как бы показывает окружающим, что он «идет в ногу со временем» и с императивами моды, покупая самые последние модели тех или иных товаров.

Производство постоянно обновленных моделей (далеко не всегда они отличаются принципиальной новизной) есть сомнительный вариант прогресса, так как оно вряд ли стоит тех колоссальных ресурсов, которые на него затрачиваются. Прогресс ради потребления не является подлинным прогрессом, поскольку он, с одной стороны, заставляя технику двигаться вперед, с другой стороны, этим движением еще больше закабаляет потребительскую зависимость человека от новых гаджетов, от целого интертекста цивилизации гаджетов, которые к тому же продаются за цену, неадекватно высокую относительно затраченных на их производство ресурсов. Производство призвано обслуживать не просто потребности, а рост потребностей, ориентируясь на изготовление все большего количества бесполезных или малополезных вещей, обладающих престижным статусом и символической насыщенностью/

Чувство статуса предписывает осуществление высокзатратных потребительских практик, и потому для получения хорошей репутации и поддержания статуса (профилактики угрозы нисходящей мобильности) необходимо ввергаться в праздность потребления, которая диктует принцип перманентности, так как потребительские достижения быстро обесцениваются: некогда считающееся элитным утрачивает свой престиж, и место элитарности занимает нечто новое, требующее новых расходов. Поддержание статуса, таким образом, становится не одномоментным явлением, а постоянным процессом. Современность быстро обращается в несовременность, ее смещает новая современность, и процесс уходит в бесконечность, увлекая потребителя в погоню за временем, за модой и соответствующими ей трендами, что требует новых финансовых растрат.

Успешный и уважающий себя человек должен не только посещать самые модные клубы и обладать мобильным телефоном самой последней модели – то есть постоянно менять их, чтобы «идти в ногу со временем», – но достаточно часто менять автомобили, несмотря на то, что прежний автомобиль вполне способен служить верой и правдой еще десяток лет. Потребителю надлежит находиться в «активном режиме», в перманентном состоянии поиска и приобретения новых моделей самоидентификации, мониторинга имиджей и брендов, а «помогает» ему в проявлении чувствительности к новинкам реклама. Цикл «по-

ребление-выброс-потребление» становится основой жизни и даже ее смыслом. Потребление, таким образом, не сводится к простой покупке товаров. Это еще и конструирование идентичности, это исполнение роли в театре социальной жизни, это соответствие ожиданиям референтной группы. Но так как идентичность формируется постоянно, перманентно, исходя из непрерывной смены «престижных» гаджетов и информации о них, потребитель не осознает в достаточной степени свою идентичность. Вместо ее осознания и целостного проектирования своего Я он скорее плывет по течению, запущенному инфраструктурой консьюмеризма.

Если ранее временной интервал между техническими изобретениями составлял годы и десятилетия, то теперь он составляет месяцы или даже недели. Этот процесс постоянного появления новых гаджетов говорит об убыстрении истории. Вполне закономерным образом вырисовывается актуальность и вместе с тем особая трудность ответа на вопрос «где же кончается полезное и начинается бесполезное, где проходят грани, разделяющие необходимое, нужное и совершенно ненужное?».

Внедрение дизайна в производственный процесс, постоянное изменение дизайна, конституирующее желание приобрести товар самой последней марки, создало производство товаров кратковременного потребления, чтобы стимулировать все новые продажи. Не товар приспособляется к нуждам потребителя, а нужды – к товару. Культурное старение изделий происходит намного раньше их физического износа, хотя зачастую производители специально закладывают срок («product death-dating», т.е. время смерти продукта) в произведенную вещь, давая ей возможность функционировать ограниченное время, чтобы рынок сильно не насыщался ее аналогами, и происходил оборот вещей. Устаревание происходит как с эстетической стороны, когда появляется обладающий теми же функциями, но обновленным дизайном, продукт нового поколения, так и с технологической стороны, когда новый продукт обновляется дополнительными функциональными особенностями.

Только что появившаяся на рынке модель расценивается как научно-техническое изобретение, которое в обязательном порядке следует приобрести – предмет массового обожания, фетиш, формирующий отношение к себе не как к ценному в быту предмету, а как к гаджету, реализующему рекламные потребительские фантазии. Самовосхваление путем акцентуации внимания на новое приобретение стало некоей социальной нормой. Чтобы быть просто одетым, нужен всего лишь один костюм, а чтобы быть просто модным, необходимо практически бесконечное число костюмов.

Безудержное потребительство не только ослепляет человека, не давая возможности различать оригинал и копию, важное и второстепенное. Оно также определяет «одномерный» характер человека, массивизирует его, лишает рефлексии и всякой критической способности. Поэтому все для него становится одноразовым. В контексте, например, музыкальной продукции, современный *massmen*, следуя за модой, стремится «идти в ногу со временем», но своевременность этой ходьбы мнимая. Его не прельщает та музыка, которую он слушал, например, три года назад; более интересной становится то, что на пике популярности сейчас, потому что это слушают ВСЕ. Музыкальные группы появляются и исчезают подобно грибам после обильного дождя, но они бывают совершенно не отличимыми друг от друга ни принципиальной новизной своих «творений», ни исполнительским профессионализмом (если говорить о распространенном феномене попсы), но потребитель пытается их различать по критерию «достойно уважения – недостойно уважения», хотя на самом деле критерий чисто исторический: «вчера-сегодня». То, что появилось сегодня – интересно, а то, что было вчера – устарело. Скорее даже, этот критерий следует назвать не историческим, а хронологическим или антиисторическим, поскольку история безудержно исчезает: с гегемонией потребительской китч-культуры приходит конец истории.

Устаревает все, так как мир стал одноразовым с возведением в культ принципа искусственного устаревания. Одноразовыми становятся не только бумажные стаканчики, но и произведения искусства. Забыт тот факт, что гениальные творения не устаревает никогда. Теперь все гениально..., но лишь на один день. Конечно, во многом это связано с инноваци-

онными тенденциями «третьей волны», за которыми человек отчаянно старается успевать, однако если в области техники действительно происходят инновации, то в области искусства имеют место в первую очередь псевдоинновации, олицетворением которых выступает мода. То, что не способно устареть, признается устаревшим и несовременным, понятие «классика» десакрализуется. В культ входят хэппенинги и инсталляции «здесь и сейчас», где фигурируют произведения, на создание которых уходит крайне непродолжительное время, в отличие от возведенных на века монументальных архитектурных сооружений, в отличие от продуктов художников, музыкантов и писателей прошлых времен, которые могли чуть ли не всю жизнь работать над творением.

Однодневки-хэппенинги, которые исчезнут сразу после закрытия выставки, эти детища конъюнктуры момента, постмодерна с его «текучестью», противопоставляются долговечным, переживающим своих создателей, произведениям искусства, и приобретают, в отличие от них, статус актуальности и современности. Длительная работа над произведением не приветствуется, поскольку потребительская культура способна навесить ярлык «старье» на продукт прежде, чем процесс его создания будет завершен. То, что раньше приносило вековую славу и связанную с ней дорогу в культурное бессмертие, сегодня не актуально. Вместо вековой славы теперь приобретается известность – краткосрочная, быстротекущая, укладываемая в слова Э. Уорхолла о времени, когда каждый получит свои 15 минут славы. Те, кто заслуженно способен претендовать на почет и уважение, кто отдал трудовому и творческому процессу долгие годы, отодвигаются на второй план и уступают дорогу пописывающим, авторам бульварных романов, светским львам и львицам и т.д.

Вещи становятся вчерашними, а вместе с ними и обладатели вещей теряют свой статус. Они переходят из состояния современности в состояние прошлого, вышедшего из моды, и это прошлое, несмотря на его хронологическую недавность, воспринимается как далекое и архаичное не в континуально-временном, а в содержательном смысле. Причем обладатель «вчерашнего» продукта или сам себя считает несовременным, или таковым его считает окружение, или он просто думает, что люди ему придают «yesterday-статус». В любом случае для сохранения своего «today-статуса» человек снова окунается во вселенную фиктивных приобретений и заставляет себя следить за изменяющимися модой и рыночными трендами. Процесс постоянной слежки за претерпевающим «вечное обновление» ассортиментом, инициируя шопоголизм, рождает чувство обделенности и неудовлетворенности, отрывает чувство радости от потребительских побед, ибо после каждого очередного покупательского триумфа возникает еще один соблазн, который требует своего достижения. Лучшие и современные стили жизни как атрибуты исключительного социального положения потому так желанны, что они не скрываются за толстыми стенами, а находятся на виду, в реальной жизни и на телеэкране, и своей подчеркнутой видимостью создают эффект близости и доступности. Поэтому неудача в их достижении особенно унижительна («ведь они доступны другим, кого я ничем не хуже»), хотя они формируют грань между возможным и невозможным для данного потребителя. Абсолютный престиж должен постоянно поддерживаться, а для его поддержания необходимо следовать не мелким, а самым значимым образцам, которые не каждому по карману.

Поведенческое поддержание «одноразовости» и текучести ценностей, которые ранее представлялись незыблемыми, делает мир быстротечным, а быстротечность мира стимулирует склонность людей к «одноразовости» и легкомысленному отношению к «здоровым» ценностям. Причина и следствие тесно переплетаются.

Вещи покупаются и выбрасываются для того, чтобы их заменили другие вещи – их более усовершенствованные эквиваленты. И этот процесс забвения старого и блицвозникновения нового, которое моментально сменяется другим новым, происходит циклически, как и заголовки газет сегодняшних обязательно меняют и отменяют заголовки газет вчерашних и топовые «горячие десятки» нынешние приходят на смену еще совсем недавним. Он превращается в рециркуляцию (не только гаджетов, но и продуктов искусства), в после-

довательность маленьких рождений и смертей, как бы отменяющую большую смерть, откладываящую ее на завтра, после чего снова на завтра и так далее, как в той шутке, когда чиновник говорит своим просителям «я же вам постоянно велю прийти завтра, а вы каждый день приходите сегодня». В этом откладывании смерти нет ничего мистического и трансцендентного, оно не имеет ничего общего с направленным на спасение религиозным сознанием, но оно проникнуто некоей бытовой мифологией. Циркуляция вещей помогает отрешиться от одиночества, необратимости и смерти. Она выступает бессознательным утешением.

Если сегодня покупается компьютер, то через непродолжительное время в связи с совершенствованием технологий он неизбежно устареет, и потребитель выбрасывает еще не исчерпавшую полезности вещь. Поэтому смысл тенденций консьюмеризма (в первую очередь рекламы) – сделать нас недовольными тем, что мы уже имеем, чтобы подтолкнуть к большему потребительству, пробудить в нас некое архаическое, регрессивное недовольство, близкое скорее к детскому капризу, чем к логическому зрелому решению. Люди в момент «не-обладания» товаром ощущают себя ущербными и неполноценными, что указывает на их зависимость от моды, дизайна и вообще культуры потребительства. Неясно, о какой тогда свободе говорят рекламисты и прочие глашатаи потребления.

Общество потребления – это общество соблазна постоянной нехваткой, стимулирующей бесконечность покупок. В эпоху гиперразвития рынка транснациональные корпорации и другие рыночные монстры стимулирует потребителя поддерживать гонку за покупками. Иницируется уходящий в бесконечность экономический рост, то есть сверхразвитие промышленности, реклама которой актуализирует рост потребления и дальнейший промышленный рост.

Даже если потребности удовлетворены, система масс-медиа «обнаруживает» в их носителе новые требующие удовлетворения потребности, чтобы продукция находила сбыт, а потребителю мерещилось вдалеке нечто притягательное и непотребленное. Выстраивается причинно-следственная цепь: наращиваются обороты производства и реклама производства – создаются новые потребности – человек потребляет результаты производства и тем самым способствует его дальнейшему наращиванию. Нет никакого преувеличения в следующей мысли: корпорации заинтересованы, чтобы люди покупали их продукцию, сразу же ее выбрасывали, а потом покупали вновь. Потребитель становится «перерабатывателем» все большего количества товаров. Капитализм основан на экспансии, для реализации которой необходимо непрерывное обновление потребностей как можно большего количества людей. Очевидна бессмысленность расточительности, то есть растущих скоростей и объемов производства-сбыта, и их разрушительное влияние на общественную психологию, экологию и экономику. Общество потребления – общество избыточной нехватки, профицитного дефицита.

Капиталистической системе необходимо постоянно обновлять потребности общества, чтобы поддерживать в нем постоянный покупательский спрос. Так она расширяет саму себя, используя механизмы моды и рекламы. Не имеющие достаточной ценности вещи представляются более ценными, чем действительно нужные вещи.

Продвижение фиктивных и полуфиктивных товаров все больше и больше внушает потребителю, что у него есть потребность в их приобретении. Бедным внушается модность и дешевизна товара (хотя он обычно бывает не дешевым), а богатым, наоборот, его эксклюзивность и дороговизна.

Культура без идеологии будущего, без идеалов, ориентированных вперед, не предполагает стратегических целей и горизонтов планирования. В ней не находится места ни личным проектам будущего, кроме пресловутого накопления материальных благ, ни каким бы то ни было проектам новых социально-исторических рубежей. Вместо них приходят расточительство, гонка за быстро сменяющейся модой, маниакальное стремление покупать новые модели уже имеющихся товаров и жизнь в кредит. Эти явления, видимо, в некотором роде компенсируют отсутствие идеалов, отсылающих вперед, ценностное ослабление хронотопа, предполагающего будущее.

Мироненко Л. А.
L. A. Mironenko

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ

THE QUESTION OF SOCIOLOGICAL STUDY OF INTERNET AUDIENCES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Мироненко Лариса Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), член Российской Социологической Ассоциации; 681003, Комсомольск-на-Амуре, ул. Дзержинского, 38/2; +7 (4217) 55-44-39. E-mail: l.mironenko@list.ru.

Ms. Larisa A. Mironenko – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Fellow of the Russian Sociological Association; 38/2, Dzerzhinsky Str., Komsomolsk-on-Amur, 681003; + 7 (4217) 554439. E-mail: l.mironenko@list.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме социологического описания региональных сегментов Рунета. Приводятся исследования, которые содержат данные относительно дальневосточной аудитории Рунета.

Summary. The paper considers the problem of sociological description of regional segments of the RuNet. Studies are referred to that contain data regarding the far eastern Internet audience measurement.

Ключевые слова: Рунет, интернет-аудитория, TNS, Gemius, Дальневосточный федеральный округ, исследования Яндекса.

Key words: RuNet, Internet audience, TNS, Genius, Far Eastern Federal District, Yandex.ru research.

УДК 316.77

Интернет-аудитория – это огромное сообщество людей, объединенных виртуальным коммуникативным пространством, это совокупность социальных кругов, в которых появляется и изменяется общественное мнение, это огромный социальный ресурс с колоссальным потенциалом. В исследовании, получении характеристик интернет-аудитории заинтересованы многие: политики и политтехнологи, инвесторы и аналитики, производители и потребители, рекламодатели и производители рекламы, инженеры и педагоги, врачи и пациенты, конкуренты и партнеры. Интернет и его пользовательские возможности начали измеряться и изучаться с момента появления глобальной сети, но эти возможности растут и изменяются, они вызывают вопросы гораздо быстрее, чем формируется адекватное представление о сети Интернет и её аудитории.

В мире существует много исследовательских компаний, которые постоянно проводят мониторинг Интернета, в том числе и Рунета (русскоязычного сегмента Интернета). Исследованиями Рунета (периодическими и разовыми), его мониторингом занимаются российские организации: Фонд Общественное Мнение (ФОМ), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-центр, Комкон. Рунет с конца 1990-х гг. вошел в поле зрения крупных международных исследователей (TNS Media Research, Gemius, ComScor и др.). Объектом этих исследований, как правило, является весь Рунет, а поскольку основные пользователи сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге и других городах-миллионниках, то изучают, в основном, именно их.

Систематические измерения в этой области проводит компания TNS. Например, проект Web Index [1] компании TNS представляет информацию об объемах и характеристиках интернет-аудитории в России, в которую включены жители городов с населением более 100 тыс. чел. в возрасте от 12 до 64 лет. Сбор информации для проекта Web Index происходит в

рамках панели участников – группы респондентов исследования. Идентификация участников исследования происходит с помощью специального счетчика, установленного на измеряемых сайтах. Для тех сайтов, где не установлен счетчик TNS, данные собираются с помощью специального программного обеспечения, установленного на компьютеры конечных пользователей. Преимуществом используемого метода является автоматическая регистрация посещения сайтов Интернета, что исключает ошибки, связанные с необходимостью держать в памяти сайты, посещенные респондентом в течение дня. На данный момент (2014 г.) в исследовании участвуют более 20 000 чел. со всей России, что позволяет предоставлять детальные данные по измеряемым сайтам с точностью до часа. Для измерения объема и структуры интернет-трафика в целом (без разбивки на сайты) компания TNS проводит собственное установочное исследование. Установочное исследование проводится по телефону в ежедневном режиме, ему нет аналогов в России по размеру выборки (более 145 000 интервью в год).

По данным, которые предлагает компания Gemius на середину 2014 г., численность аудитории Рунета – более 70 млн пользователей, т.е. проникновение Интернета на территории России составляет 58 %. Рост этой аудитории за последний год составил 10 %. Gemius, как и TNS, отмечает следующие особенности аудитории Рунета: высокую охваченность социальными сетями (более 90 % всей аудитории); невысокое, по сравнению с Европейскими странами, количество корпоративных сайтов; большой потенциал роста. Gemius представляет не только результаты измерений Рунета, но и любопытные Ad hoc исследования, например: «Один день из жизни Рунета» [2] или «Кто они, интернет-пользователи России?» [3].

Постоянными исследованиями аудитории Рунета занимаются крупные российские интернет-компании, такие как Майл.Ру или Яндекс. Так, по данным TNS на июль 2014 г. Майл.Ру занимает первое место по посещаемости, а Яндекс – второе, поэтому исследования собственной аудитории именно этих ресурсов обладают представительностью по отношению к аудитории всего Рунета. Кроме того, существуют микроисследования различных небольших сообществ Рунета. Видимо, приходит время исследований «среднего уровня» интернет-аудитории Рунета, например её региональных сегментов. Уже есть образец такого систематического мониторинга: в ежемесячных отчетах TNS отдельно представлены характеристики московской и петербургской интернет-аудиторий (кроме общероссийской), а также характеристики провинциальных крупных региональных интернет-аудиторий Екатеринбурга и Новосибирска.

Дальневосточная интернет-аудитория малоинтересна крупным российским и международным исследователям в силу своей малочисленности (всего 4 % из 70-миллионной армии пользователей Рунета, а это менее 3 млн чел.), а также слабого и медленного проникновения сети Интернет на территории Дальнего Востока.

Тем не менее попытки описать дальневосточную интернет-аудиторию, а не только всю аудиторию Рунета, существуют и дают нам основания для того, чтобы на основе преимущественно предварительных и разрозненных данных можно было бы заняться и количественным, и качественным более подробным её изучением.

В этом случае прежде всего можно опереться на те данные, которые получают и публикуют Яндекс и Майл.Ру. Обе эти компании измеряют и пытаются изучать свою аудиторию, в том числе и региональные её компоненты. Весной 2013 г. Яндекс опубликовал собственное исследование «Развитие интернета в регионах России» [4]. В этом исследовании отмечается, что в 2012 г. ДВФО продемонстрировал самые низкие темпы роста интернет-аудитории и уменьшение аудитории мобильного интернета (хотя еще в 2011 г. ДВФО лидировал по этому показателю). Даже с учетом снижения стоимости доступа в сеть на 61 % в ДВФО по-прежнему сохраняются самые высокие цены на интернет и самая низкая его доступность. Несмотря на это, Дальний Восток всё ещё лидирует по темпам проникновения мобильного интернета (это показатель отсталости региона, в остальных регионах мобильный интернет уже широко используется потребителями). Также ДВФО лидирует по активности интернет-СМИ и делит с ЮФО первое место по охвату социальных сетей, но отстает по развитию региональных ресурсов. В исследовании подчеркивается, что Дальний Восток в

2013 г. занял последнее место по скорости доступа в сеть по тарифам стоимостью 500 – 600 р. в месяц. Тратя на интернет ту же часть зарплаты, что и москвич, житель ДВФО получает скорость в 18 раз ниже. Таким образом, индекс доступности интернета в ДВФО – 0,27 (индекс доступности по Москве – 4, 71). Аудитория мобильного Интернета в 2013 г. уменьшилась на 4 % (по России выросла на 35 %).

Кроме показателей, характеризующих дальневосточный Рунет (низкие, но растущие показатели активности СМИ, развития региональных ресурсов, доли бизнес-сайтов и присутствия организаций в интернете), в исследовании отмечается только одна характеристика, непосредственно характеризующая качество аудитории – исключительно высокий (95 %) охват социальных сетей. Этот показатель определен отношением месячной аудитории трех крупнейших социальных сетей Рунета (ВКонтакте, Одноклассники и Мой мир) в регионе к месячной аудитории интернета в регионе (по данным TNS на декабрь 2012.). Количественные данные, косвенно характеризующие дальневосточную интернет-аудиторию и приведенные в исследовании, таковы: проникновение интернета (отношение месячной аудитории интернета в регионе к населению региона для жителей старше 18 лет) по данным ФОМ на осень 2012 г. составляет 50 %; проникновение мобильного интернета, т.е. отношение месячной аудитории мобильного интернета (пользователей, выходящих в сеть с телефонов, смартфонов и планшетных компьютеров) в регионе к населению региона (для жителей старше 12 лет, проживающих в городах с населением свыше 100 000 чел.) по данным TNS на декабрь 2012 г. составляет 28 %.

Стремление компании Яндекс не просто регистрировать, измерять аудиторию, но и пытаться исследовать её качественные характеристики отражает её постоянный мониторинг «Поисковые запросы в разных регионах» [5]. Среди регионов, в которых выполняется это исследование, присутствуют Хабаровский и Приморский край. Научной систематичностью эти исследования не обладают, но они способны отразить некие тренды. Так, например, в 2014 г. можно узнать у Яндекса о поисковых связях Хабаровска и Владивостока с другими городами (т.е. какие города чаще выбирают в поисковике пользователи – жители этих краев, а какие – реже); о музыкальных предпочтениях, отраженных в поисковых запросах; о каких видах финансовых продуктов запрашивается информация. Кроме того, обобщена статистика запросов о способах похудения и чемпионате мира по футболу.

Майл.Ру также публикует подробные данные о своей аудитории [6], но региональные сегменты в этой статистике представлены менее подробно, чем у Яндекса. Из ДВ регионов в постоянном мониторинге участвует только аудитория Приморского края [7]. Кроме демографических данных (пол, возраст), у них очень подробно учитываются характеристики поведения на сайте (частота и периодичность визитов, глубина и длительность просмотра), а также чисто технические моменты: используемые устройства, браузеры, разрешение экрана. Для подписчиков появились две дополнительные опции: можно увидеть характеристики дохода пользователей, а также узнать об одновременном использовании ТВ и устройства для выхода в интернет. Эти показатели имеют ярко выраженную маркетинговую направленность и предназначены, прежде всего, рекламодателям Майл.Ру, но исследователей аудитории, которые будут использовать результаты собственных измерений Майл.Ру, привлечет их детализированность.

В последнее время российским правительством декларирован курс на опережающее развитие Дальнего Востока. При выполнении такого социального заказа будет проводиться работа с региональным общественным мнением, что потребует изучения дальневосточной аудитории и, прежде всего, её интернет-сегмента как самой объемной и доступной её части.

ИСТОЧНИКИ

1. <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information>
2. <http://www.gemius.ru/544/kto-oni-internet-polzovateli-rossii-21352.html>
3. <http://www.gemius.ru/542/odin-den-iz-zhizni-runeta.html>
4. https://company.yandex.ru/researches/reports/2013/ya_internet_regions_2013.xml#DFO
5. <https://company.yandex.ru/researches/cities/>
6. <http://top.mail.ru/overall>
7. <http://top.mail.ru/visits?id=1839610&period=0&date=&#back=30>

Филипова А. Г.
A. G. Filipova

ДЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ВЫЖИВАНИЯ К РАЗВИТИЮ ДЕТСТВА¹

SOCIAL POLICY ON CHILD-RELATED ISSUES IN TODAY'S RUSSIA: FROM SURVIVAL TO PROMOTION OF CHILD DEVELOPMENT²

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alexandra.filipova@mail.ru.

Ms. Alexandra G. Filipova – D.Sc. in Sociology, Professor, Department of Philosophy and Social Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexandra.filipova@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору основных достижений и трудностей российской социальной политики в отношении детства. Выделены три этапа современного развития детской социальной политики, условно обозначенные как «патерналистская», «переходная» и «синтетическая» модели. Анализируя тексты нормативно-правовых актов, автор показывает переход от задач выживания детства к задачам сохранения его потенциала и развития, включения детства в решение социально значимых вопросов, а также выявляет основные проблемы и перспективы реформирования социозащитных структур. Автор полагает, что для безопасной и комфортной организации пространства детства необходимо ориентироваться на всех детей, создавая ситуацию равных возможностей.

Summary. The paper offers a review of the main achievements made and difficulties faced in Russia's pro-childhood social policy. I identify three stages in the modern development social policy on children's issues conditionally designated as "paternalistic", "transitional" and "synthetic" models. By the analysis of laws and regulations, I seek to show a transition from the problems of child survival to the problems of preservation and development of childhood potential, of inclusion of childhood-related matters in the solutions of socially significant issues. I also reveal the key problems and prospects of a reform of social protection institutions and mechanisms. I believe that for a safe and comfortable organization of 'childhood space' it is necessary to orient oneself to all the children in a society, creating a situation of equal opportunities.

Ключевые слова: социальная политика, детство, социальная защита, семья, риски.

Key words: social policy, childhood, social protection, family, risks.

УДК 316.33

В российской науке и практике сложились разные подходы к определению деятельности государства по защите детства. Её называют социальной политикой в интересах детей, детской социальной политикой, иногда она включается в качестве составного элемента в государственную или региональную семейную политику, также её рассматривают как одно из направлений общей социальной политики. Детская социальная политика имеет многоуровневый характер: по уровням власти делится на федеральную, региональную и местную; по секторам общественной жизни – на государственную, общественную (некоммерческие организации) и производственную (бизнес). Смысловое наполнение социальной политики в интересах детей заключается в формировании устойчивой социальной структуры посредством реализации принципа социальной ответственности государства, общества и семьи.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента (проект № МД-3569.2015.6).

² The study has been carried out thanks to a Presidential Grant (project № MD-3569.2015.6).

Под детской социальной политикой в рамках настоящего исследования будем понимать деятельность государства по созданию правовых условий для обеспечения выживания, сохранения и развития детства.

Современная политика защиты детей начала формироваться в 1990-е гг. и проходила в русле ратификации Конвенции ООН «О правах ребенка» и обеспечения её выполнения. Постановлением Правительства РФ «О реализации Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей» (от 23 августа 1993 г.) был предусмотрен механизм формирования и реализации государственной политики в интересах детей.

Для выявления особенностей современных политико-правовых интерпретаций количественно-качественных характеристик детства, механизмов социальной защиты разных групп детей обратимся к методу анализа текстов федеральных нормативно-правовых актов за период с 1990 по 2014 гг. Базовыми документами для изучения целей, приоритетных направлений, механизмов реализации социальных гарантий в означенные периоды стали «Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в РФ до 2000 г.» (Национальный план действий в интересах детей); «Национальный план действий в интересах детей до 2010 г.» (проект), «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг.» [3; 4; 5].

Данные документы вписываются в выделенные К. Э. Лайкамом хронологические рамки моделей развития социальной политики. Воспользуемся терминологией автора для обозначения двух первых выделенных нами этапов развития детской социальной политики – «патерналистская» и «промежуточная» [2]. Для характеристики третьего этапа более удачной представляется интерпретация В. Ю. Красновой, которая выделила «синтетическую модель», вобравшую в себя элементы «патерналистской», «мобилизующей» и «саморегулирующейся» моделей при сочетании принципов «деловой активности, самообеспечения и разумной социальной поддержки со стороны государства» [1].

«Патерналистская модель» детской социальной политики

В 1990-е гг. социальная политика в интересах детства переживает этап становления на фоне российского социально-экономического кризиса, поэтому меры государственной поддержки определяются в терминах «предупреждение», «стабилизация», «обеспечение», «поддержка» и направлены, по существу, на выживание детства. Так, цель государственной социальной политики по улучшению положения детей в РФ до 2000 г. была обозначена как «преодоление нарастания негативных тенденций и стабилизация положения детей, создание реальных предпосылок дальнейшей положительной динамики процессов жизнеобеспечения детей». Поэтому среди основных направлений детской социальной политики этого этапа – улучшение питания детей («обеспечение полноценного питания новорожденных», «предотвращение недоедания и голода среди детей, беременных женщин и кормящих матерей», «повышение качества и безопасности потребляемой питьевой воды и пищевых продуктов»), а также обеспечение безопасного материнства и охраны здоровья детей («снижение материнской и младенческой смертности», «усиление профилактики инфекционных и паразитарных заболеваний», «улучшение санитарно-гигиенических условий содержания детей в детских учреждениях») [5].

Одним из механизмов реализации детской социальной политики на этом этапе стали федеральные целевые программы. Их появление в 1993 г. было связано с необходимостью экстренного реагирования на развитие негативных тенденций детства в РФ, введения механизмов защиты прав детей, адекватных рыночной экономике и демократическому общественному устройству. Первоначально указом Президента РФ были введены в действие пять подпрограмм под единым названием «Дети России». К 1997 г. их количество увеличилось до 13, что было вызвано социальной нестабильностью общества, спровоцировавшей появление новых социально уязвимых групп детей – беженцев и вынужденных переселенцев (в связи с

распадом СССР, разрастанием межнациональных конфликтов), безнадзорных детей (из-за массового распространения семейного неблагополучия) и др.

За период с 1990 по 1999 гг. в нашей стране была сформирована правовая база социальных гарантий детства: в области получения образования (Закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»), материальной поддержки семьи (Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»), социального обслуживания семей с детьми (Закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ»), поддержки детских общественных инициатив (Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»), профилактики детской безнадзорности и правонарушений (Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») и др.

Попыткой систематизации гарантий прав и интересов детства стал Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», установивший меры государственной поддержки в области образования и воспитания ребенка, охраны здоровья, профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и занятости, отдыха и оздоровления и др. Данным законом детство признано «важным этапом жизни человека», а детская социальная политика ориентирована на принципы «приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности».

«Переходная модель» детской социальной политики

Задачей следующего – переходного – этапа (2000-е гг.) стало удержание позиций детства и переход к качественной парадигме его оценки, т.е. обращение к социальному потенциалу детства – здоровью, образованию, духовно-нравственным ценностям. Стратегическая цель детской социальной политики определена через «создание необходимых условий для физического, психологического, духовного, социального, эмоционального, познавательного и культурного развития детей и реальное обеспечение основных гарантий прав ребенка на основе повышения уровня жизни населения и модернизации экономики» [4].

В этот период акценты детской социальной политики смещаются в сторону «развития», «улучшения», «совершенствования» форм и методов работы учреждений социальной защиты детства, достижения качественных показателей (например, качества образования). Та сеть институций, поддерживающих детство, которая была создана в 1990-е гг., на этом этапе испытывает потребность в дальнейших финансовых вливаниях, обновлении и поддержании материально-технической базы в нормальном состоянии и т.д. Результатом предшествующего десятилетия («патерналистская модель») можно считать «сохранение базовых гарантий обеспечения жизнедеятельности и развития детей и минимизацию потерь в уровне жизни, сохранение доступа детей к системам образования и здравоохранения, развитие различных форм материальной поддержки семей с детьми, создание механизмов профилактики социальной реабилитации детей в условиях возникновения новых социальных рисков» [4].

Проект Национального плана действий в интересах детей до 2010 г. был ориентирован на создание «социальных сетей» вокруг разных детских проблем – сети специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, сети социальной реабилитации несовершеннолетних, освободившихся из мест лишения свободы, сети учреждений профилактики семейного неблагополучия на ранних стадиях, сети раннего выявления детей с отклонениями в развитии и т.д.

На этом этапе происходит переориентация государственной политики с семей с детьми на социально уязвимые (в том числе многодетные и молодые) семьи, усиливается адресность социальных мероприятий. Свидетельством этому выступает, например, Концепция демографического развития РФ до 2025 г. Вырисовывается картина существенного прорыва в области социальной детской политики – переход на качественно иной уровень переосмыс-

ления и модернизации социозащитной сферы, обращение не к отдельным группам детей, а стремление охватить всё детство через создание системы социальных гарантий.

«Синтетическая модель» детской социальной политики

На третьем – «синтетическом» – этапе (в 2010-е гг.) продолжается реформирование социальной сферы. На фоне действия национальных проектов «Здоровье» и «Образование» завершается оснащение социальной инфраструктуры детства в регионах. На федеральном уровне встаёт вопрос о реформировании законодательства в области образования и здравоохранения: новый закон «Об образовании в РФ» вступил в силу с 1 сентября 2013 г., закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» действует с 22 ноября 2011 г., закон «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию» вступил в действие 1 сентября 2012 г.

В соответствии с Национальной стратегией в интересах детей на 2012-2017 гг. Россия на этом этапе приступает к созданию среды, «комфортной и доброжелательной для жизни детей», а «обеспечение благополучного и защищённого детства» объявлено одним из национальных приоритетов страны. Новый поворот государства к детству маркирован как «политика детствосбережения». Перенос акцентов на качество среды, окружающей ребенка, не только семейной, но и более широкой – социальной, выражается в «повышении доступности и качества социальных услуг», преодолении социального неравенства субъектов РФ, а также крупных городов и малых городов, населённых пунктов, размещающихся в сельской местности, формировании многочисленных сред, «дружественных к детям» (правосудия, здравоохранения, интернет-пространства). Создание ситуации равных возможностей отталкивается от признания необходимости «максимальной реализации потенциала каждого ребенка». Социальное неравенство детства воспринимается законодателем как внутреннее неравенство детства (неравенство детей в зависимости от имеющихся личных, семейных и территориальных ресурсов) и интерпретируется как ещё один риск не только для детства, но и для общества, поскольку рассматривается как источник межэтнической, межконфессиональной, социально-имущественной напряжённости [3].

Семья продолжает восприниматься как окружение, продуцирующее множественные риски детства, поэтому детская социальная политика на этом этапе ориентирована на «обеспечение безопасного и комфортного семейного окружения», обеспечение профилактики семейного неблагополучия. Семья нормализуется в категориях «ответственного родительства», «позитивного родительства», «исключения любых форм жестокого обращения с детьми». Вектор фамелизации детства имеет смутные пока очертания «развития внутренних ресурсов семьи», формирования служб поддержки и сопровождения семьи и т.п.

В «Национальной стратегии...» обозначен новый риск детства – риск информационной безопасности, который законодатель предлагает преодолевать путём формирования у детей навыков безопасного поведения в интернет-пространстве, создания защищённых сайтов и порталов, внедрения механизмов общественной экспертизы интернет-контента и т.п.

Необходимо подчеркнуть попытку «Национальной стратегии...» переформатировать детей из объектов повышенного внимания государства в активных участников общественной жизни, «демонстрирующих активную жизненную позицию, самостоятельность и творческую инициативу в созидательной деятельности, ответственное отношение к жизни, окружающей среде». На это, в соответствии со Стратегией, направлены действия детских общественных организаций, органов детского самоуправления образовательными учреждениями, программы гражданского, военно-патриотического воспитания, правового просвещения и т.п.

На основе изучения текстов базовых документов трёх выделенных этапов детской социальной политики были определены четыре приоритетных направления реализации государственных мер, которые стали параметрами сопоставления «патерналистской», «переходной» и «синтетической» моделей: «здоровье», «образование», «семья», «дети группы риска» (см. табл. 1).

Обобщённо на основе текстов вышеозначенных нормативно-правовых актов ориентиры трёх этапов могут быть описаны в терминах «выживания» – «стабилизации» – «развития», что совпадает с задачами оптимизации социально-экономической ситуации в стране.

Таблица 1

Сопоставление приоритетных направлений трех этапов развития детской социальной политики

Приоритетное направление	Период		
	1990-е гг.	2000-е гг.	2010-е гг.
Здоровье	<i>Обеспечение безопасного материнства и охраны здоровья детей</i>	<i>Охрана здоровья и содействие здоровому образу жизни детей</i>	<i>Создание дружественного к ребенку здравоохранения, формирование здорового образа жизни</i>
Образование	<i>Обеспечение воспитания, образования и развития детей</i>	<i>Обеспечение качественного образования и воспитания детей</i>	<i>Обеспечение доступности качественного обучения и воспитания, культурного развития и информационной безопасности детей</i>
Семья	<i>Поддержка семьи как естественной среды жизнеобеспечения детей</i>	<i>Улучшение экономических условий жизнедеятельности детей</i>	<i>Повышение доступности и качества социальных услуг, формирование в обществе ценностей семьи</i>
Дети группы риска	<i>Поддержка детей, находящихся в особо трудных обстоятельствах</i>	<i>Повышение эффективности государственной системы поддержки детей, находящихся в особо сложных обстоятельствах</i>	<i>Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства, создание дружественного к ребенку правосудия</i>

В условиях дефицита детского ресурса государство всё больше внимания уделяет трём группам *детей-маргиналов* или *детей социального исключения* (*сиротам, инвалидам и правонарушителям*), стремится интегрировать их в социальную жизнь общества. Для этого создаются системы сопровождения, центры постинтернатной и постпенитенциарной адаптации, инклюзивные школы, предпринимаются меры по выравниванию возможностей детей с разными стартовыми ресурсами (имеются в виду состояние здоровья, образования, имущественного положения семьи).

В отношении детей-сирот в государственной социальной политике происходит смещение приоритетов – с благоустройства и расширения сети интернатных учреждений («патерналистская модель») на воссоздание утраченного семейного окружения или реабилитацию родной семьи («переходная модель»). В 2008 г. принимается закон «Об опеке и попечительстве», которым вводится понятие «возмездной опеки», предоставляющей опекунам (попечителям) ребёнка возможность получения материального вознаграждения за свой труд. На этапе «синтетической модели» вводится запрет на изъятие ребенка из «неблагополучной» семьи без предварительного проведения социально-реабилитационных мероприятий; стимулируется внедрение системы профилактики отказов от детей в медицинских учреждениях. Кроме того, предусматривается реформирование интернатных учреждений: с одной стороны, их перепрофилирование в службы по поддержке семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в социально-реабилитационные учреждения, а с другой – разукрупнение интернатных учреждений с целью создания в них условий, приближенных к домашним [3].

Дети-инвалиды преимущественно рассматриваются в семейной среде, т.к. меры поддержки предназначаются не только ребенку, но и тем лицам, которые осуществляют уход за

ним. Проблемы детей-инвалидов и их семей многогранны, затрагивают экономическую, социально-психологическую, медико-социальную, духовно-нравственную стороны жизни и потому нуждаются в комплексном подходе к их решению. В отношении детей-инвалидов государство видит свою задачу в обеспечении трёхзвенной цепи мероприятий «адаптация – реабилитация – интеграция». Можно сказать, что в отношении детей-инвалидов ориентиры социальной политики в 1990-2000-е гг. не претерпели существенных изменений. Для них характерен упор на «комплексность мероприятий» и «комплексность видов реабилитации». Патерналистские установки законодателя выражаются в стремлении обеспечить ребенка всеми необходимыми техническими устройствами и средствами реабилитации. Все эти меры действуют на уровне социально-бытового самообслуживания, однако для интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в общество их оказывается недостаточно. Важной социальной задачей медицинских учреждений остаётся профилактика детской инвалидности.

В 2008 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов и приступила к реализации международных стандартов экономических, социальных, юридических и других прав инвалидов. Постановлением Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175 была утверждена государственная программа «Доступная среда» на 2011-2015 гг., в которой предусматривается создание безбарьерной среды для маломобильных групп населения (начиная с учреждений социальной защиты и заканчивая культурно-досуговыми и спортивными учреждениями). В Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. также обращается внимание на «обеспечение безбарьерной среды обитания для лиц с ограниченными возможностями, а также на создание в городах и сельской местности среды обитания, благоприятной для семей с детьми, включая установление соответствующих требований к градостроительным решениям, а также к социальной и транспортной структуре».

Что касается третьей группы детей, нуждающихся в особом внимании государства, то их рост, приводящий к социальному сиротству, распространению девиаций и правонарушений среди несовершеннолетних, ухудшению качества детства, провоцирует экстренные меры социальной политики. Указом Президента от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав» было предусмотрено создание новой модели государственной системы социальной профилактики безнадзорности, отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Сопоставление двух периодов – 1990-х гг. и нулевых показывает, что созданная к концу 1990-х гг. система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в начале следующего этапа укрепляется, внимание переносится на технологии работы с несовершеннолетними и их семьями (в частности превентивные меры и меры восстановительного правосудия).

Социальными гарантиями в отношении этой категории детства являются гарантии соблюдения их прав и законных интересов, осуществления защиты от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления или грубого обращения, сексуальной или иной эксплуатации. Для этого органы системы профилактики по всем выявленным случаям нарушения прав детей должны незамедлительно информировать комиссию по делам несовершеннолетних, прокурора, органы опеки, органы внутренних дел (в зависимости от подведомственности случаев). «Национальной стратегией...» вводится понятие «дружественного к ребенку правосудия», под которым понимается «система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учётом принципов, закреплённых в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учётом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела».

Анализ нормативно-правовых актов, образующих смысловой центр трёх моделей детской социальной политики, позволил обозначить ключевые проблемы деятельности государства в области социальной защиты детства:

1) проблема эффективности технологий социальной адаптации и реабилитации, превенции рисков и др.;

2) проблема взаимодействия учреждений одной ведомственной подчинённости (например, дошкольного и школьного образовательных учреждений), а также межведомственной координации действий;

3) проблема укомплектованности и профессионализации кадров служб, работающих с семьёй и детьми;

4) проблема создания новых служб или перепрофилирования существующих и др.

Для решения этих проблем «синтетической моделью» предлагается создание сетей учреждений, работающих в одном направлении (сети психолого-педагогической работы с детьми, находящимися в конфликте с законом, и их социальным окружением; сети организаций, осуществляющих психологическую и социальную реабилитацию детей – жертв насилия и т.п.), введение механизмов общественного контроля за соблюдением прав детей в разных средах, внедрение программ превенции (детской инвалидности, семейного неблагополучия, поведенческих рисков и т.п.).

Призыв к интеграции во имя детства, попытки создания координационных органов по вопросам защиты детей и семьи безуспешно предпринимались в 1990-е гг. В первое десятилетие XXI в. в российском политико-правовом дискурсе идея объединения получила своё продолжение в виде объединения гражданского общества и государства, бизнеса и власти, регионов и центра, церкви и светской общественности, всех министерств, департаментов и ведомств для решения острых социальных проблем, в том числе проблемы защиты детства. Защиту детства политики, общественные деятели мыслят как *систему, объединение усилий бизнеса, государства и общества; новую политику, работающую на опережение* (имеется в виду превенция семейного неблагополучия; борьба с истоками, а не со следствиями). Поэтому среди принципов «Национальной стратегии...» появляется принцип «партнерства во имя ребенка».

Для интеграции усилий и ресурсов (причём не только российских, но и международных) складываются альянсы бизнеса, некоммерческих организаций, государства, как, например, Ассоциация индустрии детских товаров, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (создан Указом Президента РФ от 26 марта 2008 г. № 404), Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, Институт здоровья семьи, Агентство социальной информации и др.

Представители органов власти отмечают необходимость создания «единого государственного органа, который занимался бы исключительно проблемами детства и семей с детьми». Для координации работы по решению проблем детей на федеральном уровне был введён институт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. В Указе от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» Президент РФ заявил о необходимости «создания специализированной системы защиты прав детей, включая дальнейшее развитие института уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ».

Основные выводы, которые следуют из анализа правового пространства детской социальной политики.

Во-первых, выделение исторических периодов (1990, 2000, 2010-е гг.) детской социальной политики помогает проследить смену государственных приоритетов в области защиты детей с выживания и стабилизации детства («патерналистская модель») к качеству детства («переходная модель») и к безопасности детства и его развитию («синтетическая модель»). Институциональной рамкой формирования основ детской социальной политики выступают нормы международных актов (Конвенции ООН, руководящие документы Совета Европы и др.).

Во-вторых, социальная политика в интересах детей воплощает идею ценности детства в практиках защиты конкретных детей. При всём том государственная забота о детстве запускает механизмы его внутреннего неравенства; выделяются группы детей, которым адресовано повышенное внимание государства (так называемая положительная дискримина-

ция). На основе анализа российских нормативно-правовых актов выделены три группы таких детей – сироты, инвалиды и правонарушители.

В-третьих, в официальной риторике «семья» вытесняется «детьми, нуждающимися в помощи государства». Более того, появился концепт семьи как враждебной для ребенка среды, практикующей жестокое обращение и пренебрежение его нуждами. Среды, определяемые как «дружественные к ребенку», не всегда выступают таковыми по отношению к родителям, семье в целом. Так, например, понятие «дружественное правосудие» по существу заменило «ювенальную юстицию», вызвавшую бурный протест родительской общественности.

В-четвертых, начинается борьба с «новыми» рисками детства – социально обусловленными заболеваниями (туберкулез и ВИЧ/СПИД), насилием в отношении детей, эксплуатацией детей, небезопасным Интернет-контентом и др.

В-пятых, поскольку государство призвано защищать права и интересы детей, оно наделяется легитимной возможностью выравнивать статусы детей из разных семей, регионов, детей, обладающих разным личным ресурсом, а также выравнивать статус детства относительно мира взрослых. *Выравнивание, однако, не означает «уровнительный принцип распределения общественных благ», выравнивание – это создание ситуации равных возможностей для разных детей.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснова, В. Ю. Политика российского государства по защите детства: организационно-политические и институционально-правовые аспекты: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Краснова Валентина Юрьевна. – М., 2004. – 206 с.
2. Лайкам, К. Э. Основные этапы и направления реформирования социальной политики в Российской Федерации / К. Э. Лайкам // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 1999. – № 24(112). – С. 32.
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг.: указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.
4. Национальный план действий в интересах детей до 2010 г.: проект // juvenaljustice.ru: Ювенальная юстиция в России – Мы против. 2009. URL: <http://juvenaljustice.ru/index.php/documenty/41-proekty/81-proekt-ukaza-prezidenta-o-socialnoy-politike> (дата обращения: 22.11.2014).
5. Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в РФ до 2000 г. (Национальный план действий в интересах детей): указ Президента РФ от 14 сент. 1995 г. № 942 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 38. – Ст. 3669.

Чебанюк Т. А.
T. A. Chebanyuk

СПЕЦИФИКА ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ (ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИХ) ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ

POSTMODERN (POSTSTRUCTURALIST) INTERPRENATIONS OF CULTURAL TEXTS

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры «Культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – D.Sc. in Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; + 7 (4217) 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются постмодернистские практики интерпретации текстов культуры, выявляется их методологическая специфика.

Summary. The paper deals with postmodernist practices of interpreting culture texts, and examines their methodological nature.

Ключевые слова: методология, критика структуриности, отрицание традиционной структуры знака, децентрация, коммуникативность текста, отрицание целостности субъекта.

Key words: methodology, critique of structuredness, denial of traditional sign structure, decentration, communicativeness of text, denial of integrity of human subject.

УДК 007

Исследователи, как правило, определяют постмодернизм как особую эпоху, определенную новым типом мироощущения, стилем письма, основу которого составляет не рациональная определенность, оформленность текста, а специфика реакции человека на мир, представляющийся ему хаосом, лишенным причинно-следственных отношений, ориентаций; децентрализованным, раздробленным, иерархически не упорядоченным.

Представители постмодернизма, в отличие от исследователей предшествующей эпохи, которая определяется ими как рациональная, линейно организованная, «воспринимают культуру и социум как фрагментированные, пронизанные различиями, противящиеся универсальным дискурсам» [12, 201]. Основу постмодернистских интерпретаций текстов культуры определили преимущественно постструктуралистские практики.

Отличительной особенностью постмодернистских практик как практик интерпретации культуры как текста явилось соединение философско-эстетических рефлексий, литературной практики, художественной критики.

Постструктурализм, как тип методологической практики, исходил из отрицания позитивных знаний, «попыток рационального обоснования феноменов действительности и, в первую очередь, культуры», противопоставляя им принцип «эпистемологического сомнения» [4, 194], т.е. познавательного сомнения. Основной упор делался на безграничную «власть интерпретации». Так, М. Фуко утверждал, что интерпретация по своей сути бесконечна и не имеет завершения, т.к. интерпретируется не мир, а тот, кто уже осуществил интерпретацию, т.е. сам интерпретатор. В работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» он писал: «Не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как всё, в сущности, уже есть интерпретация» [11, 132].

Значимую роль в формировании новой практики интерпретации текста сыграло отрицание свойственного предшествующей постмодернизму эпохе логоцентризма, осуществляющего, по мнению Ж. Деррида, стратегию захвата, насильственного овладения текстом; его присвоения через подчинение смысловым стереотипам, идеологическим системам (по мнению М. Фуко). Основные концепты постструктуралистской практики анализа текста определили такие категории, как «текстуализированный мир» – мир децентрализованный, противоречивый, разорванный (фрагментарный) и «интерпретирующее текст я».

И. П. Ильин в своих работах указывает на то, что теория постструктурализма развивалась как критика структурализма, которая велась по четырем основным направлениям: проблемам структурности, знаковости, коммуникативности и целостности субъекта. Основными механизмами постмодернистского дискурса стали делогоцентризм, дефоноцентризм, децентрация и деконструкция.

Критику структурности («структурности структуры») активно осуществлял Ж. Деррида, не признающий «центра», ядра структуры в качестве ее организующего начала. По его мнению, центр – это фикция, постулируемая наблюдателем, результат его желаний, «нищестанской воли к власти», стремления управлять структурой, навязывать свой взгляд. На деле центр – не объективное свойство структуры, а следствие навязывания читателю собственной воли и собственного понимания. В критической по отношению к исследовательской методологии К. Леви-Стросса работе «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Ж. Деррида писал: «В центре наложен запрет на взаимозамещение или превращение элементов (которые, впрочем, сами могут быть структурами, включенными в другую структуру) ... такое превращение всегда оставалось под *запретом* (курс. авт. – Т. Ч.). ... Таким образом, всегда считалось, что центр единственный ... образует в структуре именно то, что, управляя структурой, ускользает от структурности» [2, 446]. По его мнению, как указывает исследователь, «любой из «центризмов» есть стремление к подчинению «иноного», ассимилирование «иноного» или просто его игнорирование...» [9, 12].

Центр – это субъект, испытывающий иллюзии своей непреложности, независимости, поэтому он присваивает себе право управлять текстом, структурировать его по собственной воле, навязывать ему смыслы. «Структуралистское нашествие» или «структуралистское наваждение» уничтожает «живую энергию смысла», который «является таковым только в некоторой целостности» [2, 42]. По его убеждению, именно внутренняя сила текста сама по себе является феноменом. В структуре же есть «связность и тотальность», «это формальное единство смысла и формы», она «подобна архитектуре мертвого или пораженного города, сведенной к своему остову какой-нибудь природной или искусственной катастрофой. ... Это город с привидениями смысла и культуры» [2, 12]. Исходя из позиции отрицания структуры (центра) и структурности, он определяет структуралистское сознание как «катастрофическое, деструктурирующее». По сути, здесь находятся истоки теории властного дискурса как принуждения над текстом (все культурные формы, явления, человек – есть, по мнению постструктуралистов, интерпретируемый текст).

В теории и практике «децентрация связывается с распадом одной из бинарных оппозиций – центр/периферия, обусловленной оппозицией власть/подчинение» [12], и имеет своей целью устранить насилие, которое исходит из центра (власти, подчинения). За этим стояло стремление развенчания «такой могущественной для всей культуры модернизма «структуры разумности», как мышление бинарными оппозициями» [7, 285], как отмечает Марк Липовецкий. Этим концептуальным положением объясняется критика «бинаризма» – бинарных оппозиций, которыми оперировали структуралисты и, в частности, К. Леви-Стросс, нарративов – властных повествовательных структур, ведущих к формализации знания, его омертвлению. Функцию центра должен выполнять «феноменологический голос», понимаемый постструктуралистами, в частности Ж. Деррида, как интерпретирующее «я», образованное из текстов (систем, норм, правил) своего времени, позволяющее уйти от воли к власти, диктата над текстом.

Отрицание знака (традиционной структуры знака) вылилось в постмодернистских практиках в «знакоборчество» (Р. Барт). Новую теорию знака предложил Ж. Лакан в работе «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда». Современные исследователи отмечают, что в традиции, идущей от де Ф. Соссюра, означаемое – элемент структуры знака, «смысловой, понятийный комплекс конкретного знака, совокупность смыслов и ассоциаций, которые за данным знаком закреплены. Совокупность внутренних образов или образа, которые возникают у приемника во время восприятия им знака. Как правило, идеальная сторона знака» [13]. Означающее – носитель смысла, материальная сторона знака.

По мнению Ж. Лакана, означающее и означаемое образуют разделенные ряды, между ними находится барьер, сопротивляющийся обозначению, нельзя «поддаваться иллюзии, что означающее отвечает функции репрезентации означаемого ... что означающее должно отвечать за его существование во имя какой-либо сигнификации» [6, 92]. Означаемое всегда ускользает от реципиента, и можно говорить только о «плавающем (или скользящем) означающем», «о непрекращающемся ускользании означающего под означающее» [6, 94].

И. П. Ильин так комментирует позицию Ж. Лакана: по мнению мыслителя, «фактически в любом тексте предполагается лишь взаимодействие, игра одних означающих в отрыве от означаемого» [4, 194]. Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ю. Кристева и другие исследователи полагали необходимым заменить традиционный термин «обозначение», который фиксирует отношения между означающим и означаемым, термином «означение», фиксирующим отношения только означающих.

М. Фуко в своей речи «Что такое автор?» на заседании Французского философского общества, обращаясь к рассмотрению природы письма, акцентировал и проблему знака: «... сегодняшнее письмо освободилось от темы выражения: оно отсылает лишь к себе самому, и, однако, оно берется не в форме «внутреннего», оно идентифицируется со своим собственным развернутым «внешним». ... Это означает, что письмо есть игра знаков, упорядоченная не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего» [11, 13].

Эта принципиальная для постмодернистских интерпретаций текстов позиция определяет и следующее положение: поскольку означаемое ускользает от воспринимающего, задача интерпретатора заключается в разоблачении прежнего заблуждения, ведущего к формированию симулякров. Теорию симулякров разрабатывали Ж. Лакан и Ж. Бодрийяр, и последний полагал, что в эпоху постмодернизма «действительность заменяется сетью симулякров, т.е. самодостаточных знаковых комплексов, уже не имеющих никаких соответствий в реальном мире. Симулякры управляют поведением людей, их восприятием, сознанием, что приводит к «гибели субъективности»: человеческое «я» также складывается из совокупности симулякров», как комментирует позицию исследователя Марк Липовецкий [7].

По мнению Ж. Бодрийяра, «симулякр» есть ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель, например симулякр природности, которой искусственно окружает себя отдыхающий «на лоне природы» отпускник, или же симулякр истории, ностальгически обустриваемый хозяином современного дома путем включения в его конструкцию остатков старинной фермы, разрушенной при его строительстве, и др. [3, 4]. В работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр выделяет три порядка симулякров, действующих в истории человеческой культуры:

- 1) на основе естественного закона ценностей;
- 2) на основе рыночного закона стоимости;
- 3) на основе структурного закона ценностей.

Он особое внимание уделяет именно третьему типу, формирующемуся в пространстве символических сущностей на основе определенного кода.

Если первый и второй типы симулякров формировались на основе отношений «оригинал и подделка», «оригинал и отражение», то современный симулякр отличается «эквивалентностью, неотличимостью» [1]. Сущность симулякров определяется тем, что, создаваемые человеком, они «переходят из мира природных законов в мир силовых напряжений» и, в

отличие от первых двух, входят «в мир структур и бинарных отношений» [1, 126]. С. Зенкин указывает на то, что исследователем симулякр рассматривался в качестве детерминанта современной культуры и существования человека: он «становится фактором тоталитарного господства» [3].

В интерпретации Ж. Бодрийера код «представляет собой просто элементарную генетическую матрицу, в которой мириадами пересечений производятся все мыслимые вопросы и решения – только выбирай ... У этих «вопросов» (информационно-сигнальных импульсов) нет никакой целевой установки ... Это пространство имеет даже скорее линейный, одномерный характер – пространство клетки, бесконечно порождающей одни и те же сигналы, словно заученные жесты...» [1, 127]. Код, прежде всего, как полагает исследователь, является механизмом нейтрализации означаемых. Вместе с тем, как замечает М. Липовецкий, осознание симулятивной, т.е. мнимой, фиктивной, иллюзорной природы вещей и отношений возможно только в ситуации неверия: «набор симулякров в постмодернизме противоположен не реальности, а ее отсутствию, т.е. пустоте. Парадоксальным (паралогическим) образом симулякры становятся источником порождения реальности только при условии исходного неверия в их реальность» [7, 289].

М. Эпштейн, опираясь на теорию симулякра Ж. Бодрийера, полагает, что «поддельное событие, которое якобы отражает некую реальность, а на самом деле подменяет эту отсутствующую реальность, называется симулякром» [14, 168], и отмечает, что симулякром, по сути дела, являлась вся советская действительность, которая «не отражала ни какую действительность» [14, 169], а была создана советскими идеологами. Симулякры в советской культуре создавали гипертекст под названием «социалистическая реальность».

В классической феноменологии, оказавшей значительное влияние на становление постструктуралистских практик интерпретации текста, всякий объект есть порождение субъекта, в нем познается реальность. Следовательно, субъект есть объективизирующая мир инстанция. В практике постструктуралистов объективация заменяется интерпретацией, которая по своей сущности является всегда незавершенной и бесконечной, ибо, как комментирует эту позицию И. Ильин, «интерпретируется не мир, а тот, кто осуществил интерпретацию – сам интерпретатор» [4, 51].

Интерпретации в практике постструктуралистов подвергаются и текст, и мир. Одной из аксиом в постмодернистской теории является понятие мира как текста, что приводит к невозможности разделения действительности и текста, произведения и описываемой реальности, объекта и субъекта. В. Курицын так комментирует это положение: ««Текст» описывает «мир» так же, как и «текст» описывается «миром»; «текст» и «мир» находятся внутри друг друга – этакая инвертированная матрешка, каждая из двух частей которой заключает в себе другую. ... Как нет в постмодернизме фиксирования объекта и субъекта, так нет в нем и «результата»: постмодернистский текст – не готовая вещь, а процесс взаимодействия художника с текстом, текста с пространством культуры, с материей духа, текста с художником и с самим собой» [5, 226]. Спецификой понимания постмодернистскими авторами мира как текста и текста как мира обусловлена одна из интерпретационных практик – деконструкция, которая, ориентируясь на цитатность, коллажность, иронию, обыгрывание известных сюжетов, создает «текст текстов».

Постулат отрицания целостности субъекта обусловил формирование одной из концептуальных для постструктуралистов идеи, наравне с идеей «смерти автора», – «смерти субъекта». Она инициировалась Луи Альтюссером, Ж. Лаканом, Ю. Кристевой и привела к формированию новой «модели представления о человеке не как об «индивиде», т.е. целостном, неразделенном субъекте, а как «дивиде» – фрагментированном, разорванном, смятенном, лишенном целостности человеке Новейшего времени». Новая концепция человека была обусловлена представлением о мире – фрагментарном, противоречивом и современной культуре, отличающейся отсутствием структуры, упорядоченности. Наиболее актуальной она была для Ж. Делёза и Ф. Гваттари: смерть субъекта обозначала результат «конца научно-

рационалистической картины мира» и возникновение множества образов людей «с саморазорванным поведением шизофренического или параноидального типа, разнообразные «желающие машины», ... новоявленные зомби с бесконечно слабеющей волей, перекрываемой обстоятельствами» [10, 68].

Отрицание субъекта в русском контексте постмодернистских исследовательских практик текстов культуры нашло своеобразную интерпретацию, во многом обращенную против таких авторитетов в области теории его развенчания, как Ж. Лакан и Славоя Жижек. Ироническое «разоблачение» концепции целостности субъекта дали в «Переписке из всех углов» Игорь Смирнов и Борис Гройс. И. Смирнов, развенчивая постулат книги «Гегель вместе с Лаканом» С. Жижека, настаивает на том, что он «плохой философ», в противном случае он, высказывая мысль о «смерти субъекта» и пытаясь это доказать, пришел бы к той простой мысли, которая укрепились в сознании пишущего письмо, а именно: за этим утверждением скрывается «действительная растерянность человека, который потерял основания для думания. Этим основанием всегда была вера в субъекта, сомневающегося в себе и за счет этого обретающего истину, подчиненного нравственному императиву, тождественного даже объекту, становящегося по ходу прогресса сверхчеловеком, способного завершить историю в сизигии, пребывающего уже в будущем и т.д.» [8, 318].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Зенкина. – 2-е изд. – М.: Университет; Добросвет, 2006. – 389 с.
2. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2000. – 495 с.
3. Зенкин, С. О первой книге Жана Бодрийяра // Бодрийяр Ж. Система вещей / С. Зенкин. – М.: Академический проект, 2001. – С. 3-8.
4. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 2001. – 384 с.
5. Курицын, В. Постмодернизм: новая первобытная культура / В. Курицын // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 213-226.
6. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан; пер. с фр. М. Титова – М.: Гнозис, 1995. – 304 с.
7. Липовецкий, М. Паралогия русского постмодернизма / М. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 30. – С. 285-304.
8. Смирнов Игорь – Борис Гройс. Переписка из всех углов / И. Смирнов, Б. Гройс // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 19. – С. 317-322.
9. Соколов, Б. Г. Маргинальный дискурс Деррида / Б. Г. Соколов. – СПб.: СПбГУ, 1996. – 119 с.
10. Терещенко, Н. А. Постмодерн как ситуация философствования / Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова. – СПб.: Алетейя, 2003. – 190 с.
11. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Магистериум, 1996. – 446 с.
12. Шапинская, Е. Н. Интерпретация культуры в контексте постмодернизма. Модернизм – постмодернизм – постструктурализм // Основы культурологии / Е. Н. Шапинская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 201-223.
13. Шунейко, А. А. Семиотика: Словарь и хрестоматия : учеб.-метод. пособие / А. А. Шунейко, Е. В. Савелова. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2005. – 260 с.
14. Эпштейн, М. Истоки и смысл русского постмодернизма / М. Эпштейн // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 167-176.

Говорухин Г. Э., Андросова И. С.
G. E. Govorukhin, I. S. Androsova

**СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ КнАГТУ)**

**FAMILY AS A VALUE AND FAMILY VALUES IN RUSSIAN SOCIETY
(A SOCIOLOGICAL SURVEY OF FAMILY VALUES AMONG THE STUDENTS
OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY)**

Говорухин Григорий Эдуардович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); пр. Октябрьский, 36/2, кв. 57. E-mail: govorukhin@mail.ru.

Mr. Grigory E. Govorukhin – D.Sc. in Sociology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Jurisprudence, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: govorukhin@mail.ru.

Андросова Ирина Сергеевна – студентка 1-го курса группы 4СОб-1 (социология) Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: andromeda200611@mail.ru.

Ms. Irina S. Androsova – 1st year undergraduate student, group 4 SO (“Sociology”), Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: andromeda200611@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу понятия ценности и ее трансформации в современном российском обществе. Авторы предпринимают попытку проследить трансформацию ценности семьи и семейных ценностей на примере студентов КнАГТУ. На основании проведенного авторами социологического исследования выявляются признаки проявления оторванности молодых людей от привычных моделей, их изоляции от семьи, общества и государства, а также культивирование индивидуальных ценностей человека.

Summary. The paper deals with the analysis of the concept “value” and its transformation in modern Russian society. The authors seek to trace the change of the value of family as well as family values using the example of students of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. According to the sociological survey carried out by the authors, young respondents show the signs of being torn from traditional models, isolated from their families, from society and the state; also the survey revealed a tendency toward placing more stress upon personal and individual values.

Ключевые слова: ценность, трансформация, семейные ценности, разрушение ценностей, подмена ценностей, реальность, медийность.

Key words: value, transformation, family values, collapse of values, substitution of values, reality, media.

УДК 316.42

Трансформация ценности и ценностных ориентиров становится сегодня предметом исследования не только отдельных ученых, но и целых научных направлений. Причем интерес к этой теме у каждого направления, безусловно, устойчив в рамках дисциплинарной дискурсивности. Социальная философия оценивает общую рефлексию общества на внешние вызовы и, как следствие, трансформацию аксиологической шкалы. Ценность в гносеологическом аспекте также становится предметом интереса философии, в том числе и социальной. Социология фиксирует изменения общественного мнения о ценностях, констатируя наиболее прозрачные проявления ценностей в сознании социальных групп и индивидов. Психология рас-

сматривает устойчивость социальных фреймов в сознании и поступках отдельного человека или ментальные проявления этих фреймов в больших группах людей. Педагогика предполагает включение базовых ценностей в опривыченное действие человека, несмотря на разрушительное действие различных факторов.

Как мы говорили выше, в целом общегуманитарный дискурс в отношении ценностей достаточно устойчив и, что немаловажно, стандартизирован. Сегодня любая постановка вопроса о ценностях приобретает оттенок борьбы с наступающим на нас миром бездуховности. Важно подчеркнуть, что бездуховность наступает не вообще, не в абстрактном пространстве на абстрактные предметы, а именно на нас. Абстрактное «нас» включают в себя по определению всех тех, кто интересуется темой ценностей: читает, смотрит передачи об этом, а это вы и я. Недавнее обсуждение оперы «Тангейзер», поставленной в Новосибирском театре оперы и балета, может стать примером того, о чем мы ведем речь. Проблема даже не в том, что от режиссёра спектакля исходит желание оскорбить чувства верующих, что само по себе, конечно, выглядит вызывающе, а в том, что он посягнул на наши ценности. Что есть эти ценности и какие они – это, конечно, вопрос, и, в духе обобщенной логики, вопрос, касающийся всех нас.

А между тем понятность «ценности» многогранна и требует включенности исследователя в тот или иной дисциплинарный контекст. Смешение этих контекстов будет граничить с эклектикой, с одной стороны, а с другой – попытка локального, узкого рассмотрения этого понятия ограничивает оценку ценности. Вообще редко какое-либо явление, наряду с ценностью, будет вызывать взаимоисключающие друг друга суждения и оценки. Почему? Прежде всего, потому, что ценность есть результат понимания, выводимого из умозаключений о должном [4, 32]. Ценность становится базовым условием приобщения человека к реальности. Не реальности абстрактной, принадлежащей и понимаемой всеми нами, не реальности отвлечённой и умозрительной, выводимой из глобальных слоев бытия мира, а реальности лично моей, отраженной в тезаурусе, который является вербализацией моего собственного знания о мире [5, 167]. Без такого знания разрушается связь с реальными процессами социальной организации, исчезает сама идентичность человека.

В этой связи вопрос о ценности и трансформации ценностных характеристик – это вопрос о личностной идентичности человека и социальной сплоченности людей вокруг значимых ориентиров. Совершенно очевидно, что ценности выступают маркерами, позволяющими очертить границы моей и чужой реальности [3, 237]. Более того, ценность оказывается индикатором, отделяющим мои предпочтения от предпочтений, навязанных мне.

Вопрос о ценностях совершенно четко переходит в вопрос об отказе от ценностей чужого, чаще всего большого социального пространства, тем более что в условиях современного сдвига социальных предпочтений это становится сделать легко. Идеологические штампы перестают маскироваться за личностными предпочтениями субъекта. Человеку становится отчетливо понятен собственный интерес и собственное понимание (в вышеупомянутом значении) социальной реальности. В фильтрации идеологии приобретает значимость собственная ценность, а не ценность социальная.

Трансформация ценностей, безусловно, может стать частью производимых в обществе изменений, которые очаровывают, «а затем приводят к тому, что с ними ассоциируются ценности» [6, 173]. Собственно, именно это сейчас происходит во многих странах бывшего социалистического лагеря, где все еще новые идеи западной идеологии оказываются и интересными, и остроумными настолько, что начинают разрушать не только сами национальные ценности, но и знание фактов истории. Формально в таком случае государство перестает поддерживать не включенные в сферу его идеологических интересов ценности, и они трансформируются... А вот тут возникает главный вопрос: во что же они трансформируются? Нам представляется три возможных алгоритма трансформации ценностей, которые проходят под воздействием государственно-социальных факторов.

Первый алгоритм трансформации ценностей

В том случае, если общество или доминантные общественные институты и государство смотрят, образно говоря, в одну сторону, ценности индивидуальные, т.е. ценности конкретного человека, подвергаются трансформации и могут быть вытеснены. Сразу оговоримся, что речь идет о нематериальных ценностях, поскольку материальные ценности, как порождение витальных потребностей человека, на практике не устаревают никогда и, как следствие, никогда не трансформируются. Возникает процесс подмены того, что в подлинном смысле интересно самому человеку, ценно для него, и тем, что ценно для государства и общества. При таком развитии событий человек остается наедине с государственной машиной или властными конструкциями во всех их проявлениях. Устоять и сохранить в такой ситуации собственные ценности и понимание через них собственной реальности очень сложно. Оказавшись в такой ситуации надолго, человек начинает принимать идеологические ценности государства за свои. При этом, и это самое главное, он активно встает на защиту этих ценностей [1, 114].

Второй алгоритм трансформации ценностей

Этот алгоритм связан с деидеологизацией и отделением общества от государства. Общество и государство смотрят на одни и те же вопросы по-разному. Это приводит к тому, что мы выше называли фильтрацией идеологии. Общество подталкивает человека к негативной реакции на все, что имеет отношение к государству. Человек находит поддержку либо у общества и неких общественных образований, либо у государства. В том случае, если поддержка идет от государства, мы смело обращаемся к первому алгоритму. А вот если поддержка идет от общества, то человек под его влиянием укрепляется в своих фобиях к «большому брату». Он начинает во всем, что его окружает, видеть щупальца государства и подмену его интересов государственными. И чем выше степень давления общегосударственных, если угодно, и общекорпоративных ценностей на общество, тем выше активное желание человека найти, удержать и продемонстрировать личные ценности. Это происходит сегодня в современной России. То, что в отдельных социальных группах называется бездуховностью, кичем и эпатажем, в реальности оказывается реакцией на усиление идеологии государства с одной стороны и сопротивлением самого общества или общественных институтов государству – с другой. В этом ключе предлагаем понимать и злополучную постановку оперы «Тангейзер», и нападки на религиозные святыни, кстати, не только в России, но и по всему миру. Общество, за которым скрывается отдельно взятый человек, предпринимает попытку, разрушая, находить и отфильтровывать свои ценности от ценностей государственных. Правда, зачастую удается только разрушать, а вот отфильтровать удастся едва ли. Нам интересно, принадлежат ли отнятые у государства ценности самому человеку. Однозначный ответ – нет. Это ценности общественные, и они также оказываются навязанными человеку.

Долгое время мы с охотой принимали в контексте ницшианской формулы, даже если это шло в разрез с идеями самого Ницше, аполлонийский вариант познания человеком мира: именно как познание, т.е. рациональное осмысление реальности, которая принимается благодаря участию человека в социальных процессах. Именно рациональность и порождает *правильный* подлинно человеческий формат ценностного отношения к жизни. Правда, оказывается непонятным, правильным для кого: для общества, коллектива людей, народа или самого человека?

Третий алгоритм трансформации ценностей

Этот алгоритм представляет собой изоляцию человека от общества и государства. Общество и государство также думают не в унисон. При этом обществу не удастся сформировать у человека никаких фобий по отношению к государству, и тем самым не удастся втянуть его в орбиту общественных интересов, т.е. интересов социальных. На практике это выглядит следующим образом. Человек не стал участником общественных движений, он не представитель власти, корпорации и системы государственной или общественной. Он ест, пьет,

ходит на работу, выращивает цветы или разводит кошек, строго говоря, является обычным обывателем. Иногда, оказываясь в информационном потоке, он обсуждает какую-то тему, выражая кратковременный интерес к теме ценностей. Пытаясь проанализировать реальность и принять участие в познании / рефлексии этой реальности, он присоединяется то к ценностям государства, то общества, по существу, не питая симпатии ни к тем, ни к другим. Именно такой человек является выразителем ценностей сугубо личных. При этом он есть представитель возрастной когорты. Он воспитан на определенных смысловых образах, а потому оказывается представителем определенной социальной группы. Чем это отличается от ценностей общественных? Тем, что социальные институты, идеология государства, а вместе с ними и система образования, оказавшие влияние на формирование ценностей человека, уже перестали быть значимыми и для общества, и для государства. И общество, и государство в своем отношении к ценностям уже трансформировались, а человек с заложенными в него образовательными и воспитательными фреймами – нет. В этом смысле рудиментарные ценности для государства и общества для человека могут остаться базовыми и неизменными. В результате личные ценности человека не согласуются с ценностями, транслируемыми в информационном потоке. Интересуют ли такого человека вопросы духовности / бездуховности, остается ли у него интерес к религии, демократии, государству и, собственно, к самому обществу, если это не было заложено в базовые образовательные фреймы? Да, но только в той степени, в какой они оказываются в поле медийной сериальности. Как только медийный интерес к заявленной выше теме спадает, она больше не вызывает никаких рефлексий у человека.

Таким образом, мы полагаем, что в основе трансформаций ценностей лежит не столько изменение отношения к самому познанию реальности, как можно было предположить из предложенного выше понимания ценностей, а противоречие между обществом, государством и человеком. И сегодня, говоря об изменяющихся ценностях отдельных социальных групп, мы должны видеть в этом следствие борьбы и кратковременных побед общественно-государственных систем. В очередной раз мы переживаем период этих баталий, мы можем наблюдать, какие ценности все-таки оказываются сугубо человеческими и формирующими реальность отдельно взятого человека.

Отношение студентов КнАГТУ к семейным ценностям

В декабре 2014 г. силами группы 4СОБ КнАГТУ был проведен пилотный опрос студентов на тему «Отношение студентов КнАГТУ к семейным ценностям». Этот опрос стал эмпирической базой настоящей работы.

Гипотезой опроса, как и последующего исследования студентов, явилось понимание того, что под воздействием изменения контуров социального пространства и смысловой, символической реальности меняется и общее отношение к ценностям [2, 116-151].

Объектом эмпирического исследования стала семья и семейные ценности как институализация межличностных отношений. Очевидно, что семья и семейные отношения являются базовыми нематериальными ценностями человека, поэтому трансформация этих ценностей не может быть абсолютной, по крайней мере, при тех обстоятельствах, которые сформировались сегодня в современной России. Однако возможные изменения в рамках предложенной гипотезы мы попытались обнаружить в ходе опроса.

В проведении опроса были задействованы семь студентов группы 4СОБ КнАГТУ, опрос проводился на базе Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета среди студентов очной формы обучения. Исследование проводилось по случайной квотной выборке. Контролируемый признак – возраст. Общий объем выборки составил 350 чел. в возрасте от 17 лет и старше. Качество данных обеспечивается уровнем погрешности 5 %. Опрос проводился в местах максимального скопления студентов вуза. Достоверность выборочной совокупности и погрешности подтверждается применяемой формулой

$$SS = \frac{z^2 \cdot (p) \cdot (1-p)}{c^2}, \quad (1)$$

где SS – размер выборки; z – z -фактор (равен 1,96 для 95 % доверительного интервала); p – процент интересующихся респондентов (значение постоянно равно 0,5); c – доверительный интервал в десятичной форме ($\pm 0,05$ ($\pm 5\%$)) для доверительного интервала 95 %).

Подставляя числовые значения в формулу (1), получим:

$$SS = \frac{1,96^2 \cdot 0,5 \cdot (1-0,5)}{0,05^2} \approx 384,16.$$

Скорректированная выборка CSS равна:

$$CSS = \frac{SS}{1 + \frac{SS-1}{pop}} \quad (1)$$

где pop – генеральная совокупность (общее количество людей рассматриваемого объекта (города, университета и т.д.), в нашем случае приближенное значение $pop = 4000$ чел.

Подставляя числовые значения в формулу (2), получим:

$$CSS = \frac{384,16}{1 + \frac{384,16-1}{4000}} \approx 350 \text{ чел.}$$

В итоге были опрошены 42,9 % юношей и 57,1 % девушек. Из них в возрасте 17 – 18 лет (1-й курс) – 24,9 %, 19 – 20 лет (2 – 3-е курсы) – 46,6 %, 21 – 22 года (3 – 4-е курсы) – 22,2 %, более 22 лет (4 – 5-е курсы) – 6,3 %.

Семья – это сложный социальный институт, включающий в себя социетальный, юридический, педагогический и экономический аспекты жизнедеятельности человека. В силу многогранности понятия, участвовавшая в опросе группа предпринимает попытку очертить границы понятийности семьи в понимании студентов. С этой целью респондентам был предложен закрытый вопрос «Что для Вас семья?». В ходе ответа студентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа (см. рис. 1).

Рис. 1

Как мы видим, большое количество студентов выбрали варианты «дети» (54,3 %), «муж / жена» (48,6 %), «родители» (44,3 %). Во многом это соответствует привычным, традиционным представлениям о семье [7, 85]. Вместе с тем в пределах погрешности оказываются и другие варианты ответов, которые были предложены респондентам, они получают достаточно большое количество откликов.

Вариант ответа «спокойная гавань» (31,7 %) представляется нам как отклик на предыдущие три варианта, а вот ответ «способ экономического сосуществования» (29,4 %), очевидно, оказывается рефлексией на изменяющиеся реалии современной социальной системы государства, общества. Достаточно внушительное количество откликов дали «легализованный способ сексуальных отношений» (19,1 %) и «способ получить социальный статус» (18 %).

На основании полученных результатов еще рано говорить о заявленной в гипотезе трансформации отношения к семье, но их вполне достаточно для того, чтобы фиксировать наличие материального интереса к этому институту и проявление выпадения человека из общества, которое может быть более четко обнаружено в следующем вопросе.

На вопрос «Что для Вас значат семейные ценности?» (см. рис. 2) респондентам также предлагалось выбрать не более трех вариантов ответов.

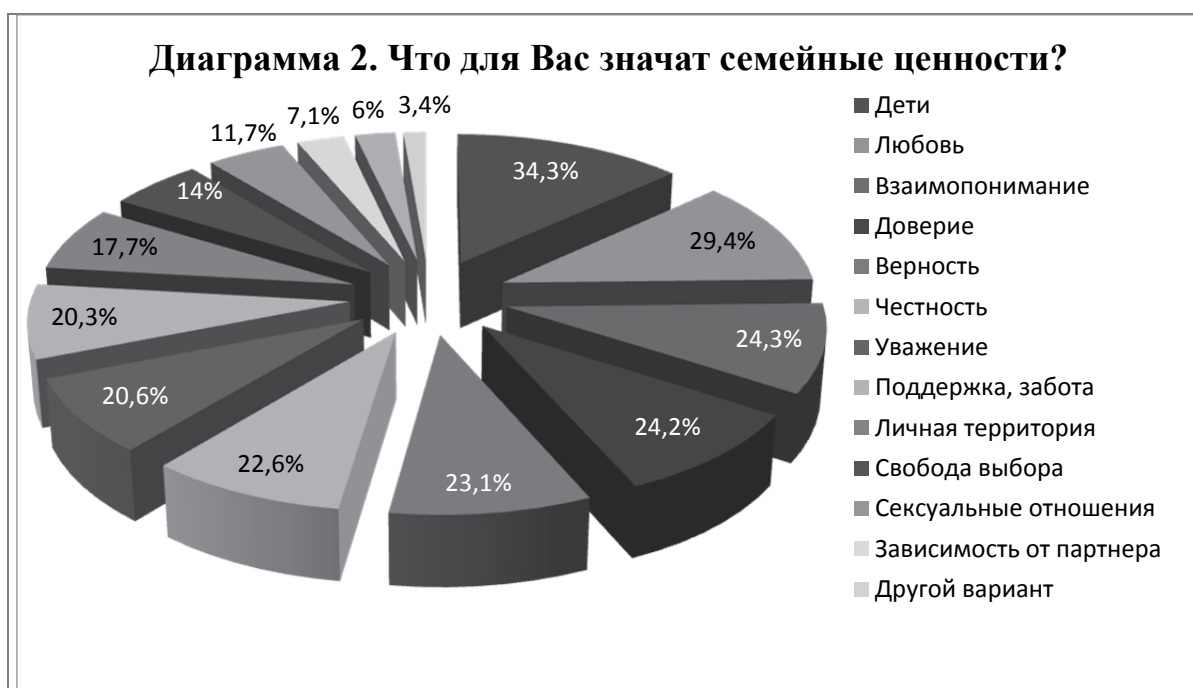

Рис. 2

Самыми распространенным ответом на этот вопрос стал по-прежнему вариант «дети» (34,3 %), далее следуют «любовь» (29,4 %) и «взаимопонимание» (24,3 %), «доверие» (24,2 %), «верность» (23,1 %), «честность» (22,6 %), «уважение» (20,6 %) и «поддержка, забота» (20,3 %). Это вариант традиционных семейных ценностей, коррелируемых отчасти с такими же традиционными ценностями семьи предыдущего вопроса. Показательно, что из более чем 54 % респондентов, указавших, что семья для них – это дети, только 18,3 % посчитали, что дети являются частью семейных ценностей. Такое разночтение в вопросах демонстрирует, что для наших респондентов семья и семейные ценности различаются по смыслу, и для многих участников опроса «дети» становятся неотъемлемой частью института семьи, но ценностью самой по себе не являются. Причиной различия в ответах на наши вопросы является, конечно, возраст, но вот насколько эта причина только возрастная, а не когортная, и произойдут ли в будущем изменения в сознании именно этой когорты, сказать пока сложно.

В ответах на вопрос о семейных ценностях также, как и в ответах на предыдущий вопрос, прослеживается различие между, назовем их, социально значимыми и лично значимыми ценностями, т.е. ценностями, которые могут культивироваться в человеке обществом и государством (с одной стороны), и ценностями, которые являются частью личных предпочтений респондента (с другой стороны). В связи с этим ответ «личная территория» (17,7 %) и «свобода выбора» (14 %) занимают в этом варианте первую и вторую строчки. Обращаем внимание на

то, что ответ «сексуальные отношения» (11,7 %) не в полной мере коррелирует с ответом на предыдущий вопрос о «легализованном способе сексуальных отношений». Видимо, он теряет свои проценты при выборе позиции «зависимость от партнера» (7,1 %). Показательно, что 6 % респондентов заявили, что не имеют семейных ценностей.

Ценности имеют смысл, если им следовать. Исходя из этой аксиомы, мы предложили респондентам вопрос «Собираетесь ли Вы в будущем создать семью?». Временные рамки «будущего» сознательно не были заданы жестко, чтобы определить и потенциальные намерения опрашиваемых.

Ответ на поставленный вопрос показал, что 86,6 % участников опроса планируют создать семью, а 13,4 % на этот вопрос ответили отрицательно (см. рис. 3).

Рис. 3

Вопрос о том, собирается человек создать семью, очень условный. Как мы уже сказали выше, он позволяет фиксировать только намерения, но не действия человека. Однако в корреляции с другими вопросами этот вопрос позволяет более четко определить, насколько намерения респондента реальны с его же точки зрения. В связи с этим следующий вопрос «Есть ли у Вас пара?» показателен, поскольку дает возможность определить собственное намерение о создании семьи через личный опыт общения респондента со своим избранником.

Корреляция вопросов дает следующий результат. Доля респондентов, которые имеют пару и в будущем собираются создать семью, равна 51,7 %, доля тех, кто имеет пару и в будущем не собирается создать семью – 48,3 %. Ответивших положительно на вопрос «Собираетесь ли Вы в будущем создать семью» и не имеющих пару – 32,9 %, а тех, кто не имеет пару и не планирует создавать семью – 67,1 % (см. рис. 4).

В общей оценке вопросов понятно, что студентов, которые собираются создать семью, существенно больше, чем тех, кто семью создавать не планирует. Интересно то, что среди тех, кто не планирует создать семью, в общей выборке ответов больше именно тех, кто не имеет пару (67,1 %), но практически половина и тех, у кого пара есть (48,3 %). В данном случае совершенно очевидно, что совместное проживание респондентов со своими партнерами не влияет на положительное решение о создании семьи, и мы можем прогнозировать, что велика вероятность того, что в случае заключения брака союз у таких респондентов не будет долговечным. В этом случае ценность собственной семьи, несмотря на наличие пары, отсутствует.

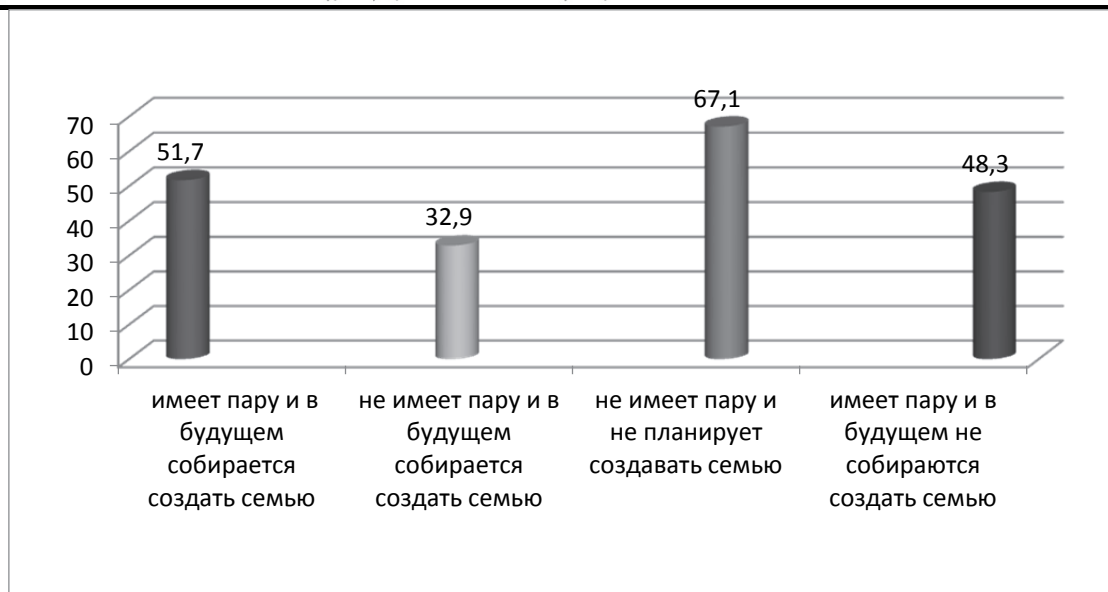

Рис. 4

При этом показательно, что на следующий вопрос «Допускаете ли Вы отношения с другими партнерами, если у Вас есть пара?» большая часть респондентов (83,9 %) отвечает отрицательно, остальные респонденты (16,1 %) полагают, что такие отношения возможны (см. рис. 5).

Рис. 5

Респонденты, ответившие «да» на этот вопрос, в большей своей массе не собираются создавать семью и желают сохранить личную территорию.

Подведем предварительный итог. Семья и все, что с ней связано, является общественной ценностью. Подтверждением этому становится вопрос-фильтр «Кто привил Вам семейные ценности?» (см. рис. 6). Несмотря на то, что формулировка вопроса ограничивает фантазию респондентов, повторимся: вопрос носит служебную функцию фильтра, он позволяет в той или иной степени узнать, как сам респондент оценивает влияние на него внешних факторов. На этот вопрос респондентам также предлагалось дать не более трех вариантов ответа.

Диаграмма 6. Кто привил Вам семейные ценности?

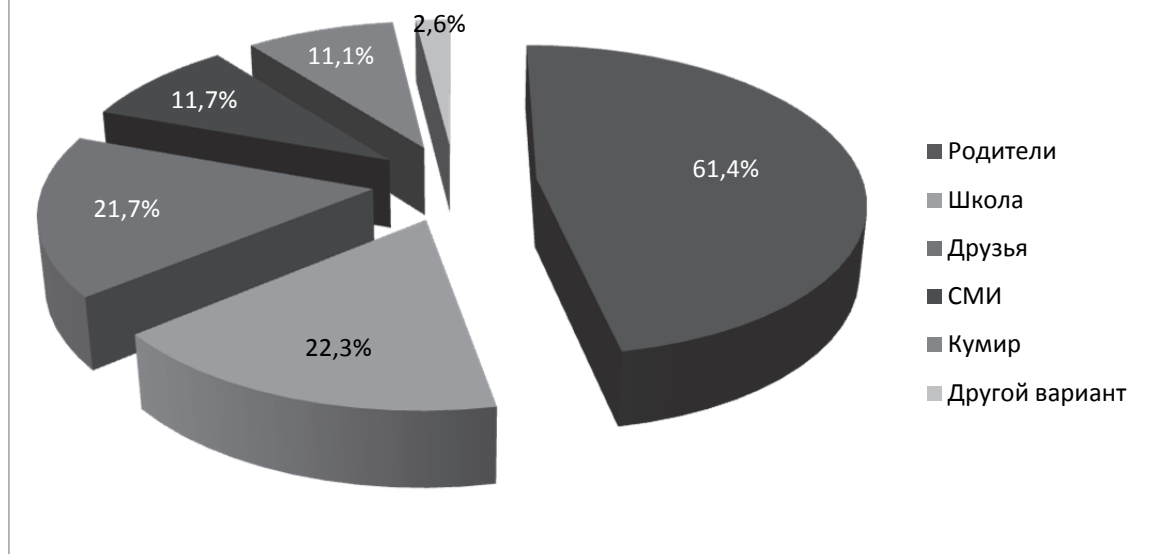

Рис. 6

Позиция «родители» занимает лидирующее место (61,4 %), что, с нашей точки зрения, совершенно определенно является фактором социального влияния на человека. С большим отставанием от первой позиции идет ответ «школа» (22,3 %) (скорее, государственный аспект формирования ценностей) и ответ «друзья» (21,7 %). Мы, конечно, понимаем бесперспективность разведения общественных и государственных факторов влияния на формирование ценностей и не предлагаем углубляться в эту тему. Главное, что респонденты в основной своей массе (за исключением 2,6 %, выбравших «другой вариант»), полагают, что это так называемое влияние «извне».

В рамках привычных привитых обществом и государством ценностей семьи происходит трансформация, выразившаяся в нежелании создавать семью, т.е. прямой отказ либо прямое неприятие ценности. Понимание семьи как легального способа сексуальных отношений и получения статуса – это, по сути, подмена социального локуса личным. Трансформация не означает разрушение, однако вопрос сомнения в ценностях уже заложен, и идеологическая, коллективистская подоплека семьи начинает разрушаться, при этом институт семьи, безусловно, сохраняется. Но, и это главное, в своем содержании институт семьи уже меняется.

Идет формирование новых смыслов семьи и ее ценностей, что обнаруживается в следующем вопросе «При каких обстоятельствах Вы можете создать семью?». В этом вопросе респондентам также предлагается дать не более трех вариантов ответа (см. рис. 7).

Наиболее привлекательным вариантом ответа оказывается «по любви» (59,4 %). Нет необходимости подробно останавливаться на том, что романтизация семьи, которая, безусловно, выражена в настоящем ответе, становится результатом проявления общественных ценностей. Такие ценности формируются в семейных историях, фильмах и книгах и создают эмоциональный фон для определенной целевой группы. Конечно же, в эту целевую группу попадают и наши респонденты. Следующий по количеству вариантов – это ответ «новый уровень отношений» (32,9 %). Ответ показывает, что респонденты живут вместе со своими партнерами достаточно долго, и в их отношениях возникает необходимость социальных, юридических, поведенческих изменений. Такие изменения выражаются в потребности создания семьи. Безусловно, такой вариант ответа показывает влияние на респондентов социальных и государственных штампов. Далее следует вариант «из-за привязанности к человеку» (30 %). Однозначно определить природу этого ответа в количественных исследованиях сложно, но вероятность социальных причин в нем также прослеживается. Далее предлагаются

ответы «по залету» (26,9 %), «изменение социального статуса» (23,4 %), «не упустить шанс» (14,9 %), «по принуждению родителей» (14,3 %) и «нужны деньги» (12,3 %). Эти ответы, как мы предполагаем, указывают на изменение коннотаций семьи.

Рис. 7

Особое место в предложенных вариантах ответов имеет позиция «по традиции / религиозным убеждениям» (9,1 %). Этот вариант получил менее всего откликов респондентов, но вышел за пределы статистической погрешности.

Показателен следующий вопрос «Если бы перед Вами стоял выбор из нижеперечисленных вариантов, что бы Вы выбрали?» (см. рис. 8).

Семью выбирают 50,6 % респондентов, все остальные варианты набирают существенно меньше голосов, но в общей совокупности получают столько же откликов, что и «семья». Эти варианты представляют собой альтернативу семье и в случае необходимости выбора отодвинут её на второй план.

Рис. 8

Наконец, последний вопрос-фильтр: «Всегда ли деньги играют важную роль в создании семьи?» (см. рис. 9). Показывается значимость материального фактора в принятии решения относительно создания семьи. Романтизированный флер семьи в ответах респондентов уходит на второй план. Корреляция этого вопроса с вопросом о выборе вариантов (предыдущий вопрос) показывает, что к тем респондентам, которые в вопросе о выборе отдали голос за вариант ответа «деньги», добавляются респонденты всех групп, в том числе и те, кто откликнулся на вариант «семья».

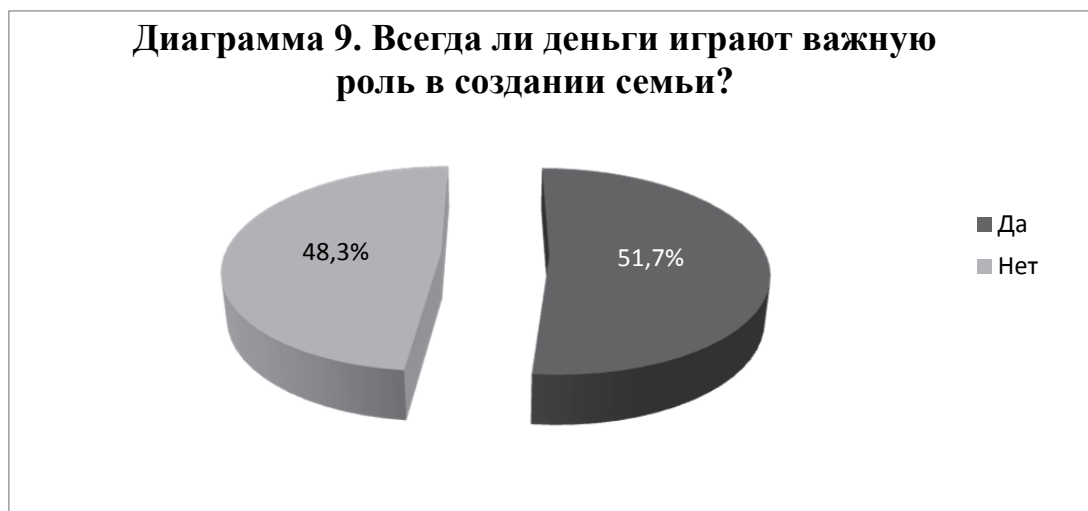

Рис. 9

Проблема трансформации семейных ценностей, с точки зрения человеческой истории, является лишь результатом переформатирования сознания, характерного для отдельно взятого общества, государства, поколения людей. Резкое изменение сознания, конечно, может быть трагично для одного человека, но не для человечества в целом, которое неоднократно переживало подобные изменения. Правда, резкое изменение возможно только в условиях активного вмешательства внешних факторов. Наиболее реально все же постепенное изменение, которое мы и попытались рассмотреть на примере одной из социальных групп одного из вузов нашей страны. Сегодня мы переживаем один из этапов изменения ценностей. Хотя вполне возможно, следует говорить не столько об изменении ценностей, сколько об их подмене или замене другими. Чтобы в этом разобраться, требуется исследование иного порядка. Совершенно очевидно только то, что мы стоим сегодня на пороге очередного слома ценностных ориентиров человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. И. Тюрина. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
2. Говорухин, Г. Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона : моногр. / Г. Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2007. – С. 116-151.
3. Дудченко, О. В. Красота в древнем сознании (на мат. «Эпоса о Гильгамеше») / О. В. Дудченко // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сборник науч. трудов. Вып. 23. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 233-239.
4. Ивин, А. А. Ценности и понимание / А. А. Ивин // Вопросы философии. – 1987. – № 8.
5. Луков, В. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания : науч. моногр. / Вал. Луков, Вл. Луков. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.
6. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
7. Филипова, А. Г. Социальная защита детства в современной России: моногр. / А. Г. Филипова. – СПб.: Астерион, 2012. – 247 с.

Брейтман А. С.
A. S. Breitman

ПРОТИВОСТОЯНИЕ Н. МИХАЛКОВА

(«непатриотические» заметки по поводу киноэпопеи Н. Михалкова «Предстояние»)

NIKITA MIKHALKOV'S "EXODUS"

(unpatriotic notes on Nikita Mikhalkov's movie epic "Exodus")

Александр Семенович Брейтман – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и права Социально-гуманитарного института Дальневосточного государственного университета путей сообщения; член НОКО, член СК РФ (Россия, Хабаровск); 89241092423. E-mail: breitman54@mail.ru.

Mr. Alexander S. Breitman – D.Sc. of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Law, Institute of Social Science and Humanities, The Far East State Transport University, Fellow of The Academic Cultural Studies Society of Russia, Member of the Investigation Committee of the Russian Federation; Khabarovsk, Russia; telephone: + 7 (924) 1092423. E-mail: breitman54@mail.ru.

Аннотация. В статье излагается позиция автора по одной из самых острых культурологических проблем современного российского социума: о истинном и ложном патриотизме. Поводом для анализа явился фильм известного (и в России и за рубежом) кинорежиссёра Н. Михалкова «Противостояние». Предпринятый анализ позволяет предположить, что осмысление михалковской киноэпопеи заслуживает куда более серьёзного обсуждения, чем то, что было в дни её всероссийской премьеры.

Summary. The paper covers the author's standpoint on one of the most pressing problem in cultural studies of the modern Russian society - that of 'true' and 'false' patriotism. The subject of the analysis is the movie "Exodus" by the famous (in Russia and abroad) film director Nikita Mikhalkov. The analysis assumes that the proper understanding of Mikhalkov's cinematographic epic requires a far deeper discussion than it was the case at the time of the movie's first national run.

Ключевые слова: киноэпопея, гражданское противостояние, патриотизм, российский социум.

Key words: movie epic, civil standoff, patriotism, Russian society.

УДК 791.43:94(571.62)

Каждый, кто пытался когда-либо (с любовью и, по возможности, объективно) разобраться в особенностях исторического пути России, не мог не задать самому себе вопрос: в чём причины русского патриотизма?

Отчего народ (до 30-х гг. прошлого века состоящий, по преимуществу, из крестьянства) на протяжении уже более чем 1000-летней истории России не щадил «живота своего» за страну, где они – и не верноподданные под тёплым боком и зорким оком государства, да и не «подросшие» на холодных ветрах свободы граждане, но царские холопы¹, барские крепостные, беспаспортные колхозники-совхозники, более того, «враги народа», зеки, «лагерная пыль»?...

Отчего в начале XVII века в Нижнем Новгороде собирается народное ополчение, готовое «заложить жён-дочерей – спасти Россию», а XIX – против «прогрессивного» войска Наполеона поднимается «дубина народной войны»?

¹ Известный исторический факт, когда на вопрос европейского путешественника Ивану IV о статусе столичных жителей был получен ответ: «Все они холопы»

В чём, наконец, истоки всенародного (спасшего не только Россию, но весь мир) противостояния не знающей поражений машине германского фашизма?

В каких иррациональных глубинах основа этой далеко не всегда взаимной любви?

Конечно, не в опричнине, превращающей подданных в бессловесное стадо, и не в рабском состоянии крепостных, и уж точно, не в беспрецедентном геноциде большевиков против собственного народа. Ближе, чем любые идеологические конструкции и политические декларации, к разгадке этой непостижимой тайны гениальные интуиции² Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Характерной особенностью российской истории, без сомнения, является то, что именно освободительная война против иноземных завоевателей пробуждала в русском человеке, по выражению Л. Толстого, «тёплую волну патриотизма» и становилась Общим Делом.

О гибели сотен и тысяч (и среди них – об отчаянном мужестве зеков из штрафбатов, ставших подлинными защитниками своего Отечества, а вместе с ним и того самого государства, что предало и превратило их в «лагерную пыль»), о противостоянии всего народа новому варварству – киноэпопея Н. Михалкова «Утомленные солнцем 2»: «Предстояние» и «Цитадель».

*Но землю,
которую завоевал
и полуживую вынянчил...
С такою землёю пойдёшь
на жизнь, на праздник,
на подвиг и на смерть!
(В. Маяковский)*

Во второй части своей киноэпопеи известному режиссёру удалось, как представляется, избежать известной бенефисности первой («Утомлённые солнцем», 1994), некой демонстрационности себя самого: в своём режиссёрском доминировании, в блеске своего актёрского мастерства и обаяния³. Вторая часть, при всём видимом желании Мастера добавить «зрелищности» привлечением новомодных спецэффектов, оказалась интересней и глубже первой, и заключает в себе, как представляется, подлинные черты «большого стиля». Конечно, не случайно, что фильм, снятый как продолжение «Утомленных солнцем» (в контексте всего кинотриптиха в названии первой части, кажется, больше игры слов, даже манерности, чем глубины), был назван «Противостояние» («Предстояние»)⁴. И здесь смысл не только в противостоянии внешнему врагу, пришедшему завоевать твою землю, твой дом (здесь всё более чем прозрачно), но в глубокой внутренней, гражданской, противопоставленности, не изжитой ещё (несмотря на грандиозные «успехи» в борьбе с многочисленными «врагами народа») со времён гражданской войны. Не случайно и то, что вторая часть открывается сном героя – неким прологом ко всему, что произойдёт дальше. Идиллический приём самого

² См. К. Юнг «Психология и поэтическое творчество»

³ Справедливость требует признать, что в первой части есть поразительно талантливые и поразительно трогательные «куски»: сцена-диалог «...мне с тобой спокойно-преспокойно (Котов) – ...я тебя обожаю-преобожаю (Надя)» – безусловный шедевр, сыгранный Никитой и Надей Михалковыми, безусловно, войдёт в золотой кинофонд мировых образцов «несыгранного» чувства любви отца и дочери.

⁴ Признав ошибку (полагая название фильма «Противостояние», а не «Предстояние»), на которую мне любезно указал выпускающий редактор, я, тем не менее, счел возможным сохранить само понятие «противостояние» не только в названии статьи, но и в тексте данной страницы. И в контексте фильма, и гражданской позиции самого режиссёра тема противостояния, как представляется, становится одним из ведущих лейтмотивов киноповествования.

Хозяина – живого бога в окружении «божественной» свиты наркомов – в просторном доме командарма Котова завершается комическим и ужасным низвержением усатого идола лицом в сокровенную толщу гигантского кремового торта: [крупные планы рук, лица, нового богоборца и застывших в ужасном оцепенении присутствующих]. В символике сна легко прочитывается ненависть зека к главному «пахану», по вине которого налаженный быт в бывшем господском доме с уцелевшими, по случаю, бывшими же хозяевами, женой, из тех же «бывших» (главный трофей победителя – красного командарма), и горячо любимой дочерью обернулся порядковым номером и лагерными нарами, а китель командарма – стёганым ватником зека.

Здесь противостояние – художественный принцип постановки: не только мировоззренческое, политическое, классовое, нравственное, но пронизывающее саму художественную структуру и драматургию фильма. По меньшей мере, в зрительском восприятии присутствуют два уровня: сюжетно-зрелищный и рефлексивно-философский. На первом уровне – «хорошо рассказанная история» двух зеков, совершивших головокружительный побег из зоны; история воскрешения и преображения бывшего красного командарма из «лагерной пыли» в подлинного защитника сначала своей семьи (что не отменяет внутреннего драматизма во взаимоотношениях), а затем своей Родины. Хорошо (профессионально) рассказанная история частной судьбы позволяет режиссёру ещё раз сформулировать извечные (проклятые) вопросы всей русской истории: кто виноват? и что делать?

Кто виноват в том, что произошло с Россией в XX веке? И есть ли из всего этого выход?

Исподволь формулируя сверхзадачу, что прорастает сквозь событийно-сюжетную канву фильма, режиссёр ставит зрителя перед необходимостью трудного превращения из простого потребителя кинозрелища в со-автора. Михалков, автор «Неоконченной пьесы для механического пианино», сам «заражён» чеховской ностальгией по прошлому: «Вся Россия – наш сад». Но почему же бывшие дворяне, ныне обитатели бывшего господского дома – как бы выжившие персонажи «Вишнёвого сада» – прекрасные, добрые, хорошо воспитанные и хорошо (не так, как зеки в бараках) пахнущие, при всех исторических заслугах этого сословия перед страной, потеряли свой «вишнёвый сад» и отдали его на милость победителю. А победитель – не обязательно «грубый гунн» в продымлённой солдатской шинели, но герой и красавец – красный командарм Котов.

Образованная часть русского общества с их комплексом вины перед народом – народопоклонством – и такие как Котов – народные освободители и, одновременно, его же палачи – нередко своим талантом, умом, самоотверженностью... мостили дорогу «бесам». Печальная закономерность всех революций: «больные» вопросы ставят люди субъективно честные и совестливые (при том, что вопрос: сколько в этом «голоса совести», а сколько малодушной неспособности посмотреть правде в глаза? не теряет актуальности); берутся за их разрешение люди, по преимуществу, также честные и решительные (героическое время – героические личности); а пожинают плоды, как правило, те самые «бесы», что под покровом «Свободы! Равенства! Братства!», защиты Отечества и Веры только и хотят одного – власти.

Как в капле росы отражается бездонный космос, так и в крахе семьи командарма Котова – весь трагизм русской истории XX века. Оправдан ли чем-то такой печальный исход или эта некогда многочисленная и, кажется, счастливая семья – жертва истории, бесстрастно правящей свою кровавую колею, не разбирая правых и виноватых? Но разве безвинные жертвы эти бывшие хозяева большого господского дома, «отдавшие» свою дворянскую дочку победителю-варвару и сохранившие, тем самым, свою жизнь? А разве заслужил лучшей доли бесстрашный победитель (которому, как известно, достанется всё) Котов, в чьём послужном списке не только фронтовой героизм, но и зарубленный священник, и потопленные баржи с белогвардейскими офицерами, и газовые атаки при подавлении крестьянского восстания..? И разве превращение героического командарма в пронумерованного зека ни есть

воздаяние за всё зло тем, чьё место он занял в доме, ему не принадлежащем, и в брачном пире, не для него приготовленном?

В чём же (или в ком же) спасение от гражданского противостояния, когда мужчины вновь (как во времена княжеских усобиц и Смуты) проливают кровь друг друга, когда «брат пошёл на брата», а «сын на отца», когда гражданский разлом и по сей день – тревожная реальность российского социума? В михалковском фильме, в соответствии с культурной традицией⁵, есть только один ответ – в женщине, самоотверженно берущей (в который уже раз) на себя всё зло мира. – В Наде, настоящей дочери репрессированного командарма и приёмной дочери подполковника НКВД Мити, жестоко отомстившему своему удачливому сопернику; в Наде, не предавшей памяти своего отца и из «преданной делу Ленина и партии» пионерки-комсомолки ставшей сестрой милосердия в самом подлинном смысле этого слова. В женщине с вилами, спасшей от насилия или, даже, неминуемой смерти Надю – девочку, девушку, саму будущую Россию. В смертельно уставшей врачнице-интеллигентке с мудрыми иудейскими глазами, спасающей жизнь раненому врагу. В этих образах проступают черты всех некрасовских, тургеневских, Достоевских и Тарковских девочек, девушек, женщин, верно угаданных философом Бердяевым как «женская душа России». Женская, значит милосердная и любящая... Этот (неожиданный, может быть, и для самого режиссёра) триединый образ России – выше личных обид и счётов, декларируемой державности и госпатриотизма, «здорового» национализма и верноподданничества. Это – русский (в данном случае, михалковский) вариант милосердия христового, что выше национальности и конфессиональности, выше справедливости и закона. Это духовная вершина самого Михалкова – и человека, и художника.

В фильме есть маленький эпизод, перевесивший все ужасы кровавого противостояния: сцена со смертельно раненым молодым бойцом и Надей (её наполненные слезами и состраданием глаза выразительнее любых слов), милосердным уколом морфия избавляющей его от запредельно непереносимой боли в последние мгновения такой короткой жизни: «Покажи титьки. Я не видел ни разу. Даже не целовался. Покажи, пожалуйста, перед смертью разок» (запись по фильму). И вот картинам искорёженных и окровавленных солдатских тел – этому жуткому апофеозу смерти – противопоставляется беззащитная девичья нагота. Нагота как свет во тьме (что не поглотится тьмой), как красота, что призвана спасти мир, если красота (как её понимал Достоевский) – в способности к великому страданию и со-страданию. Только оно и спасает мир от окончательного взаимоистребления.

Сегодня, когда такое интимное переживание как любовь (что может быть интимнее любви?) к Родине стало предметом бесчисленных политических спекуляций, идеологических спектаклей и спускаемых сверху «воспитательных» мероприятий на злобу дня, осмысление михалковской эпопеи заслуживает куда более серьёзного обсуждения, чем то, что было в дни её всероссийской премьеры. Почему же фильм обласканного властью режиссёра, личного друга президента, не получил на выходе в прокат хорошую государственно ангажированную прессу? Одна из главных причин, как представляется, в том, что в этом фильме трудно отыскать верноподданнический патриотизм – официально одобряемый и хорошо (что немало важно) оплачиваемый. В том, что в фильме (как и в жизни) побеждают врага не благодаря мудрой воле вождя (на самом деле репрессировавшего руководство армии, аккурат, накануне войны); и не благодаря генералам-назначенцам, готовым ценой неисчислимых человеческих жизней исполнить высочайший приказ о штурме цитадели безоружными штрафными батальонами; и, уж тем более, не благодаря стреляющим в спины заградотрядам НКВД. Побеждают *вопреки* бесчеловечной системе, карающей и за то, что в первые дни войны попали в плен, исполняя приказ Верховного Главнокомандующего – «не стрелять», и за то, что потом, оказавшись в окружении, не пустили пулю в лоб, и за то, что выжили... Побеждает простой солдат, когда противостояние врагу становится как и в 1380 и 1612, и 1812 Общим Делом.

⁵ Имеется в виду известный тезис о литературоцентричности русской культуры

«Мысль народная» в киноэпопее Н. Михалкова, по-своему, продолжает и развивает толстовскую (после «Проклятых и убитых» и астафьевскую⁶) линию русской литературы, а христианские мотивы, вплетённые в произведение талантливого и противоречивого Мастера, отнюдь не политическая или идеологическая конъюнктура, но эстетически и нравственно убедительная позиция художника. Если впечатления от михалковского триптиха экстраполировать на современность, то окажется, что спасение не в поисках новых врагов России (в этом сегодня, увы, преуспел и сам автор «Противостояния»), но в покаянии и единстве. В том, чтобы по-христиански, в первую очередь, признать свою ответственность за происходящее, возлюбить не только ближнего, но и дальнего, не только друга, но и (что самое трудное) врага. Тем более, что образ врага нередко конструируется и насаждается в атмосфере очередного идеологического угара, реанимируемого национализма и неизлечимого невежества массового человека. В конце концов, спасение России от смертельно опасного гражданского противостояния – в способности услышать и принять Другого, всеотзывчивости и всеслужении (как это понимал Достоевский), в милосердии, что выше правды и справедливости (у каждого своя правда и своя справедливость). Именно в этом, а не в безапелляционном утверждении нашей исключительности, особой нашей «духовности» и особости пути (в сравнении с их «бездуховностью» и «тупиковостью») – основа русского патриотизма.

⁶ Имеется в виду роман «Прокляты и убиты» воевавшего «от звонка до звонка» В. Астафьева.

Чернышова Л. Д.
L. D. Chernyshova

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ

MODERNIZATION, ISLAM, ISLAMISM

Чернышова Людмила Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, директор филиала Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Ванино); Хабаровский край, п. Ванино, ул. Украинская, 4. E-mail: chernyshovald@yandex.ru.

Ms. Lyudmila D. Chernyshova – PhD in Philosophy, the Vanino branch of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Vanino village); 4, Ukrainskaya Str., Vanino village, Khabarovsk region. E-mail: chernyshovald@yandex.ru

Аннотация. Исламизм – тоталитарная культура (альтернативный вариант развития) с присущим ей родовым признаком – массовым насилием – инструментом создания «совершенного общества». Становление исламизма обусловлено совокупностью факторов внутреннего и внешнего характера: неоднозначность последствий заимствованной и ускоренной модернизации и глобализации XX и XXI вв. и насильственность внедрения ценностей западной цивилизации в страны с иной ценностной системой.

Summary. Islamism is a totalitarian culture (and an alternative way of development) with the generic characteristic of mass violence and coercion – the instrument of creating a ‘new perfect society’. The rise and shaping of Islamism was caused by a combination of internal and external factors, among them: the ambiguous outcomes of the ‘imported’ and unnaturally accelerated modernization and globalization of the XX and XXI centuries; introduction - using force and coercion – of western values in the countries with a dissimilar value system.

Ключевые слова: модернизация, тоталитарная культура, ислам, исламизм, насилие, терроризм, глобализация, демократический тоталитаризм, Исламское государство.

Key words: modernization, totalitarian culture, Islam, Islamism, coercion, terrorism, globalization, democratic totalitarianism, ISIS.

УДК 28

Модернизационные процессы, начавшиеся в XVII в. в ряде европейских стран, распространившиеся на другие регионы в XIX – XX вв., доминирующие в современном мире и определяемые как способ улучшения жизни, не привели ко всеобщему благосостоянию; сегодня мир всё ещё разделён на «бедных» и «богатых» («золотой миллиард», проблема «20:80»), хотя это противостояние переместилось из локальной плоскости (перестало быть национальной проблемой многих развитых стран) в глобальную.

Опыт европейских стран, первыми прошедших модернизацию и ставших успешными (совершившими переход от традиционной к креативной культуре), стал образцом для подражания на долгий период времени, более того, воспринимался длительное время единственно возможным вариантом создания общества массового благосостояния. Однако использование автохтонного опыта европейских стран элитами других стран (заимствованная модернизация) без учёта особенностей их развития и степени готовности к изменениям в форме ускоренного внедрения европейских образцов зачастую приводило к становлению тоталитарных культур, которые становились формой освоения креативной культуры. Этот процесс получил название «консервативная модернизация» и проходил в форме «традиционализации креативной культуры».

Власть приобретала абсолютное право на управление обществом, позиционируя его единственным способом спасения от хаоса, применяла насилие в гипертрофированной форме, позиционируя его как условие приведения «обесценившейся современности» в соответствие с предлагаемыми альтернативными вариантами «совершенного общества». Причём чем позднее происходило становление креативной культуры и чем скорее были темпы её внедрения, тем сильнее была степень насилия и выразительнее тоталитарность соответствующей культуры.

Опыт развития тоталитарных культур, получивший отрицательную оценку как разрушительный для человека и общества способ модернизации, казалось, ушедший в прошлое, в условиях глобализации вновь становится востребованным, более того, притягательным для тех стран, которые оказались на периферии мирового развития и, оценив сложившийся мировой порядок как несправедливый, решили изменить его.

Такой силой, наиболее агрессивно заявившей о себе как о борце с мировым злом (западным миром), стали исламистские организации, воспринявшие необратимые изменения в мире и собственной культуре (становление креативной культуры) как угрозу национальной и религиозной идентичности, целостности и стабильности общества.

Исламизм большинством учёных понимается как политический ислам, представители которого «требуют изменения места и роли религии в жизни общества. Речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности» [8; 9, 40].

Появлению исламизма в странах Востока способствовало сочетание ряда факторов внутреннего и внешнего характера, связанных с неоднозначными результатами модернизации XX в., носившей заимствованный и ускоренный характер, и не только не решившей старые проблемы, но и способствовавшей появлению новых. Ислам, по-прежнему оставаясь образом жизни и одним из главных факторов конфессионально-культурной идентификации мусульманских обществ, позволил сохранять привычные им ориентиры в жизни, несмотря на произошедшие изменения [15, 44; 12; 5, 408; 8; 1; 4; 11, 73; 6, 183].

Новый всплеск исламского радикализма, вызванный процессом глобализации в конце XX – начале XXI вв., воспринятым мусульманским миром как утверждение западных ценностей по всему миру и в силу этого как угроза исламской культуре, приобрёл форму неприятия западной модели развития (американской) на Востоке, более того, стойкого представления о ней как о главной причине неудач мусульман в современности [13; 14; 15, 46].

Подобная оценка мусульманским обществом западного влияния привела к его полному отторжению, превращению «безбожного Запада» во врага мусульман и формированию чувства ксенофобии [13]. Образ врага в лице Запада стал крайне необходимым для поддержания картины мира, расколотой на противостоящие части «мы» и «они» («они», безусловно, враждебны), и мобилизации общества на борьбу с «ними» как единственного способа сохранения «нас». К тому же экономический застой и коррупция легче объяснялись пагубным воздействием Запада и продавшейся ему местной привилегированной верхушки, чем собственной безответственностью [10; 2]. Это упрощало процесс восприятия явлений социально-культурной идентификации мусульман в условиях усложнения современного мира.

Ситуация отягощалась наличием и внешнеполитических причин радикализации исламских движений:

- палестинской проблемой;
- разочарованием в идеалах и буржуазного общества, и социализма;
- насильственной европеизацией на фоне массового обнищания ресурсной периферии западного мира, осуществляемой с использованием различных технологий: прямого военного вмешательства в дела других стран (война в Ираке, Югославии и Афганистане, бомбардировки Ливии), направления различных ресурсов (финансовых, технических, информационных, консультационных) в проблемные страны и регионы с целью контроля над ними («революции роз», «оранжевые революции», «арабская весна»).

В этих условиях исламская религия, оставшись единственным аспектом современного мира Востока, не подвергшимся процессу вестернизации, стала восприниматься единственной возможностью сохранения ценностной основы мусульманской цивилизации и возрождения общности на основе исламской идентичности [15, 55].

Исламизм предлагает альтернативный вариант развития, содержанием которого становятся идеи «возвращения к истокам ислама», означающие возвращение к «исламской государственности» (замена светского государства теократическим), «исламскому единству» (мусульманской умме) и объединению всех мусульман в одну страну («халифат»). Исламизация всех сфер жизни общества и человека воспринимается единственно возможным способом решения сложных социальных и экономических проблем, стоящих перед мусульманскими странами, да и перед всем мировым сообществом [8]. В условиях экономической, социальной и идейной неоднородности мусульманского общества (отсутствие единого «исламского менталитета», единой ориентации на традиционно-религиозную доктрину; отсутствие единой цели у мусульман, втянутых в современное мировое рыночное хозяйство и политическую глобализацию, но пребывающих в мире традиционных устоев, восходящих ещё к родоплеменному и феодалному прошлому) исламизм становится объединяющим началом обществ и движений на основе острой антизападнической и антимодернизаторской направленности [15, 55-56].

Исламизм как альтернативный вариант развития, игнорирующий реальные изменения, произошедшие в мусульманских обществах в процессе модернизации, делает необходимым использование насилия, которое становится механизмом управления обществом: «насилие, ранее бывшее исключением из правила, теперь используется как метод и как стратегия для достижения власти» [13]. Именно использование насилия как инструмента управления обществом, к тому же носящего массовый характер, позволяет говорить об исламизме как тоталитарной культуре.

Насилие провозглашается единственным путём к возрождению истинного ислама, что и демонстрируется сегодня боевиками Исламского государства (ИГ), применяющего массовые казни населения при захвате территорий Сирии, Ирака. Насилие, применяемое на разных уровнях, в разных масштабах и формах, разными субъектами, в том числе в виде «джихада», провозглашённого смыслом жизни и условием «достойной смерти» истинного мусульманина и реализации ценностной модели исламизма, становится механизмом, обеспечивающим успех исламизму в условиях глубоко зашедших секулярных изменений в мусульманском обществе [7, 49]. Односторонняя трактовка «джихада» – только как обязанности каждого истинного мусульманина защищать веру, «карая неверных», и умереть в борьбе ради попадания в рай – исключает самосовершенствование, являющееся подлинной сутью джихада, но обеспечивает постоянную готовность верующих к жертве во имя ценностей фундаментализма. Такое понимание «джихада» позволяет исламистам неограниченно использовать верующих мусульман в террористических формах борьбы, в том числе «слепых» и самоубийственных. Каждый акт насилия рассматривается как действие ради достижения высшей цели – построения вселенского халифата, начала которого сегодня реализуются международной террористической организацией ИГ.

Ориентированность исламизма на разжигание внутрирелигиозной и межэтнической разобщённости и провоцирование гражданской войны, которой придаётся священный характер, превращает его в реальную угрозу безопасности для многих стран мира. Масштабы последствий насилия в условиях взаимозависимости даже самых отдалённых частей мира, доступности оружия массового поражения для террористов, в основе деятельности которых лежит религиозный фанатизм, делает совершенно непредсказуемым развитие человечества.

В свою очередь, страны евро-американского Запада, прошедшие в своей истории разные варианты тоталитаризма и, как казалось многим гуманистам прошлого века, в полной мере осознавшие утопичность тоталитарного «сооблазна» – желания сделать мир справедливым на основе утопических идей и использования насилия, ибо слишком большой была цена, заплаченная за подобный способ развития стран и народов – миллионы человеческих жиз-

ней, игнорирование многообразия культур, разрушительное влияние на личность; эти страны становятся источником тоталитаризма совершенно нового образца. Его можно назвать парадоксальным словосочетанием: демократический тоталитаризм. События конца XX – начала XXI вв., происходившие в разных регионах мира, свидетельствуют об активной деятельности ряда западных стран, насильственно внедряющих принципы демократии и парламентаризма, европейское издание прав и свобод человека (безусловные ценности западной цивилизации) в страны с иной ценностной системой. Внедрение институтов западной цивилизации, которые воспринимаются в периферийных по отношению к развитым странам общества инструментами влияния враждебного мира, не только не решает проблему адаптации населения этих стран к изменяющемуся миру, но усугубляет разрыв между Западом и Востоком, Севером и Югом и угрожает мировой безопасности.

Эскалация насилия всеми участниками этого процесса, приобретающего всё более черты международного конфликта, как доказано мировой практикой, повлечёт за собой увеличение человеческих жертв, но не решит проблемы неуспешности мусульманских государств в условиях современности, что возможно лишь путём критического осмысления собственного опыта развития; и не решит проблем стран западного мира, пытающихся построить весь остальной мир под себя, лишая его многообразия, а значит, и уменьшая возможности вариативности развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баширов, Л. А. Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России / Л. А. Баширов. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 244 с.
2. Берг, И. С. Радикальный ислам: ось «Северная Африка – Ближний Восток – Афганистан – Европа» в оценках европейских аналитиков / И. С. Берг; Институт Ближнего Востока, 2011. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=12556> (дата обращения: 11.02. 2014).
3. Вагабов, И. М. Ислам и глобализация современного мира: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Вагабов И. М. – Махачкала, 2005. – 433 с.
4. Васильев, А. М. История Саудовской Аравии (1945-1973) / А. М. Васильев. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 616 с.
5. Васильев, Л. С. История Востока. В 2 т. Т. 2 / Л. С. Васильев. – М.: Высш. шк., 1994. – 495 с.
6. Васильев, Л. С. История религий Востока: учеб. пособие для вузов / Л. С. Васильев. – М.: Университет, 2000. – 432 с.
7. Добаев, И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / И. П. Добаев; отв. ред. А. В. Малашенко. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 120 с.
8. Игнатенко, А. А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор / А. А. Игнатенко. Семинар «Ислам – глобальная угроза?», 22 сент. 2000. – URL: http://niiss.ru/s_st2.shtml (дата обращения: 23.02.2014).
9. Игнатенко, А. А. Ислам и политика: сб. статей / А. А. Игнатенко. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
10. Коргун, В. Г. Исламский экстремизм в Афганистане / В. Г. Коргун // Информационный портал Афганистан.Ру. – URL: <http://afghanistan.ru/doc/11375.html> (дата обращения: 16.04.2014).
11. Левин, З. И. Ислам в арабских странах: неотрадиционализм и возрожденчество (вторая половина XX в.) / З. И. Левин // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. – М.: Наука, 1983. – С. 70-83.
12. Малашенко, А. В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии / А. В. Малашенко // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 5. – URL: http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_11_malashenko.shtml (дата обращения: 28.04.2010).
13. Мирский, Г. И. Возврат в средневековье? / Г. И. Мирский // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 5. – URL: http://globalaffairs.ru/number/n_7412 (дата обращения: 15.06.2010).
14. Хаас, Р. Н. Новый Ближний Восток / Р. Н. Хаас // Foreign Affairs. – 2006. – № 6. – URL: <http://farsiiran.narod.ru/analytics/rusmassmedia/newmdeast.htm> (дата обращения: 28.10.2010).
15. Шагаль, В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык / В. Э. Шагаль. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 288 с.

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗОВ РОССИИ КАК РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОД РЕФОРМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

MONITORING OF THE PERFORMANCE AND QUALITY OF UNIVERSITIES AS A METHOD OF RADICALLY REFORMING RUSSIA'S HIGHER EDUCATION SYSTEM: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Докучаев Илья Игоревич – магистр юриспруденции, доктор философских наук, профессор дальневосточного федерального университета; 681010, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 56, кв. 33; 89141731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – MA of Law, Dr. Habil. of Philosophy, Professor of the Far Eastern Federal University, 56, Lenin Ave., ap. 33, Komsomolsk-on-Amur, 681010; telephone: + 7 (914) 1731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье проводится анализ методики процедуры мониторинга эффективности вузов России; показано, что после сращивания технологий аккредитации и мониторинга, обеспеченной нормами ФЗ 273 от 29.12.2012 «Об образовании в РФ», именно мониторинг стал наиболее радикальным методом реформирования отечественного образования. На основе анализа содержания показателей эффективности вузов и критериев ее оценки сделан вывод, что реальной причиной появления мониторинга является не столько снижение качества подготовки студентов, сколько образовательная политика, направленная на уменьшение количества высших учебных заведений.

Abstract. In the paper I deal with the analysis of the methods and techniques underlying the universities' performance and quality monitoring procedure in Russia; I demonstrate that after the procedures of accreditation and monitoring have effectively merged into one, as was stipulated by Federal Law 273 of January 29th 2012 "On Education in the Russian Federation", it is monitoring that has become the most radical method of reforming the country's education system. Relying on the results of the analysis of university performance indicators and evaluation criteria, I come to a conclusion that the true motive behind the reform and monitoring is not the actual loss of quality of students' skills and competencies, but educational policies of the government aiming distinctly at the reduction of the number of tertiary education institutions in the country.

Ключевые слова: образование в России, политико-правовые аспекты реформы вузов, мониторинг эффективности вузов.

Key words: education in Russia, political and legal aspects of the reform of tertiary education, performance and quality monitoring of universities.

УДК 378

Мониторинг эффективности вузов – один из бесчисленных шагов на пути реформы отечественного образования, непрерывно длящейся последние двадцать пять лет. К числу иных шагов следует отнести: «болонский процесс» с его трехуровневой траекторией подготовки специалистов высшего класса и системой кредитных единиц; введение эффективных контрактов и систем менеджмента качества; систему аккредитации и лицензирования образовательных программ, постоянно усложняемую и дополняемую бесчисленными требованиями к документированию процесса; бесконечную смену стандартов различных поколений, последнее из которых – третье, компетентностное – прошло уже актуализацию и готовится к замене на четвертое; изменение системы финансирования университета и оплаты труда преподавателей; введение подушевого финансирования и реформа разрядов единой тарифной сетки; переход к единому государственному экзамену как к единственной форме вступительных испытаний.

Список этот можно продолжать и детализировать. Думаю, что только в рамках специального исследования реально было бы установить полный перечень этих изменений и их действительную роль в судьбе российского образования.

Собственно говоря, вся история постсоветского образования в России это история его реформы. Наверное, такая страсть к реформам имеет объективный характер: креативная культура, в эпоху которой мы живем, не знает стабильности и представляет собой различные виды переходности, которую переживают все сферы культуры, включая социальные институты образовательного профиля. Жизнь меняется, а с ней меняются и требования к образованию. Еще одной – более конкретной причиной реформ – видится стремление нашего правительства соответствовать лучшим зарубежным образовательным стандартам. Наше отечественное образование больше не котируется у иностранцев, рейтинги вузов показывают, что мы сильно отстаем от ведущих стран, предлагающих те или иные образовательные услуги. И, наконец, последний мотив, на который упирает Минобрнауки РФ и социальное мнение, высказываемое в СМИ и даже в научной литературе, – нынешнее образование есть наследие «лихих девяностых», породивших массу невостребованных университетов, реализующих некачественные образовательные программы, попросту продающих дипломы и даже ученые степени.

Эти три причины реформ можно назвать тремя сторонами мифа об оптимизации отечественного образования. Это именно миф, и как всякий миф, он имеет субъективную и объективную сторону, то есть отчасти описывает реальность, а отчасти – определенную концепцию этой реальности. Сегодня любая концепция реальности, имеющая государственное происхождение, не может быть в стороне от политических интересов правящей элиты. В условиях господствующей в России за последние годы ресурсодобывающей экономики, бюджет которой складывается из прибыли от продаж энергоносителей и иных полезных ископаемых, а также биологических ресурсов, политика государства в области социального развития (и образования – в том числе) не могла не стать производной от этой экономики. Такая экономика есть следствие кризиса социалистической экономики советского периода, которая носила военно-промышленный плановый характер. Ресурсодобывающая ее сторона имела значительную долю в структуре ВВП, но не была определяющей, поскольку упор на развитие инновационных технологий в военно-промышленной сфере требовал значительных затрат на образование, науку и производство. Товары широкого потребления, то есть легкая и пищевая промышленность, финансировались по остаточному принципу, что вкупе с отсутствием экспорта порождало массовый их дефицит. Социальные программы обеспечивались хорошо, но реализовывались не за счет продаж наукоемкой продукции, а за счет прибыли от продажи ресурсов.

Гибель СССР и плановой экономики была связана именно с разрушением ВПК, промышленность иного рода пострадала меньше, поскольку ее и было меньше. Однако ВПК СССР обслуживался огромной научной и образовательной инфраструктурой. И эта инфраструктура не могла сохраниться после уничтожения ее производственной основы. Интеллектуальный капитал нельзя было распродать или превратить в руины, как это происходило с военными заводами. Огромная армия ученых и студентов оказалась предоставленной на свое попечение, поскольку денег у государства на их содержание в прежнем объеме уже не было. В качестве компенсации была предложена свобода действий. Именно в этот период и произошло массовое разрастание вузов, филиалов, образовательных программ, многопрофильности и универсализации институтов и академий. В этот же период качество образования снижалось прямо пропорционально росту предлагаемых услуг и числа заведений. Началось существенное отставание научных и образовательных технологий от их зарубежных аналогов.

Социальный престиж образования и уровень заработка в соответствующих учреждениях снизился до невиданных масштабов. Сегодня в России, по данным Росстата, насчитывается 969 высших учебных заведений, включая частные. В них обучается более 5,5 млн студентов. Для сравнения: в Китае насчитывается около двух тысяч государственных вузов, в которых обучается около 9 млн человек. Население же Китая – 1,36 миллиарда человек, в России

проживает около 144 миллионов человек [2]. Однако заработная плата профессора в России – одна из самых низких в мире. Зарплаты российских профессоров ниже, чем в Нигерии и Эфиопии! Сегодня средняя зарплата профессора в России составляет 37 000 р. в месяц. Ниже – только в Армении. Для сравнения: в докризисный период, когда доллар стоил порядка 35 р., средняя зарплата профессора в США составляла примерно 235 000 р. в месяц; а средняя зарплата профессора в Индии – примерно 238 000 р. в месяц [3].

Итак, финансирование образования упало, его качество снизилось, произошло отставание от зарубежных образовательных технологий. Объективным аспектом этого процесса является переходный характер креативной культуры вообще и кризис советского образования в частности. Однако субъективный аспект проблемы гораздо важнее. Дело в том, что государству не требуется не только плохое образование, оно не заинтересовано в нем вообще. Для ресурсодобывающей экономики не требуется инновационной инфраструктуры, то есть высокотехнологичного наукоемкого производства, фундаментальной науки, социально престижного образования. Образование в такой экономике выполняет роль антропологическую и культурную. То есть оно есть потому, что должно быть по природе общества и человека. Где-то нужно учиться, иначе ни обществу, ни человеку не быть. Такое образование можно финансировать по остаточному принципу, можно и нужно всячески сокращать его инфраструктуру, уничтожая те или иные институты и подразделения, укрупняя и оптимизируя их. Все «оптимизирующие» реформы последних лет были направлены на сокращение финансирования образования. Оптимизация сети вузов – сокращение финансирования, переход на двухуровневую систему подготовки: бакалавр – магистр и отказ от специалитета – сокращение финансирования (ведь целый год экономится, а магистров по сравнению с бакалаврами на семьдесят пять процентов меньше, а за два года набирается только пятьдесят процентов от ста за один год специалитета); и т.д. и т.п.

Конечно, прямо сказать, что образование не нужно государству, никто из чиновников не решится. Приходится делать хорошую мину при плохой игре. Это и есть подлинный смысл бесконечного реформирования образования. Своего рода амортизация его уничтожения. При этом создается благоприятный информационный фон. За счет сокращения вузов и срока подготовки студентов немного повышаются зарплаты в образовательной сфере. Можно говорить о сокращении числа неэффективных вузов и росте качества образования. Можно говорить о постоянной заботе государства об этом качестве. На деле же ничего подобного не происходит, то есть ни о каком качестве нельзя вести никакой речи. Допускаю, что процесс еще не вступил в решающую стадию, и все прорывы впереди. Но пока что, ничего не говорит в пользу подобного допущения. Объединенные вузы поражают неуправляемостью своей громоздкой инфраструктуры, сокращение образовательных программ приводит к выхолащиванию содержания этого образования, увеличение заработной платы преподавателей полностью съедается инфляцией, а количество сокращений ставок постоянно растёт.

Мониторинг эффективности вузов России – ключевая технология по уничтожению отечественного образования. Собственно именно на этот инструмент и возлагается в правительстве России основная задача по сокращению числа вузов и их филиалов. Министр образования и науки РФ Д. В. Ливанов заявил: «Сокращение численности молодежи в возрасте 17 – 30 лет и снижение нагрузки на сеть вузов позволяет проводить оптимизацию сети. Мониторинг эффективности вузов делает эту работу обоснованной – с его помощью мы решаем проблему низкого качества образования, которое предоставляют некоторые вузы и филиалы» [1]. Даже самое название инструмента – «мониторинг эффективности» – вызывает большие сомнения и недоумения. Что такое «эффективный вуз»? Существует ли сегодня научно обоснованное определение этого понятия? Боюсь, что мониторинг эффективности не опирается на это определение, а остается в сфере чистой практики.

Еще одна важная проблема – определение пороговых значений критериев эффективности. Оно происходило по-разному, то оказывалось какой-то взятой с потолка твердой цифрой, то представляло собой медиану на фоне совокупных достижений вузов той или иной

сферы или той или иной региональной общности. Медиана не хуже и не лучше твердой цифры, ибо она, с одной стороны, оказывается результатом средней температуры по больнице, а с другой – обрекает половину вузов, та или иная деятельность которых обязательно окажется ниже медианы, на неэффективность. Региональное ранжирование или расчет эффективности вузов с той или иной спецификой (творческие, медицинские и т.п.) не спасает, поскольку реальная роль вуза определяется не его положением в системе ему подобных, а тем значением, которое он имеет для социально-экономического развития территории, на которой он расположен. Для отдаленного провинциального вуза, расположенного в какой-нибудь депрессивной местности, сравнение даже с вузами локальной столицы будет невыгодным, но его закрытие или превращение в филиал приведет к катастрофическим последствиям для экономики территории и сохранения населения.

Критерии эффективности меняются, но пока что все они – только повод для упреков наших чиновников в вопиющей некомпетентности. А поскольку заподозрить столь уважаемых людей в столь грустном качестве не позволяют правила хорошего тона, приходится делать вывод, что подобная идеология – сознательный ход, преследующий вполне определенные цели: сделать работу по сокращению вузов «обоснованной». Почему эффективность вуза зависит от среднего балла ЕГЭ выпускника школ, поступившего в тот или иной вуз? Средний балл ЕГЭ – это результат работы школы, у которой свои проблемы, своя история (не являющаяся предметом настоящей статьи), но упрекнуть которую даже мимоходом нельзя, ибо совесть не позволяет упрекать людей, ведущих полуничтожное существование, в том, что они недоработывают. Демографический кризис последних лет вкупе с порожденной тем же ЕГЭ возможностью уехать из депрессивных регионов в более престижные у всех тех, кто имеет финансовые или просто интеллектуальные основания для этого, усугубляют эту проблему, расплачиваться за негативное разрешение которой приходится вузам.

Почему эффективность вуза зависит от процента трудоустроенных выпускников? Ведь трудоустройство есть результат социально-экономического развития территории. А если производство полностью уничтожено, если работать негде, а в университете сохранились мощные научные школы, которые продолжают привлекать внимание абитуриентов и заставляют их поступать в вуз? Почему нужно уничтожить и эти школы, ведь они возникали даже дольше, чем само производство, для которого их организовывали? Подготовка профессора длится около двадцати лет, а чтобы возникла научная школа, требуется минимум пятьдесят лет. Конъюнктура изменчива, а научная традиция существует только тогда, когда есть условия для ее стабильной поддержки.

Почему эффективность вуза зависит от процента иностранных студентов, обучающихся в нем? Ведь иностранцы не поедут в полуразрушенный город, в котором опасно находиться, потому что зимой можно сломать ногу, подвергнуться риску ограбления, получить лечение, от которого придется затем лечиться еще дольше, чем от первоначального заболевания? Как могут вузы, в которых идет подготовка специалистов для закрытого производства, связанного с реализацией двойных технологий, привлекать к себе иностранцев, если они будут лишены полноценных условий подготовки, если их не допустят даже к местам практик?

Почему эффективность вуза зависит от объема площадей, на которых обучаются студенты? Почему эффективность вуза зависит от уровня заработной платы его сотрудников? Ведь вуз является государственным учреждением, и его финансирование – прямая конституционная обязанность государства. Именно государство должно определить уровень заработной платы и построить необходимое количество зданий и сооружений для реализации эффективного учебного и научно-образовательного процесса. В ситуации постоянного недофинансирования со стороны государства требование повысить уровень заработной платы сотрудникам выглядит просто издевательским.

В чем смысл уничтожения филиалов крупных государственных вузов, образовательный процесс в которых ничем не отличался от аналогичной – эффективной – деятельности,

осуществляемой в головном вузе? В чем смысл странного слияния вузов, находящихся в разных регионах страны, под шапкой одного, главного, превращающегося в результате этого слияния только в воронку для высасывания ресурсов из своих филиалов? Можно ли, связав друг с другом сотню зайцев, создать слона? Вопрос, конечно, риторический. Зато перспектива утраты отечественного образования – вполне определенная реальность, полное торжество которой далеко не за горами.

Список подобных вопросов можно также продолжать и продолжать, он даже более велик, чем список реформ российского образования, осуществленных за последние двадцать пять лет. Боюсь, что внятных ответов на эти вопросы у нашего правительства нет. Потому что подлинная их причина слишком позорна, чтобы сказать о ней прямо. Нужно ли проводить реформы образования? Да. Нужно ли прекратить его уничтожать? Да. Можно ли сегодня принять программу действий, которая бы позволила реализовать эти два положительных утверждения одновременно? Думаю, что нет. Нас ждут новые реформы и новые инструменты уничтожения отечественного образования, новые сокращения во имя сомнительных перспектив. Сегодня – в условиях обострения отношений с западным миром – подобная доктрина особенно непонятна и губительна. Ибо независимость нашего рынка и производства от зарубежных товаров, защита от негативных последствий санкций, диверсификация экономики и изменение ее ресурсодобывающей ориентации на инновационную, технологическую и наукоемкую, опора на собственные ресурсы – все это невозможно без собственного образования, науки и производства. И, конечно же, все это – условия сохранения нашей территориальной целостности, нашего государства и нашей культуры, условия для обеспечения эффективной конкурентоспособности в сложном и полном противоречий мире политических амбиций различных стран и цивилизаций, в котором мы можем и должны занять достойное место.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДОКЛАД Министра образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанова на заседании Правительства Российской Федерации по вопросу «О результатах мониторинга системы образования». Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fxn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai%2F%25D0%25BD%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B8%2F4898%2F%25D1%2584%25D0%25B0%25D0%25B9%25D0%25BB%2F3803%2F%25D0%2594%25D0%25BE%25D0%25BA%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B4%2520%25281%2529.doc&ei=TO_iVJLhKcv7ygPBuYHwCw&usg=AFQjCNHsp9vJSN-69xQZHkhaTHu4wSV7xQ&cad=rjt
2. Росстат. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
3. Guttenplan D.D. How Much Is a Professor Worth? Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/04/02/world/europe/02iht-educlede02.html?pagewanted=all%3Fsrc%3Dtp&smid=fb-share&_r=2&

Старцев Д. В.
D. V. Startsev

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА

PREREQUISITES FOR EFFECTIVE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS IN A CITY

Старцев Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 21, кв. 218; 89142088913. E-mail: star2080@bk.ru.

Mr. Dmitry V. Startsev – PhD Candidate, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 21, Pervostroiteley Ave., apt. 218, Komsomolsk-on-Amur, 681000; + 7 (914) 2088913. E-mail: star2080@bk.ru

Аннотация. В статье сформулированы условия эффективной реализации форм управления многоквартирными домами на примере товариществ собственников жилья и советов многоквартирных домов как наиболее распространенных форм управления в условиях города.

Summary. The paper defines necessary conditions for effective management of apartment buildings, exemplified by homeowner associations and councils at large apartment buildings as the most common forms of real estate management in an urban environment

Ключевые слова: эффективность, управление, лицензирование.

Key words: efficiency, management, licensing.

УДК 338.46:332.122

За последние пять лет в системе управления многоквартирными домами (МКД) произошли значительные изменения. Эти изменения, по мнению законодателя, направлены на развитие форм управления МКД, повышение надежности, комфортности, эффективности и носят стратегический характер. Безусловно, сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) уделяется значительное внимание на уровне государства, поскольку она имеет большое социальное значение. Несмотря на все нововведения, которые предусмотрел законодатель, а именно: наличие различных форм управления МКД, лицензирование управляющих организаций (УО), формирование рейтинга УО, в настоящее время неудовлетворенность населения услугами ЖКХ не уменьшается. За прошедший период реформирования ЖКХ сформировался опыт реализации форм управления МКД, предусмотренных в Жилищном кодексе РФ (ЖК РФ), который, в свою очередь, свидетельствует о положительных и отрицательных сторонах выбора того или иного способа управления, эффективности форм управления применительно к условиям города.

На сегодняшний день ЖК РФ дает исчерпывающий список способов управления МКД. Согласно статье № 161 п. 2 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов (форм) управления многоквартирным домом:

- 1) непосредственное самоуправление помещений в многоквартирном доме;
- 2) управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;
- 3) управление управляющей организацией.

Отметим, что Федеральным законом от 04 июня 2011 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» ЖК РФ дополнен статьей 161.1 «Совет многоквартирного дома» (СМКД). Изменения в жилищном законода-

тельстве, касающиеся роли собственников помещений многоквартирных домов в управлении своим домом и взаимодействия с управляющими организациями, вступили в силу 18 июня 2011 г. Согласно статье 161.1 ЖК РФ, если в МКД не создано товарищество собственников жилья (ТСЖ) либо данный дом не управляется жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом и при этом в данном доме более чем четыре квартиры, собственники помещений на общем собрании обязаны избрать СМКД.

Поскольку в настоящее время наибольшее распространение в условиях города нашли такие формы управления, как ТСЖ и СМКД, автором предложено рассмотреть те проблемы и факторы, которые оказывают влияние на эффективность использования данных форм управления.

Управление ТСЖ, ЖСК

Создание и деятельность ТСЖ (жилищно-строительных кооперативов (ЖСК)), а также правовые отношения членов товарищества (кооператива) определены в разделах V, VI ЖК РФ. Отличием ТСЖ от ЖСК является объединение собственников жилых помещений на разных этапах: у ЖСК – в момент начала строительства, у ТСЖ – во время эксплуатации построенного жилого дома.

Достаточно большое количество научных исследований рассматривает создание ТСЖ как наиболее эффективный способ управления МКД. Однако практика использования данного способа управления выявила ряд проблем, с которыми сталкиваются собственники МКД. Создание ТСЖ и дальнейшая его эффективная деятельность возможны только при наличии следующих условий:

1) инициатива жильцов в принятии решений о деятельности ТСЖ (её отсутствие – один из самых существенных минусов выбора данной формы управления);

2) обладание руководством ТСЖ навыками управления, договорной работы, бухгалтерского учета и пр. Довольно часто происходит выбор председателя, правления и ревизионной комиссии, не имеющих необходимых навыков и знаний для осуществления возлагаемых на них функций. Отсутствие квалифицированного подхода к управлению МКД приводит к снижению эффективности данной деятельности, зачастую – к судебным искам от ресурсоснабжающих и обслуживающих организаций и в некоторых случаях – к банкротству ТСЖ;

3) платежная дисциплина жильцов. ТСЖ – это некоммерческая организация, финансирование потребностей ТСЖ происходит с общего расчетного счета, соответственно, если имеются жильцы, имеющие плохую платежную дисциплину, возникает платежный дефицит, приводящий к штрафным санкциям со стороны ресурсоснабжающих и обслуживающих организаций, что, в свою очередь, также способствует снижению эффективности управления;

4) поддержка со стороны местных властей. Данная поддержка может выражаться в проведении обучающих лекций, семинаров с привлечением специалистов в области управления МКД, специалистов от ресурсоснабжающих организаций и пр. Не менее важным является проведение круглых столов с участием ТСЖ по обсуждению и выработке мер, направленных на снижение ресурсопотребления, по обмену опытом с успешными ТСЖ.

Возможен и другой вариант организации работы ТСЖ, при котором функции по обслуживанию выполняются посредством УО. Данный вариант, по мнению автора, в значительной степени схож с вариантом управления через СМКД посредством УО, но проигрывает ввиду наличия дополнительных административных затрат.

В случае если в МКД не создано ТСЖ либо данный дом не управляется жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом и при этом в данном доме более чем четыре квартиры, собственники, согласно ст. 161.1 ЖК РФ, обязаны общим собранием избрать Совет многоквартирного дома (СМКД) из числа собственников помещений в данном доме и выбрать один из способов управления своим домом. МКД может управляться только одной УО.

Надо отметить, что данная форма управления МКД получает все большее распространение. Данное обстоятельство обусловлено более простым механизмом реализации, понят-

ным большому количеству собственников МКД. Основной задачей СМКД является обеспечение контроля за сохранностью жилого дома, качеством эксплуатации, санитарным содержанием, ремонтом и благоустройством дома и придомовых территорий; контроль за качественным и своевременным предоставлением коммунальных услуг. В целях реализации описанных выше задач СМКД, на основании решения общего собрания собственников, заключается с выбранной УО договор управления. СМКД не является юридическим лицом, члены СМКД и его председатель выбираются из числа собственников МКД и работают на общественных началах. Данное обстоятельство позволяет при наличии квалифицированного подхода со стороны УО, привлеченной к решению задач по обслуживанию МКД, исключить административные расходы на содержание собственного управленческого аппарата МКД и тем самым обеспечить большую привлекательность для собственников МКД. Действительно, в условиях города при наличии большого количества УО, полноты и доступности информации о деятельности данных организаций, рейтинга УО данная форма управления представляется наиболее эффективной. Взаимная работа СМКД и УО не требует от собственников наличия глубоких профессиональных навыков в области ЖКХ, а при наличии действенной контрольной функции со стороны государственных и муниципальных органов, исключающих возможность выхода на рынок услуг ЖКХ недобросовестных, неэффективных организаций, позволяет сформировать устойчивую тенденцию к повышению качества услуг ЖКХ, оптимизации тарифной политики, созданию безопасных и комфортных условий проживания собственников МКД.

Преимущества организации СМКД перед ТСЖ:

- 1) относительно простой способ формирования путем общего голосования собственников МКД;
- 2) отсутствие необходимости наличия у СМКД профессиональных навыков в сфере управления МКД;
- 3) отсутствие необходимости нести административно-хозяйственные затраты на содержание административного аппарата, его обучение, аренду офисного помещения, привлечение узких специалистов;
- 4) стабильность ресурсоснабжения. Даже в условиях частичных неплатежей собственников МКД ответственность перед ресурсоснабжающими организациями несет УО;
- 5) возможность в полной мере использовать следующие ресурсы УО для повышения эффективности управления МКД:

- высокопрофессиональный персонал;
- методы, технологии и специальное оборудование;
- опыт эффективной работы с ресурсоснабжающими организациями;
- возможность привлечения средств УО для решения острых вопросов и модернизации;

- 6) возможность ротации УО. В случае неудовлетворенности деятельностью УО СМКД имеет возможность смены УО.

Несмотря на наличие у СМКД перечисленных выше преимуществ перед ТСЖ, данная форма управления МКД на практике испытывает ряд трудностей, которые напрямую выражаются в снижении эффективности управления.

Условия эффективности СМКД:

- 1) наличие инициативных собственников. Данное условие, как и в случае выбора ТСЖ как формы управления МКД, является определяющим в дальнейшем формировании и последующей деятельности СМКД. Необходимо отметить, что в случае организации СМКД от собственников не требуется наличие профессиональных управленческих навыков. От них достаточно желаний, возможности создания СМКД и выбора УО, которая в дальнейшем будет осуществлять функции профессионального управления МКД;

- 2) наличие конкуренции среди УО. СМКД способен сделать выбор только при наличии большого числа УО;

3) наличие доступной, достаточной и достоверной информации о деятельности УО. СМКД в своем выборе должен иметь возможность в полной мере знакомиться с деятельностью той или иной компании, результатами ее работы, финансовой устойчивостью, наличием жалоб от собственников МКД, наличием или отсутствием судебных решений в отношении УО и пр.;

4) наличие рейтинга УО. Данная информация имеет высокую ценность для МКД в условиях большого количества работающих на рынке ЖКХ УО. К примеру, по данным портала «Реформа ЖКХ», в Хабаровске действуют порядка 77 УО. В этом случае у СМКД нет возможности подробно знакомиться с деятельностью каждой компании. В данной ситуации наличие рейтинга УО упрощает процедуру выбора УО;

5) лицензирование УО. Данному аспекту уделяется большое внимание со стороны государства. Первого сентября 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ, предусматривающий ужесточение требований к организациям, которые занимаются управлением многоквартирными домами. Так, с 01.01.2015 для них вводится административная ответственность, в частности за нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности в данной сфере, а с 01.05.2015 они смогут работать только на основании лицензии. По мнению законодателя, данный федеральный закон способствует наведению порядка на рынке услуг ЖКХ, отстранению недобросовестных, неэффективных УО, создает мотивацию у УО к повышению профессионализма, развитию клиентоориентированной работы с собственниками МКД;

6) развитие форм общественного контроля над деятельностью УО. В данном случае общественный контроль обеспечивает обратную связь потребителей услуг ЖКХ с УО и органами власти, раскрывает острые проблемы в системе ЖКХ, выявляет нарушения в работе УО, слабые стороны законодательства. Совместная деятельность общественного контроля с УО и органами власти способствует реализации принципов сбалансированности интересов, открытости, позволяет сформировать эффективное взаимодействие между потребителями услуг ЖКХ, бизнесом и государством, результатом которого станет эффективная, стабильная работа системы ЖКХ.

Как отмечалось ранее, государством за последнее время сделаны серьезные шаги по реформированию ЖКХ, четко регламентированы аспекты управления МКД, созданы законодательные условия формирования эффективного рынка услуг ЖКХ, но практическое применение данных мер сталкивается с рядом проблем. Данные проблемы выражаются в неполном выполнении описанных выше условий эффективности, при этом каждая из форм управления МКД, имеющая свои положительные и отрицательные стороны, способна быть эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферина, О. Н. Развитие товариществ собственников жилья в России: проблемы и перспективы / О. Н. Алферина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/120-16313> (дата обращения: 15.03.2015).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации. – М. : Проспект, КноРус, 2013. – 128 с.
3. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171281 (дата обращения: 10.03.2015).
4. Павленков, М. Н. Социально-экономические аспекты взаимодействия участников в сфере жилищно-коммунального хозяйства / М. Н. Павленков, Н. К. Кемайкин // Российское предпринимательство. – 2013. – № 24 (246). – С. 198-204. Режим доступа: <http://creativeconomy.ru/articles/31031/> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Цыренжапов, Ч. Д. Основы управления многоквартирными жилыми домами : учеб. пособие / Ч. Д. Цыренжапов, Д. С. Шенбергер, Д. В. Елисеев. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2013. – 84 с.

Симоненко В. Н., Пашковский М. Ю.
V. N. Simonenko, M. Y. Pashkovsky

НАПРАВЛЕНИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

LINES IMPROVEMENT THE PERFORMANCE OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Симоненко Виталий Николаевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: simonenko@knastu.ru

Mr. Vitaliy N. Simonenko – D.Sc. of Economics, Professor, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: simonenko@knastu.ru.

Пашковский Максим Юрьевич – старший преподаватель кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: kef@knastu.ru

Mr. Maxim Y. Pashkovsky – Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: kef@knastu.ru.

Аннотация. Анализ финансовых и производственно-экономических результатов деятельности предприятия позволяет предложить эффективные направления для их улучшения: снижение себестоимости продукции; новшества в производстве и сдаче изделия заказчику; инвестиции в освоение производства новой продукции; снижение дебиторской задолженности; совершенствования в сфере маркетинга предприятия; расширение привлечения внешних источников финансирования на предприятия судостроения и др.

Abstract. An analysis of financial and production and economic performance of a company allows us to suggest effective recommendation for their improvement: reduction of production costs; innovation in the production and delivery of products to the customer; investment in the development of new products; decrease in accounts receivable; the improvement in the company's marketing; attracting more external financing for shipbuilding companies and others.

Ключевые слова: анализ результатов, снижение себестоимости, инвестиции в производство, заказчик, дебиторская задолженность, маркетинг предприятия, источники финансирования.

Key words: performance analysis, cost reduction, investment in production, customer, receivables, company marketing, financing sources.

УДК 332

Судостроение и ремонт судов всегда выполняли на Дальнем Востоке России важные социально-политические задачи как часть отрасли машиностроения. Большая часть этих предприятий имело военную (оборонную) специализацию, выполняя при этом важную градообразующую роль. Предприятия этой отрасли и специализации выступали в качестве стабилизирующего фактора, при этом их экономическая эффективность (поскольку основным потребителем выступало государство) была второстепенной. На территории появлялись предприятия, роль которых сводилась к производству вспомогательных и главных судовых двигателей и установок, электротехнического и прочих видов оборудования.

Такую роль предприятия судостроения играли и в экономике Хабаровского края. Эту отрасль машиностроения традиционно считают экспортно-ориентированной, поскольку многие страны технически и экономически не способны развить собственное судостроение, при этом имея национальное судоходство и определенные оборонные интересы. В период экономических преобразований и реформирования экономики в Хабаровском крае функционировало около 10 судостроительных и судоремонтных предприятий.

В условиях рыночных преобразований наблюдался спад производства на многих предприятиях, в том числе и в отрасли судоремонта и судостроения, а также непосредственно работающих с ними предприятиях, производящих вспомогательное оборудование. В этот период социально-экономическая значимость отрасли заметно уменьшилась, что отразилось на производительном (снизились основные показатели выработки продукции) и трудовом потенциале предприятий (возросли коэффициенты текучести кадров, снизились показатели стабильности кадров). Производство отрасли судостроения переживает упадок, увеличивается отток более квалифицированной части работающих, вследствие чего падает конкурентоспособность продукции. Разработанные конверсионные программы так и не были эффективно реализованы, с одной стороны, из-за отсутствия финансирования и государственной поддержки, с другой стороны, из-за общего падения экономического потенциала смежных отраслей транспорта. Снижение темпов роста промышленного производства, разрыв экономических связей между предприятиями страны, возрастание транспортных тарифов обусловили сокращение транспортной работы и в Дальневосточном регионе России.

В связи с современными экономическими условиями, географическим положением конкурентные преимущества дальневосточных судостроителей и судоремонтников весьма малы. Значительное давление на региональный рынок оказывают китайские компании. Пользуясь значительными преимуществами в стоимости рабочей силы и протекционистской политикой государства, высокой динамикой экономического развития, китайские судостроительные компании всё время наращивают свои мощности, повышают культуру производства, осваивают и внедряют новые технологии, оттесняя судостроение на мировом рынке не только России, но и Японии, Республики Корея и ряда европейских стран.

Анализ финансовых результатов, рассмотрение важных теоретических аспектов организации производства и практики производственно-экономической деятельности конкретного предприятия позволяют предложить эффективные направления для их улучшения [1].

1. Снижение себестоимости продукции ОАО «АСЗ». В системе показателей экономической эффективности производства в отраслях материального производства принято планировать и анализировать такие показатели, как производство продукции на одну денежную единицу (д. е.) затрат, а также снижение затрат на одну д. е. продукции (работ). Получение наибольшего эффекта с наименьшими затратами, экономия трудовых, материальных и финансовых ресурсов зависят от того, как предприятие решает вопросы снижения себестоимости выпускаемой продукции.

Рассмотрим фактор «повышение технического уровня производства». Это внедрение новой, прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производственных процессов; совершенствование в использовании и применении новых видов сырья и материалов; изменение конструкции и технических характеристик изделий, а также иных факторов, повышающих технический уровень производства. Снижение себестоимости может произойти при наличии автоматизированных систем управления, компьютеризации, совершенствовании и модернизации применяемой техники и технологии.

«Совершенствование организации производства и труда». Снижение себестоимости может произойти вследствие совершенствования методов управления производством и формирования себестоимости продукции; уменьшения затрат на производство; изменения в содержании организации производства, в улучшении форм и методов организации труда при развитии его специализации; улучшения использования имеющихся основных фондов и их содержания, организации материально-технического снабжения; оптимизации транспортных

расходов; использования прочих факторов, повышающих уровень организации производства.

«Улучшение использования природных ресурсов». Здесь анализу подвергаются следующие факторы: изменения состава и качества сырья; продуктивности месторождений; объема подготовительных работ при добыче; способов добычи природного сырья; других природных условий.

«Отраслевые и прочие факторы»: ввод и освоение новых цехов, производственных единиц и производств; подготовка и освоение производства в действующих объединениях и на предприятиях; прочие факторы. При анализе необходимо выявить резервы снижения себестоимости в результате ликвидации устаревших цехов и ввода новых производств и цехов на более высокой технико-технологической основе, с лучшими экономическими показателями.

Решающим условием снижения себестоимости было и остается внедрение достижений научно-технического прогресса в производство [2; 3]. Внедрение новой техники, комплексная механизация и автоматизация производственных процессов, совершенствование технологии, внедрение робототехники и композитных материалов позволяют значительно снизить себестоимость продукции.

2. Проектирование продукции, выпускаемой предприятием. В продукции, выпускаемой ОАО «АСЗ» (суда, сложные инженерные сооружения нефте- и газодобычи и др.), проектирование играет важную роль. Самостоятельно предприятие проектированием не занимается, оно заключает договора с подрядчиком-проектантом. Составляющая проектирования в цене построенного изделия – от 15 до 25 %. Некачественное проектирование требует переделки проектной документации и приводит к дополнительным заказам материалов и оборудования, переделкам и пр. Косвенное влияние может привести к тому, что завод не выполнит условия контракта точно в срок, а это повлечет за собой штрафные санкции от заказчика.

3. Новшества в производстве и сдаче изделия заказчику. Учитывая, что на качество и выполнение производственных графиков в срок влияют проектирование и поставки, для снижения себестоимости на этапе проектирования планируются следующие мероприятия: стремление качественно и в установленный срок выполнять работы по проектированию в целях недопущения лишних расходов на срочную доставку материалов, не учтенных в проектной документации; доставку материалов и комплектующих на участки работ обеспечивать качественно и в срок; проводить конкурсные торги среди потенциальных подрядчиков для работ, которые ОАО «АСЗ» не может выполнить своими силами, с определением победителя конкурса; создавать внутризаводскую систему планирования и логистики.

Как отражено в плане модернизации производства, выполнение данных мероприятий позволяет снизить материальные затраты на 7 – 8 %.

4. Инвестиции в освоение производства новой продукции. В числе реализованных предприятием предложений по снижению себестоимости продукции ОАО «АСЗ» – освоение производства некоторых полуфабрикатов и комплектующих, которые ранее закупались. К таким изделиям относятся: продукция судового машиностроения – крепежные изделия, (болты, гайки, бонки, шпильки, шайбы и пр.), трубные и кабельные подвески, скобки, кабельные лотки и пр. Хотя они и не сложны в производстве, но по кооперации закупались на стороне в связи с требованиями, предъявляемыми к ним не только со стороны заказчика, но и ответственными и зарубежными надзорными органами (Росгортехнадзор, Российский Морской Регистр Судостроения, «Рособоронсертифика», Lloyd, ABS, DNV и др.).

Удельный вес стоимости изделий судового машиностроения в готовом изделии составляет 4 – 6 %. Подсчитано, что инвестирование и внедрение в производство оборудования для изготовления данных изделий позволит снизить себестоимость готовой продукции на 2 – 3 %, что и произошло на практике. Кроме того, изделия судового машиностроения имеют спрос на дальневосточном промышленном рынке среди предприятий, занимающихся строительством, ремонтом и обслуживанием судов, объектов нефтяной отрасли (реализация проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2»).

5. Оптимизация кредиторской и дебиторской задолженности. Предприятие применило разнообразные способы предотвращения и взимания просроченной дебиторской задолженности. Высокая сумма дебиторской задолженности – явление для предприятия отрицательное, поскольку эта задолженность замедляет оборот капитала, ухудшает структуру баланса и увеличивает потребность в заемных финансовых средствах. Вполне очевидно, что наиболее предпочтительным можно считать действия кредитора, направленные, прежде всего, на предотвращение излишней дебиторской задолженности.

На основании проведенного анализа финансово-хозяйственной деятельности установлено, что в активах баланса ОАО «АСЗ» существенную долю занимала дебиторская задолженность, и во избежание высоких сумм этой задолженности на дальнейшем заводе предложены мероприятия, выполнение которых позволило существенно улучшить эффективность его деятельности и экономические показатели [4]. Учитывая то, что основным потребителем продукции является Министерство обороны, можно сказать, что главную роль в формировании финансовых результатов деятельности предприятия по-прежнему играет государство.

6. Совершенствования в сфере маркетинга предприятия. На основании проведенного маркетингового анализа установлено, что стратегия ОАО «АСЗ» проникновения на рынок состоит в том, чтобы закрепиться на рынках стран, не занимающихся постройкой судов и кораблей (как и постройкой их в явно небольшом количестве), а также на рынках некоторых развитых государств, имеющих высокий собственный валютный потенциал, но не обладающих рядом современных технологий и образцов (к примеру – Греция, Индия, Вьетнам). Также ОАО «АСЗ» планирует строительство судов (буксиров) для обслуживания объектов нефтедобычи, в первую очередь, это проекты Сахалинского шельфа, Индии и Вьетнама. Система мер по воздействию ОАО «АСЗ» на потенциального заказчика (система маркетинговых коммуникаций) включает в себя следующий набор элементов: реклама; стимулирование сбыта, направленное на заказчиков и заключающееся в предоставлении скидок при размещении серийных заказов; PR, направленный на организацию общественного мнения; решения, принимаемые службой маркетинга в варианте как открытые (например, относительно товарной, целевой, сбытовой политики ОАО «АСЗ»), так и закрытые (например, о стратегии маркетинга, сущности заключаемых договоров, потенциальных заказчиках). Также нельзя не учитывать тот факт, что рассматриваемое предприятие относится к комплексу оборонной промышленности, на котором продолжается постройка военных судов, большая часть из которых по причине сохранения и достижения военного превосходства страной засекречена и не может выставляться на свободный мировой рынок вооружений (без санкций государства). Поэтому, хотя ОАО «АСЗ» и является открытым акционерным обществом, полной свободой в предпринимательском бизнесе оно не обладает. Это оборонное предприятие нуждалось вчера, нуждается сегодня и всегда будет нуждаться в предоставлении ему военных государственных заказов.

7. Проведение снижения себестоимости продукции по технико-экономическим факторам. Снижение себестоимости продукции (и соответственно затрат на производство и реализацию) в условиях плановой экономики планировалось как директивное, а с переходом на рыночные условия хозяйствования как бы утратило свое организующее значение с использованием рыночного принципа формирования уровня цен. Предлагается восстановить утраченную традицию, проводя стандартные расчеты и используя результаты не как директиву, а в качестве прогноза. Снижение себестоимости продукции рассчитывается по двум направлениям: 1) сравнимой товарной продукции, то есть выпускавшейся на данном предприятии в предшествующем году; 2) снижению затрат на рубль товарной продукции. Расчеты проводятся по известным формулам (например, учебник Ильина А.И. «Планирование на предприятии»).

8. Снижение затрат и повышение доходов. Ключевым вопросом в решении вопросов ликвидации убыточности следует не искать способ (или надежный источник) покрытия расходов, а проводить неуклонное снижение затрат, с одной стороны, и повышение доходов

за счет увеличения объемов и увеличения качества продукции – с другой. Если обе эти стратегии проводить параллельно, в тесной взаимной связи, то результат усиливается.

9. Выявление возможности дальнейшего использования имеющихся материальных активов.

1) В связи с длительным использованием материальных активов многие из них могут стать неэффективными, что требует проведения настоящего мероприятия.

2) Провести анализ использования нематериальных активов, которые могут стать базой в формировании новой номенклатуры и (или) источником необходимых ресурсов при их реализации.

3) Провести анализ видов выпускаемой продукции для возможности принятия обоснованного решения об увеличении объема производства, его сохранения, модернизации или свертывания [5].

4) Провести анализ использования финансовых активов (краткосрочных и долгосрочных) для принятия обоснованного решения о том, что для предприятия более выгодно с точки зрения его доходов – сохранение или продажа. Часто дочерние фирмы при банкротстве материнской фирмы могут стать её основой за счет своих ресурсов.

5) Провести анализ товаропроводящей сети, поскольку посреднические структуры могут быть источником полезной информации и дополнительного финансирования для финансово нестабильного предприятия.

6) Для достижения финансовой стабильности реорганизация предприятия (изменение производственной структуры и структуры управления предприятием) может проявиться как решающее условие [5].

7) Необходимо также провести анализ дебиторов и кредиторов и источников целевого финансирования, поскольку постоянные поставщики и покупатели, банки и разные федеральные ведомства находятся в технологической цепочке, стремясь стабилизировать производственную систему в целом, они способны оказывать консультационную и финансовую помощь.

8) Поскольку на практике переподготовка экономистов и финансистов отсутствует, а многие квалифицированные специалисты перешли в торговлю, сферы управления, финансово-кредитные учреждения и другие структуры, требуется повышение квалификации кадров и, прежде всего, высшего и среднего звена.

9) Требуется пересмотра маркетинговая политика, в неё необходимо добавить ассортиментную политику, обновление номенклатуры, оптимальную ценовую политику, а также политику продвижения товара и стимулирования сбыта.

10) Требуется реформирования система управления предприятием, система учета и контроля, внутренние хозяйственные отношения и методы и формы принятия управленческих решений. В качестве первоочередных задач требуются централизация управленческих функций и введение жесткой системы контроля затрат предприятия.

11) При выраженных тенденциях ухудшения финансового состояния наиболее эффективным считается мероприятие по реализации антикризисных инвестиционных проектов и программ, проводимое в совокупности с предложенными выше.

10. Расширение привлечения внешних источников финансирования на предприятия судостроения. В условиях плановой экономики финансовая непрозрачность судостроительной отрасли и предприятий обусловили практически полное отсутствие частных инвестиций, действующие же законодательные и другие нормативно-правовые акты по регулированию деятельности отрасли часто входили в противоречие с общими принципами гражданского законодательства. Реформирование судостроительной отрасли в первую очередь потребовало совершенствования нормативно-правовой базы для рыночных условий хозяйствования [6]. В результате этого проводимые преобразования во многом инициировали новые факторы, стимулирующие финансовую привлекательность предприятий для инвесторов.

11. Управление факторами динамики прибыли. Прибыль на предприятии может изменяться под влиянием многих факторов, как зависящих от уровня хозяйствования, так и не зависящих от него. Многие находятся в некоторой корреляционной зависимости друг с другом. Например, возрастание объема реализации продукции может сопровождаться некоторым снижением цены на неё. Кроме того, в таком случае нельзя исключать, что приобретение большего объема ресурсов не повлечет за собой увеличения цены на ресурсы. В известной степени рост объемов реализации может способствовать снижению затрат на единицу продукции и еще больше стимулировать снижение её себестоимости. Однако здесь возможно снижение качества продукции и, как следствие, падение спроса на нее.

Отмеченные негативные моменты следует погашать улучшением работы управленческого персонала организации за счет:

- периодического осуществления инвестиционных вложений и расширения производственного потенциала. Здесь следует ожидать возрастания постоянных расходов на продукцию;
- существенных изменений в применяемой технологии производства за счет инноваций и внедрения достижений научно-технического прогресса, позволяющих снизить переменные расходы на единицу продукции;
- планового обновления ассортимента продукции при повышении её качества и востребованности потребителем;
- расширения рынков сбыта товаров для населения в результате проведения маркетинговой политики.

Эти мероприятия в значительной степени способны устранить отрицательное влияние расчетных факторов на прибыль.

12. Мотивация участия в рационализаторской деятельности. Существенные результаты в повышении эффективности деятельности предприятия могут быть получены за счет повышения мотивации рационализаторов и изобретателей. Рационализатору следует выплачивать не менее 5 – 7 % от годовой экономии, что значительно выше установленного на предприятии размера вознаграждения. Такую сумму можно считать именно той величиной, которая способна мотивировать активность участия персонала в рационализаторской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симоненко, Н. Н. Современные проблемы экономики и управления / Н. Н. Симоненко, П. С. Протченко. – Хабаровск: ГОУВПО «ДВГУПС», 2005.
2. Осипов, С. Л. Долгосрочная финансовая политика предприятия : учеб. пособие / С. Л. Осипов, Н. Н. Симоненко, Р. В. Павлов. – Хабаровск: ГОУВПО «ДВГУПС», 2010.
3. Осипов, С. Л. Краткосрочная финансовая политика предприятия : учеб. пособие / С. Л. Осипов, Р. В. Павлов, Н. Н. Симоненко. – Хабаровск: ГОУВПО «ДВГУПС», 2010.
4. Протченко, П. С. Совершенствование системы управления производством промышленного предприятия : моногр. / П. С. Протченко, Н. Н. Симоненко. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2003.
5. Симоненко, Н. Н. Управление бизнес-процессами в предпринимательской деятельности / Н. Н. Симоненко, В. Н. Симоненко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 11-1. – С. 127-129.
6. Пашковский, М. Ю. Финансовое состояние предприятия, его устойчивость и развитие производства / М. Ю. Пашковский, Н. Н. Симоненко // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сб. статей 4-й Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – С.79-81.

Яковлева Т. А.
T. A. Yakovleva

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

STAFFING PROBLEMS FACED IN THE AREAS OF PRIORITY DEVELOPMENT WITHIN THE Khabarovsk Territory

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Senior Lecturer, Head of the Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения кадрами формируемых в Хабаровском крае территорий опережающего социально-экономического развития. Обозначена роль Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета в решении вопроса подготовки инженерных кадров различного уровня квалификации для нужд резидентов территорий опережающего развития.

Summary. The paper deals with staffing problems arising in the Khabarovsk Territory in the geographical areas of advanced or high-priority social and economic development. I try to emphasize the role of Komsomolsk-on-Amur State Technical University in addressing the challenge of training engineers of different qualification and skill types and levels to meet the needs of residents in such priority development zones.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, перспективная потребность в инженерных кадрах, кадровое обеспечение развития

Key words: territory of advanced socioeconomic development, prospective demand for engineering personnel, staffing support of socioeconomic development.

УДК 331.5(571.62)

Идея о необходимости и важности эффективного использования экономического потенциала Дальневосточного региона России неоднократно озвучивалась в выступлениях и публикациях самого различного уровня. Способствовать реализации этой идеи призваны территории опережающего развития (ТОР) с льготными налоговыми условиями и упрощёнными административными процедурами, сеть которых планируется создать на Дальнем Востоке.

Согласно Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», Дальний Восток нашей страны выбран в качестве своеобразной площадки для апробирования механизма по созданию и запуску ТОРов. В течение трех лет со дня вступления закона в силу территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) могут создаваться на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а по истечении трех лет – на территориях остальных субъектов Российской Федерации [1, ст. 35].

Предполагается, что дальневосточные ТОРы благодаря реализации предусмотренных в них инвестиционных проектов станут одним из инструментов экономического роста региона, что потребует более интенсивного использования уже задействованных и привлечения дополнительных ресурсов, в том числе трудовых. Для достижения поставленной цели необходимо определить перспективную потребность ТОРов в экономических ресурсах, оценить

ресурсные возможности региона и разработать соответствующий механизм обеспечения ресурсами, особенно дефицитными.

От субъектов Дальневосточного федерального округа в Минвостокразвития России поступило 17 заявок на создание территорий опережающего развития, в том числе три – от Хабаровского края. Потенциальными площадками для создания ТОРов в крае были выбраны:

1) село Ракитное Хабаровского района, где предполагается размещение логистических терминалов и разных видов производств;

2) поселок Заветы Ильича в Советско-Гаванском районе, где намечается создание рыбоперерабатывающего кластера, а также возможно развертывание новых объектов портово-логистической и производственной инфраструктуры, торговой логистики, дистрибуции, бункеровки и снабжения судов, судоремонта;

3) город Комсомольск-на-Амуре, который будет специализироваться на высокотехнологичных производствах в рамках авиа- и судостроительного кластера, а также на механической обработке для нужд авиационного завода.

Решением подкомиссии Правительства РФ по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке к практическому воплощению на территории Хабаровского края отобраны два проекта (табл. 1).

Таблица 1

Основные характеристики ТОР Хабаровского края [2]

Наименование ТОР / Местоположение	Площадь, га	Количество резидентов, ед.	Объем частных инвестиций, млрд р.	Объем государственных инвестиций, млрд р.	Число создаваемых рабочих мест, ед.
1. «Хабаровск», Хабаровский край	716	8	28,52	1,8	3 095
2. «Комсомольск», г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край	327	5	15,23	1,2	2 700

Одним из решающих критериев отбора стало наличие подтвержденного спроса инвесторов на реализацию проектов, а также степень проработанности вопросов инфраструктурного обеспечения. Глава Правительства РФ подписал распоряжение о господдержке в размере 16,5 млрд р. инвестпроектов на Дальнем Востоке по добыче золота, железной руды, кокса и перевалке угля [3]. Для ТОРов Хабаровского края инвесторами стали также такие частные российские компании, как «Технониколь», «Невада», «Группа Энергия», «МТЕ». Кроме того, планируется привлечение иностранных инвестиций. Например, Россия и Китай договорились о совместных инвестициях в инфраструктурные и другие проекты Дальнего Востока. Соответствующий меморандум подписан госкорпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», Российским фондом прямых инвестиций, Российско-Китайским инвестиционным фондом и Китайской инвестиционной корпорацией. Стороны планируют сосредоточиться на проектах, связанных с растущим спросом на новую инфраструктуру и логистику, добычей и переработкой природных ресурсов с высокой добавленной стоимостью, а также уделить внимание производственным и сервисным компаниям с высоким потенциалом [4].

Благодаря реализации указанных проектов на территории Хабаровского края предполагается создание около шести тысяч новых рабочих мест, а с учетом развития объектов инфраструктуры и действия мультипликативного эффекта в смежных видах экономической деятельности эта цифра может возрасти в несколько раз.

Напомним, что в очередности удовлетворения кадровой потребности ТОРов четко определены приоритеты: в первую очередь новые рабочие места создаются для дальнево-

сточников, во вторую, – для граждан Российской Федерации, если на Дальнем Востоке не окажется тех или иных квалифицированных кадров в нужном количестве. В особых ситуациях планируется привлекать рабочую силу из стран дальнего зарубежья.

Однако обеспечение создаваемых рабочих мест квалифицированными кадрами преимущественно за счет жителей края проблематично по многим причинам. Согласно показателям Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, рассчитанных для Хабаровского края, удовлетворенность предпринимателей доступностью трудовых ресурсов необходимой квалификации (показатель В4.2 в методике рейтинга [9]) составляет 3 балла из 5 возможных. Это означает, что в крае недостаточное количество трудовых ресурсов необходимой квалификации и низкая обращаемость как работодателей-предпринимателей в органы службы занятости населения за содействием в подборе подходящих работников, так и граждан – в поиске подходящей работы.

В распоряжении Правительства Хабаровского края отмечается, что на региональном рынке труда присутствуют серьезные проблемы: тенденция сокращения численности трудоспособного населения края; несоответствие территориального размещения вакантных рабочих мест и незанятой части экономически активного населения края; высокий уровень безработицы в отдельных муниципальных районах края (особенно в северных и сельскохозяйственных); несбалансированность между наличием свободных рабочих мест и качеством трудовых ресурсов, в том числе с учетом уровня квалификации; ограниченность трудовой мобильности рабочей силы, трудоустройство граждан, испытывающих трудности в поиске работы; низкая мотивация отдельных категорий безработных граждан к труду.

В связи с этим в регионе продолжают реализовываться мероприятия по повышению качества, доступности и развитию современных форм профессионального образования, повышению престижа рабочих профессий и подготовке высококвалифицированных рабочих, инженерных кадров [5].

Среди «якорных» учреждений профессионального образования формируемых ТОРов названо ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» («КнАГТУ»). Следовательно, университет может активно участвовать в решении задачи по обеспечению резидентов ТОР инженерными кадрами, причем различных уровней подготовки. Учитывая, что ТОР, создаваемый в Комсомольске-на-Амуре, будет специализироваться на высокотехнологичных производствах в рамках авиа- и судостроительного кластера, весьма актуальным является обучение по следующим направлениям подготовки и специальностям, набор на которые будет осуществляться в ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» на 2015/2016 учебный год (табл. 2 – 3).

В табл. 2 приведены направления подготовки и специальности, по которым в университете реализуются основные образовательные программы (ООП) высшего образования. Успешное освоение данных ООП дает обучающемуся право на получение квалификации бакалавр или специалист и возможность осуществлять соответствующие виды профессиональной деятельности. В табл. 2 можно также увидеть число бюджетных мест и планируемую численность студентов, которые будут обучаться на договорной основе, в том числе с указанием формы обучения (очная или заочная).

На протяжении нескольких лет более 70 % неудовлетворенного спроса со стороны реального сектора экономики приходится на кадры с начальным профессиональным образованием. Так, в 3-м квартале 2014 г. потребность в кадрах для замещения вакантных должностей, заявленных работодателями Хабаровского края, составила 83 285 единиц, из которых 65 444 единицы (78,6 %) – это вакансии по рабочим профессиям [6]. В то же время численность обучающихся в образовательных учреждениях начального профессионального образования Хабаровского края уменьшилась с 2009 по 2013 гг. на 26,3 %, а численность поступивших в высшие учебные заведения возросла на 13 %. Соответственно доля закончивших вузы в общей численности выпускников учреждений профессионального образования выросла на 8,4 %, достигнув значения 76,4 % [7].

Учитывая сложившуюся на краевом рынке труда ситуацию, ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» реализует восемь ООП по специальностям среднего профессионального образования, набор на которые на 2015/2016 учебный год будет осуществляться в объемах и по тем формам обучения, которые указаны в табл. 3.

Таблица 2

Направления подготовки и специальности, по которым ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» объявляет набор в 2015/2016 учебном году [8]

Наименование направлений и специальностей	Очное обучение		Заочное обучение		Всего	
	Бюджет	Договор	Бюджет	Договор	Бюджет	Договор
Машиностроение	15	5	0	35	15	40
Технологические машины и оборудование	0	0	0	35	0	35
Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств	30	4	–	–	30	4
Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии	15	3	0	35	15	38
Материаловедение и технологии материалов	13	2	0	20	13	22
Металлургия	–	–	0	20	0	20
Стандартизация и метрология	–	–	0	20	0	20
Электроника и нанoeлектроника	18	2	–	–	18	2
Биотехнические системы и технологии	13	2	–	–	13	2
Специальные электромеханические системы	12	2	–	–	12	2
Теплоэнергетика и теплотехника	15	3	0	30	15	33
Технология транспортных процессов	0	10	0	30	0	40
Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов	0	10	–	–	0	10
Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры	10	0	–	–	10	0
Строительство, ремонт и поисково-спасательное обеспечение надводных кораблей и подводных лодок	–	–	0	20	0	20
Прикладная механика	14	0	–	–	14	0
Самолето- и вертолетостроение	20	0	0	15	20	15
Информатика и вычислительная техника	20	0	–	–	20	0
Информационные системы и технологии	20	25	0	15	20	40
Химическая технология	27	3	12	8	39	11
ВСЕГО	242	71	12	283	254	354

Перечень специальностей, по которым ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» объявляет набор на обучение в 2015/2016 учебном году по ООП среднего специального образования [8]

Наименование специальности	Форма обучения		
	Очная	Очно-заочная	Заочная
Строительство и эксплуатация зданий и сооружений	15	–	20
Прикладная информатика (по отраслям)	30	–	–
Технология машиностроения	–	–	30
Металловедение и термическая обработка металлов	–	–	10
Обработка металлов давлением	–	–	10
Организация перевозок и управление на транспорте (морском)	15	–	–
Производство летательных аппаратов	–	15	–
Банковское дело	10	–	–
ВСЕГО	70	15	70

Учитывая, что подготовка по указанным образовательным программам потребует не менее четырёх лет обучения, в течение которых произойдет отсев порядка 20 % от численности набора, то в 2019 г. за счет выпускников ФГБОУ ВПО «КнАГТУ» первичный рынок труда пополнится примерно на 600 человек. Для того чтобы наиболее полно удовлетворить кадровые потребности формируемых ТОРов, необходимо уже сегодня сопоставить по численности и структуре наборы на технические направления подготовки и специальности в краевых вузах с перспективной потребностью в соответствующих специалистах резидентов ТОР Хабаровского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html>
2. Стали известны первые ТОРы на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1894964.html>
3. О распределении субсидий, предоставляемых в 2014 г. из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на софинансирование расходов на реализацию мероприятий, включенных в программы субъектов РФ, разработанные на основе примерной программы субъекта РФ по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 31 марта 2014 г. № 484-р – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70626132/>
4. Братья навек: РФ и Китай договорились об инвестициях в Дальний Восток [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг 22.03.2013. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics>
5. О состоянии рынка труда и мерах по снижению безработицы в Хабаровском крае [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Хабаровского края от 3 февраля 2015 г. № 41-рп – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/xabar/607586>
6. Динамика численности безработных граждан. Сведения о потребности в работниках [Электронный ресурс] // Комитет по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. – Режим доступа: www.uprgan.khv.ru/home/tinok/statall/stat.aspx
7. Хабаровский край: статистический ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. – Хабаровск, 2013. – 326 с.
8. Официальный сайт ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
9. Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Улучшение инвестиционного и делового климата Хабаровского края» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Хабаровского края от 19 декабря 2014 г. № 495-рп – Режим доступа: <http://www.invest.khv.gov.ru>

Антонова И. И.
I. I. Antonova

АНАЛИЗ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ МЕТОДОМ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

ANALYSIS OF MOTIVATIONAL FACTORS BY EXPERT ASSESSMENT

Антонова Ирина Иосифовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Lukeria97@mail.ru.

Ms. Irina I. Antonova – Ph.D. in Education, Assistant Professor, Department of Economics and Financing, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Lukeria97@mail.ru

Аннотация. В статье приведён пример использования метода экспертных оценок, его статистическая обработка для изучения мотивации персонала и формирования эффективной системы мотивации в организации. На основе проведённых анкет рассчитаны уровень согласия анкетированных, определена доля мотивационных факторов в общем объёме совокупности. На основе проведённого анализа разработаны рекомендации по формированию эффективной системы мотивации в организации.

Abstract. This study is an example of application of the expert analysis method, and its statistical treatment for the purposes of studying employee motivation and for establishing an effective system of employee incentive in an enterprise/organization. On the basis of a questionnaire survey, I have calculated the rated level of agreement of the respondents, and determined the share of motivational factors in the total population. Relying on the analysis' results, I suggest a series of recommendations for the making of an effective system of employee incentive in an organization.

Ключевые слова: метод экспертных оценок, мотивационные факторы, коэффициент конкордации, ранжирование, парное сравнение.

Key words: expert evaluations method, motivational factors, concordance coefficient, ranking, paired comparison.

УДК 311

Метод экспертных оценок является достаточно популярным методом получения информации и принятия решений, особенно в случаях чрезвычайной сложности проблемы, её новизны, т.е. в условиях риска и неопределённости, а также когда невозможна математическая формализация процесса принятия решения.

Существует несколько вариантов получения экспертных оценок: метод Дельфи, мозговой штурм, метод сценариев, методы ранжирования, метод весовых коэффициентов, метод последовательных сравнений и т.д.

Наиболее распространёнными и простыми с точки зрения статистической обработки мнений экспертов являются методы ранжирования. Ранжирование – это расположение объектов в порядке возрастания или убывания какого-либо присущего им свойства. Ранжирование позволяет выбрать из исследуемой совокупности факторов наиболее существенные. Различают парное ранжирование, непосредственную оценку и простую ранжировку.

Парное сравнение – это установление предпочтения объектов при сравнении всех возможных пар. Здесь не нужно, как при ранжировании, упорядочивать все объекты, необходимо в каждой из пар выявить более значимый объект или установить их равенство. Этот метод предполагает сравнение каждых двух факторов по десятибалльной шкале. Каждый эксперт заполняет таблицу, присваивая каждой паре факторов в сумме 10 баллов, определяя долю каждого фактора в паре.

Балльный метод или непосредственная оценка. Суть данного метода заключается в том, что эксперты ранжируют объекты анализа и присваивают каждой характеристике объекта оценку (балл). Таким образом не только определяется наиболее предпочтительный объект, но и выявляется значимость его характеристик. Чаще всего оценка (балл) изменяется от 0 до 10, поскольку именно это интервал даёт более объективную оценку и не затрудняет работу экспертов.

Метод простой ранжировки заключается в том, что каждого эксперта просят расположить признаки в порядке предпочтения.

Метод ранжирования не лишён субъективизма, так же как и все остальные методы экспертных оценок. Поэтому важное значение имеет выбор экспертов. Но в некоторых ситуациях именно субъективный взгляд на проблему необходимо изучить. Например, при изучении мотивации работников. Поскольку мотивационные факторы работниками и руководителями могут восприниматься и оцениваться по-разному, применение метода экспертных оценок даёт возможность получить информацию для разработки эффективной системы мотивации и внесения корректив в уже существующую систему для повышения её эффективности.

Рассмотрим применение данного метода на конкретном примере. Целями анализа являются получение информации о мотивирующих факторах и разработка мер по совершенствованию системы мотивации в организации: от выработки политики мотивации до определения способов индивидуальной мотивации конкретных работников.

Для проведения анкетирования было выбрано 30 работников организации из разных отделов и служб. Респондентам было предложено проранжировать по мере важности факторы, более всего влияющие на мотивацию к работе. Анкетирование проводилось анонимно. Анкета содержала следующие вопросы:

Как вы считаете, какие из перечисленных факторов более всего влияют на вашу мотивацию к работе? Расположите их в порядке убывания по степени важности.

1. Материальная удовлетворённость.
2. Условия труда.
3. Психологический комфорт.
4. Продвижение по службе.
5. Творческий характер работы.
6. Удовлетворённость результатами труда.

Результаты анкетирования представлены в табл. 1.

Фактор, у которого сумма рангов наименьшая, считается наиболее значимым фактором мотивации. Процедура ранжирования факторов завершается расчётом коэффициента конкордации, показывающим степень согласованности мнений экспертов. Коэффициент конкордации изменяется от 0 до 1. Чем более согласованы мнения экспертов, тем он ближе к 1. Коэффициент конкордации можно рассчитать по формуле

$$W = 12S / m^2 * (n^3 - n),$$

где S – сумма квадратов отклонений суммы рангов по каждому фактору и средней суммы рангов; m – число экспертов; n – число факторов.

Средняя сумма рангов рассчитывается по формуле $S = m*(n + 1)/2$.

Промежуточные расчёты произведены в табл. 2.

Сумма квадратов алгебраических разностей $K = 10\,130$. Коэффициент конкордации равен 0,6432.

Значимость коэффициента конкордации проверяется на основе χ^2 – критерия Пирсона, который может быть вычислен по следующей формуле:

$$\chi^2 = 12S / m * n (n - 1).$$

В нашем случае $\chi^2 = 135$, что выше критического табличного значения (43,77) при вероятности 0,95, что подтверждает значимость коэффициента.

Таблица 1

Ранжирование факторов по мере их важности

Анкета	Номер фактора						Сумма
	1	2	3	4	5	6	
1	1	2	3	5	4	6	21
2	1	3	4	2	5	6	21
3	1	3	2	4	6	5	21
4	1	4	3	6	2	5	21
5	3	2	1	5	4	6	21
6	1	2	3	5	6	4	21
7	1	2	4	5	3	6	21
8	2	3	1	4	5	6	21
9	1	3	2	4	6	5	21
10	2	1	3	5	6	4	21
11	1	2	5	4	6	3	21
12	1	3	2	4	5	6	21
13	2	1	3	5	4	6	21
14	1	2	4	3	5	6	21
15	1	3	2	5	4	6	21
16	1	2	3	5	6	4	21
17	1	3	4	2	6	5	21
18	2	4	1	3	5	6	21
19	1	2	3	5	6	4	21
20	2	1	3	5	6	4	21
21	2	3	4	1	6	5	21
22	1	2	5	4	6	3	21
23	1	3	2	4	6	5	21
24	1	4	3	6	2	5	21
25	1	3	2	5	4	6	21
26	3	1	2	5	6	4	21
27	1	3	2	4	6	5	21
28	1	3	4	6	2	5	21
29	1	2	3	4	5	6	21
30	2	3	1	5	4	6	21
Всего	41	75	84	130	147	153	630

Таблица 2

Оценка согласованности мнений экспертов

Показатели	1	2	3	4	5	6
1. Сумма рангов	41	75	84	130	147	153
2. Среднеарифметическая сумма рангов	105	105	105	105	105	105
3. Алгебраическая разность	-64	-30	-21	25	42	48
4. Квадраты разностей	4096	900	441	625	1764	2304

При изучении мотивации высокий уровень согласованности мнений анкетированных говорит о том, что во всех отделах и службах организации доминируют одни и те же мотивационные факторы. Если коэффициент конкордации меньше 0,4, то мнения анкетированных не согласованы – значит действуют разные мотивационные факторы в разных группах работников. В этом случае необходимо изучить уровень оплаты труда, особенности условий труда различных категорий работников, их возраст, уровень образования, характер выполняемых функциональных обязанностей. На основе данных различий работники делятся на группы, и в каждой группе изучаются мотивационные факторы. Тогда система мотивации будет иметь свою специфику исходя из особенностей отдельных групп работников.

Следующий этап анализа мотивационных факторов – количественное определение доли каждого фактора. Долю каждого фактора можно определить методом парных сравнений (см. табл. 3).

Таблица 3

Эксперт № 1: попарное сравнение факторов

Фактор	1	2	3	4	5	6	Сумма
1	-	6	7	7	8	9	37
2	4	-	6	8	7	9	34
3	3	4	-	6	7	8	28
4	3	2	4	-	4	7	20
5	2	3	3	6	-	8	22
6	1	1	2	3	2	-	9
Итого	13	16	22	30	28	41	150

Для матрицы шесть на шесть каждый эксперт должен сделать 15 оценок по 10 баллов, что в итоге даёт 150 единиц.

После получения анкет попарного сравнения от экспертов результаты суммируются (см. табл. 4).

Таблица 4

Сводная анкета попарного сравнения

Фактор	1	2	3	4	5	6	Сумма
1	-	289	238	237	267	327	1358
2	180	-	161	165	193	202	901
3	166	135	-	159	180	206	846
4	117	97	135	-	82	154	585
5	95	92	85	78	-	86	436
6	71	59	84	79	81	-	374
Итого	629	672	703	718	803	975	4500

Доля каждого фактора представлена в табл. 5.

Таблица 5

Доля факторов в общем объёме совокупности

Фактор	Расчёт	Доля факторов, %
1	$1358/4500 = 0,2893$	30,18
2	$901/4500 = 0,202$	20,02
3	$846/4500 = 0,1886$	18,8
4	$585/4500 = 0,13$	13,0
5	$436/4500 = 0,1182$	9,69
6	$374/4500 = 0,01717$	8,31

Таким образом, по результатам исследования факторов мотивации в организации можно сделать следующие выводы:

– основным мотивирующим фактором является материальная удовлетворённость от работы. Это даёт возможность использовать материальное стимулирование для повышения производительности и эффективности труда. В данной организации имеет смысл разработать систему стимулирования и премирования, увязывающую материальное вознаграждение и результаты труда;

– на втором месте по значимости находятся факторы, связанные с условиями труда и психологическим комфортом на работе (20,02 и 18,8 % соответственно). Следует это учитывать при введении новых технологий, систем оплаты труда и т.д., т.е. при изменении условий, влияющих на данные мотивационные факторы;

– факторы, связанные с карьерным ростом, творческим характером труда, результатами труда, имеют довольно небольшое влияние на мотивацию к работе. Если это не связано со спецификой работы, возможно нужны дополнительные исследования, дающие возможность выяснить причины столь низкой ориентации на внутреннюю удовлетворённость от работы. Низкий уровень данных факторов необходимо учитывать при делегировании заданий, связанных с новыми должностными обязанностями, ответственностью. При отсутствии дополнительных материальных стимулов процесс делегирования может блокироваться, что отразится на качестве выполняемой работы. Если нет заинтересованности в получаемых результатах труда, если их достижение не контролируется, работники могут прийти к выводу, что их работа просто не имеет какой-либо ценности.

Создание и поддержание мотивации является достаточно сложным делом. Действительные мотивационные факторы трансформируются в зависимости от особенностей работников, поставленных задач и времени. Поэтому необходимо исследовать мотивационные факторы, определяющие поведение работников, и на этой основе формировать систему мотивации и стимулирования в организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория статистики : учеб. / Р. А. Шмойлова, В. Г. Минашкин, Н. А. Садовникова, Б. Б. Шувалова; под ред. Р. А. Шмойловой. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 656 с.
2. Тузова, А. А. Мотивация персонала / А. А. Тузова. – М.: ИНТУИТ, 2011. – 100 с.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

КРАПИВНИК Е. В. ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЯ: АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ: МОНОГРАФИЯ. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2014. – 144 с.

KRAPIVNIK E. V. CVETONAIMENOVANIJA: ASPEKTY SISTEMATIZACII: MONOGRAFIJA - M.: FLINTA: NAUKA, 2014. – 144 s. (KRAPIVNIK E. V. COLOUR NAMES IN LANGUAGE: SYSTEMATISATION ASPECTS. A MONOGRAPH. – MOSCOW: FLINTA PUBLISHING: NAUKA PUBLISHERS, 2014)

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – D.Sc. in Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Считается, что в гуманитарной науке среди прочих есть специфически мужские и исключительно женские темы исследований. Если это так, то анализ цветообозначений, несомненно, относится к числу маркировано женских тем. С учётом гендерных особенностей и приоритетов это вполне логично. Женское восприятие цвета изощрённее мужского, более детализировано, для женщин внимание к сочетаниям цветов и подбору предметов в тон куда более характерно, чем для мужчин.

Считается также, что в науке существенно различаются мужской и женский тип анализа и изложения материала. Для мужского характерна большая строгость и стремление к концептуальным обобщениям. Женский характеризуется большей скрупулезностью анализа и меньшей систематичностью. И это тоже чётко соотносится с гендерными особенностями мужской и женской речи, напрямую ими предопределяется.

Если две обозначенные дихотомии верны (а многое за то, что это так и есть), то рецензируемая монография – прекрасный образец реализации женской темы в мужском формате. Отмечу, что согласно «Большому толковому словарю» второе значение прилагательного «мужской» сопровождается совокупностью позитивных коннотаций: «<...> характеризующийся суровостью, твёрдостью, честностью и т.п.». В разговорной речи этих коннотаций гораздо больше: «правильный, надёжный, отвечающий за своё слово, обдуманый». Это я к тому, что «мужской формат исследования» – комплимент, фиксирующий то, что исследование чётко, прозрачно, логично, последовательно, доказательно и правильно. Чтобы избежать незаслуженных обвинений в сексизме, уточню, что у слова «женский» тоже масса позитивных ассоциаций, просто они из иной области, для данной рецензии не актуальной.

Автор чётко формулирует свои научные предпочтения и не отступает от них. С середины XX века структурализм – едва ли не самый авторитетный, продуктивный и доказавший свою познавательную мощь метод. Обращаясь к нему, автор выстраивает убедительные модели, раскрывающие систематику цветообозначений. Анализ и выводы базируются на строго структурированном восприятии материала, при котором раскрывается взаимообусловленная связь между его компонентами. Многомерная классификация единиц и типологическая дифференциация их признаков могут считаться одним из основных достоинств работы, представляющей древний пласт лексики, укоренённой в языковой картине мира и организующей её, в качестве целостного конгломерата взаимообусловленных номинаций. Наличие и сущность оппозиций, структурирующих цветонаименования в единое системное множество, раскрыты полно и последовательно.

Работа состоит из трёх глав: «Метаязык описания цветоименований», «Типология цветоименований», «Система цветоименований русского языка». Среди широкой гаммы предложенных автором решений наиболее продуктивным представляется разделение цветоименований на автологические: *белый потолок*, металогические: *белый офицер*, и тропеические: «<...> *выступ в виде карниза столярного изделия, сизо-серизового, изошрэнно приподнятый морщью оливковых полуколонн межколонных, выглядывал из-за листвы желтокаррей <...>*» (А. Белый «Маски»).

Единицы последнего типа наиболее сложны и интересны по своей внутренней организации, поскольку связаны с приращением художественных смыслов и приобретением эстетического потенциала. Их семантическую природу можно охарактеризовать словами А. Белого, помещёнными им в «Вместо предисловия» к роману (эпической поэме) «Маски»: «Наконец: право автора раскрашивать душевное содержание героев предметами их быта, оговариваюсь: цвета обоев, платья, краски закатов, – все это не случайные отступления от смысловой тенденции у меня, а – музыкальные лейтмотивы, кропотливо измеренные и взвешенные. Кто не примет этого во внимание, тот в самом смысле не увидит смысла, ибо я стараюсь и смысл сделать звуковым и красочным, чтобы, наоборот, звук и краска стали красноречивы».

Автор справедливо обращает внимание на то, что адекватный анализ цветоименований требует обращения к самым различным областям человеческого знания. Спектр цветов представлен в соотношении с типами речи. Должное внимание уделено прагматике и тропам. Задачи, которые ставил перед собой автор, доказательно и качественно выполнены.

Могу наметить для автора новый исследовательский горизонт. В русском (и не только) языке масса слов, для которых обозначение цвета – периферийный компонент значения. Приведу произвольный пример – завершение девятого сонета из венка сонетов М. Волошина «Lunaria»: «Ни сумрака, ни воздуха, ни вод – / Лишь острый блеск гранитов, сланцев, шпатов. / Ни шлейфы зорь, ни веера закатов // Не озаряют чёрный небосвод, – / Неистово порывист и нескладен / Алмазный бред морщин твоих и впадин». Ни одно существительное в этом отрывке не обозначает цвет, но большинство из них содержат в своих значениях цвет в качестве периферийного компонента или сопровождаются им как коннотативным компонентом. Думаю, что исследование лексики такого типа в рамках предложенного автором подхода было бы продуктивным, интересным и позволяющим детализировать общую картину как в номинативном, так и в функциональном аспектах.

Вспомним волшебный калейдоскоп. Зеркала в его устройстве превращают хаотичный набор разноцветных стекляшек в удивительный и чёткий в своей графической завершенности узор, по сути, в каком-то смысле, преобразуют хаос в гармонию, трансформируют обычное в завораживающе прекрасное. Автору монографии удалось найти нужные зеркала, расположить их в верных местах и представить аморфное при поверхностном взгляде поле восприятия цветов в виде выверенного узора, обладающего, в придачу к своей эстетической ценности, ещё и объяснительной силой, эвристическим потенциалом и той мерой лаконичной законченности, которая необходима для настоящего научного исследования.

Книга, несомненно, будет полезна не только лингвистам, но и семиотикам, рекламщикам, дизайнерам, модельерам, – всем, кто работает с цветом. Востребованность определяется тем, что цветовая палитра русского языка в монографии чётко, систематически семантизирована. Из монографии можно черпать информацию не только о том, какие цвета актуальны для языкового коллектива, но и о том, как они взаимодействуют между собой, какими первичными и вторичными значениями сопровождаются в сознании носителя языка. А это необходимая отправная точка для построения традиционных и новых сочетаний, поиска новых гармонических или кричащих соотношений. Это одинаково важно и для понимания наполненного цветом мира природы, и для конструирования во многом базирующегося на цвете мира моды.

Киба Д. В.
D.V. Kiba

ПЕТРУНИНА Ж. В. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. - КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2014.

PETRUNINA ZH.V. AREA STUDIES: A MANUAL. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY PUBLISHING, 2014.

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; 8(4217)59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 50 - 336, Komsomol Str., Komsomolsk-on-Amur, 681021; + 7 (4217) 591640. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Учебное пособие Петруниной Ж. В. «Регионоведение» предназначено для студентов направления «Документоведение и архивоведение», изучающих научную дисциплину «Регионоведение». Данное пособие является весомым дополнением учебно-методической базы дисциплины, созданной отечественными исследователями. Изучение региональной истории в настоящее время представляется необходимым в связи с интенсивными международными процессами экономического, политического и культурного взаимодействия.

Пособие состоит из шести разделов, в конце каждого из которых приводится список контрольных вопросов, способствующих систематизации, упорядочению и анализу рассматриваемого материала.

Автор издания рассматривает такие основные понятия и теоретические основы дисциплины, как глобализация, регионализм, регион. В работе представлены методы, используемые в регионоведческих исследованиях, классификации регионов, дискуссионные вопросы, связанные с определением границ последних.

Петрунина Ж. В., прослеживая формирование политико-географической карты мира в V-XXI вв., называет особенности образования Европы в период средних веков, выделяет специфику взаимоотношений между европейскими странами в XVI – XIX вв., дает характеристику основным регионам современного мира. Отмечается, что, несмотря на интенсивные процессы глобализации и интеграции, регионы мира в настоящее время по-прежнему сохраняют свои специфические черты.

Значительное внимание автор уделяет особенностям регионального развития России. На современном этапе регион является субъектом экономики, призванным выполнять определенные экономические и социальные функции. Регионы нашей страны отличаются по национальному, социальному составу, территории, уровню экономического, культурного развития. В силу данных обстоятельств проблемы региональной политики являются актуальными для российского государства. В пособии прослеживаются попытки решения региональных вопросов, нашедших отражение в программах Правительства Российской Федерации.

Автор отмечает, что сохранению проблемных полей реализации региональной политики способствует неэффективное взаимодействие федеральных и региональных властей. В результате не удастся повысить экономический уровень жизни отдельных регионов.

Особенности развития регионов России связаны с их географическим положением. Петрунина Ж. В., прослеживая административно-территориальное деление страны в XVIII-XXI вв., дает характеристику основным изменениям административно-территориального деления страны в досоветский период, определяет специфику изменений административно-территориальной структуры советского и современного этапов.

В разделе «Экономическое районирование России» рассматриваются основные принципы районирования, характеристики района. Автор отмечает, что экономическое районирование современной России включает три звена: крупные экономические районы, районы среднего звена и низовые районы. По уровню экономического развития территория современной России разделена на одиннадцать районов, каждый из которых имеет определенную специфику. В пособии определяется стратегия, основные стадии развития регионов. Автор останавливается на проблеме распространения свободных (специальных, особых) экономических зон, определяя их цели, приводя классификацию СЭЗ и рассматривая типы СЭЗ Российской Федерации.

Содержательно и исчерпывающе раскрыты и проанализированы положение и социально-экономические проблемы Дальневосточного региона России. Петрунина Ж. В. отмечает, что последний является активным участником международных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автором дана характеристика административно-территориального деления Дальневосточного федерального округа, охарактеризованы основные отрасли промышленности региона. Определена специфика транспортного развития Дальнего Востока страны, выделены основные проблемы данной отрасли. Петрунина Ж. В. отмечает, что для участия России в международных перевозках стран АТР большое значение имеет состояние железных дорог, пропускная способность последних.

Китайскую Народную Республику, Японию, Республику Корея привлекают сельскохозяйственные площади Дальнего Востока страны. Ресурсный аграрный потенциал региона способен стать генератором экономического продвижения нашей страны в АТР и катализатором ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока в целом. Таким образом, роль Дальневосточного экономического района в современных геополитических процессах страны определяется его участием в международных процессах в АТР.

Автором учебного пособия проделана большая работа по поиску, отбору картографического материала. Карты федеральных округов Российской Федерации, Дальневосточного Федерального округа помогут студентам изучить проблемы районирования России и Дальневосточного региона страны.

Пособие может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы студентов при изучении курсов «Регионоведение», «История России», «Всеобщая история».

Кибя Д. В.
D. V. Kiba

МАЛЫШЕВА Н.В., ЧИБИСОВА О.В., ШУШАРИНА Г.А. ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ, 2015.

MALYSHEVA N. V., CHIBISOVA O. V., SHUSHARINA G. A. ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF UNIVERISTY STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES: TEACHING GUIDE. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY PUBLISHING, 2015.

Кибя Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; 8(4217)59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 50 - 336, Komsomol Str., Komsomolsk-on-Amur, 681021; + 7 (4217) 591640. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Учебное пособие Малышевой Н. В., Чибисовой О. В., Шушариной Г. А. «Организация научно-исследовательской деятельности студентов» предназначено для учащихся всех курсов высших учебных заведений различных направлений и специальностей.

В настоящее время научно-исследовательская работа (НИР) студентов является одним из компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста. В ходе НИР студенты осваивают основы профессионально-творческой деятельности, навыки выполнения различных видов проектных, исследовательских работ. От грамотной организации НИР зависит степень её эффективности. В данной связи предложенное пособие является актуальным и необходимым средством организации самостоятельной научной работы студентов.

Пособие состоит из шести разделов, заключения, списка рекомендуемой литературы и приложений. В конце каждого раздела приводятся задания, способствующие закреплению и усвоению материала.

Авторы учебного пособия разработали алгоритмы и рекомендации для различных типов научно-исследовательской деятельности студентов: реферат, курсовая работа, эксперимент, выпускная квалификационная работа.

Первый раздел посвящен организации самостоятельной работы студентов. В предложенном пособии определяются цели и роль самостоятельной работы в учебном процессе. Раскрыты этапы организации самостоятельной работы: период начальной организации и период самоорганизации. Авторы выделяют два вида самостоятельной работы: аудиторную работу, организованную на занятиях под руководством преподавателя, и внеаудиторную работу, осуществляемую без контроля и участия педагога. В пособии подробно охарактеризованы четыре типа самостоятельной работы, каждому типу соответствуют определенные задания, приведены приемы активизации самостоятельной работы. Авторы отмечают, что грамотная организация самостоятельной работы студентов способствует успешному усвоению знаний, формирует культуру умственного труда.

Во втором разделе даются рекомендации по написанию реферата, определяются типы, виды, структура последнего. При написании реферата формируется умение работать с научной и учебной литературой, навык письменного изложения собственной концепции и мыслей, поэтому данная работа является важным видом самостоятельной деятельности студентов. Авторы определяют содержание реферата. При написании введения студенты часто сталкиваются с определенными трудностями при обосновании актуальности темы, формули-

ровке цели и задач исследования. В учебном пособии приводятся примеры обоснования актуальности, способствующие усвоению теоретического материала. В учебном пособии определены этапы работы над рефератом, разработаны рекомендации по подготовке презентации.

В разделе «Эксперимент» выделены виды экспериментов, представлены дефиниции, используемые при экспериментальных методах исследования, охарактеризованы этапы проведения эксперимента.

Четвертый раздел посвящен курсовой работе. Определяются компетенции, которые формируются при написании курсовой работы. Определяются стадии работы над последней, приводится примерный календарный план выполнения задания. В пособии очерчивается структура курсовой работы, и даются рекомендации по написанию каждой структурной части. Особое внимание авторы уделили обоснованию актуальности избранной темы, формулировке объекта и предмета, цели и задач исследования. В предложенном пособии раскрывается содержание основной части курсовой работы, даются образцы выводов и заключения. Определяется, что одним из основных критериев оценки курсовой работы является владение студентом научной речью. В пособии определены основные черты научной речи, выделены лексические, морфологические, синтаксические особенности последней.

Раздел «Научная публикация» ориентирован на работу студентов с первоисточниками. Отмечено, что к научным публикациям относятся статьи, тезисы докладов, монографии. Навык написания последних является важным умением, формирующим культуру научного труда. В пособии показываются отличительные особенности аннотации, приводятся клишированные выражения на русском и английском языках, даются рекомендации по написанию текста научной статьи и тезисов, приводится рекомендуемый список журналов, принимающих статьи студентов и аспирантов.

Шестой раздел посвящен написанию выпускной квалификационной работы (ВКР). Определяются характеристики выпускной квалификационной работы бакалавра, дипломной работы, магистерской диссертации. Раскрывается порядок разработки и выбора темы выпускной работы, обязанности научного руководителя, этапы подготовки исследования. Авторы описывают требования к структуре и оформлению выпускной работы. Особое внимание в пособии уделено процедуре защиты ВКР, перечислены критерии ее оценки.

В приложениях представлено полное описание психолингвистического эксперимента и дневник выпускника, представляющий собой алгоритм подготовки выпускной квалификационной работы.

Предложенное учебное пособие будет способствовать организации и совершенствованию научно-исследовательской работы студентов, развитию творческой активности учащихся.

Костюрина Н. Ю.
N. Y. Kosturina

**ТРАДИЦИОННЫЕ СКРЕПЫ ТОТАЛИТАРИЗМА:
РЕЦЕНЗИЯ НА ПОСОБИЕ И.И. ДОКУЧАЕВА И Л.Д. ЧЕРНЫШЕВОЙ
«АКСИОЛОГИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ». – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ:
ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2014. - 227 С.**

**TRADITIONAL 'TIES AND BONDS' OF TOTALITARISM: A REVIEW OF A STUDY-
BOOK BY I.I. DOKUCHAEV AND L.D. CHERNYSHEVA "AXIOLOGY OF TOTALITAR-
IAN CULTURE" – KOMSOMOLSK-ON-AMUR UNIVERSITY PUBLISHING, 2014.
(DOKUCHAEV I.I., CHERNYSHEVA L.D. AKSIOLOGIJA TOTALITARNOJ KULTURY.
– KOMSOMOLSK-NA-AMURE: FGBOU VPO «KNAGTU», 2014. - 227 S)**

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kosturina@mail.ru.

В условиях современной социокультурной ситуации в России представляется слишком своевременной публикация пособия, посвященного анализу исторических форм тоталитарной культуры.

Пособие адресовано студентам, обучающимся по направлениям «Социология», «Юриспруденция», «Политология», «История», «Философия», «Культурология» и др., и, очевидно, имеет кроме теоретического значения практический, прикладной характер.

Основой предложенной в исследовании культурологической концепции тоталитаризма стала аксиологическая модель культуры, представленная в работах И.И. Докучаева, в т.ч., в его монографии 2009 г. «Ценность и экзистенция: Основоположения исторической аксиологии культуры» [1].

Авторы исходят из понимания ценности как «модели, глубинной порождающей структуры культуры, ее своеобразного генетического кода. Ценность как идеальная модель никогда полностью не опредмечивается, но направляет любой процесс опредмечивания и задает его результат» (С. 16).

В тексте пособия последовательно различаются аксиологические структуры креативного и традиционного типов культур, объединенные вокруг экзистенциальной ценности, т.е. смысла жизни. Вариантами экзистенциальных ценностей выступают спасение души, достижение общего блага, господство отдельной нации, достижение социальной справедливости.

Аксиологическими комплексами для традиционной культуры становятся социум как субъект культуры, традиция, вера/религия; для креативной – личность, творчество, наука. Схема ценностных моделей исторических типов тоталитарной культуры представлена на с. 28.

Тоталитаризм рассматривается как форма кризиса ценностей креативной культуры. Модернизация культуры и, в целом, доминирование новации над традицией, по мнению авторов, приводит к тоске по прошлому, «разочарованию в нововведениях» («социально-психологический комплекс»), и, в результате, к отказу от ценностей креативной культуры, реанимации аксиологического комплекса традиционной культуры. Следует подчеркнуть, что эта архаизация культуры представляется как насильственная.

Содержанием пособия стали анализ и репрезентация исторических форм тоталитарной культуры. Ценностной модели каждого типа культуры посвящена отдельная глава – государственному тоталитарному (н-р, абсолютизму), классовому тоталитаризму (н-р, социа-

лизму или коммунизму), националистическому тоталитаризму (н-р, фашизму), религиозному тоталитаризму (н-р, исламизму).

Структура каждой главы включает характеристику социальных институтов (1), типа человека (2), практической/производственной деятельности (3), образования (4), быта, досуга (5), искусства (6) и науки (7), т.е. по 7 параграфов в главах 2 – 5. Основной целью, объясняющей такую структуру пособия, становится «построение упорядоченной системы ценностных моделей исторических типов» тоталитарной культуры (с. 12).

Материал каждой главы систематизирует и обобщает результаты отдельных исследований, в основном, исторического плана, в приложениях предложены вопросы для самопроверки.

Самостоятельный интерес представляют собой приложения к основной части, три очерка, написанные И.И. Докучаевым, объединенные общей проблематикой «беглого взгляда на фасады» современного тоталитаризма, причем два из них становятся своего рода попыткой сопоставить теоретические выкладки, содержащиеся в третьей («Ценностная модель классово-тоталитарной культуры») и пятой («Ценностная модель тоталитарной культуры исламизма») главах с впечатлениями путешественника.

Задачей первого очерка «Традиционная культура сегодня: Иран – глобализация и поиск самоидентичности» становится осмысление основного содержания мифа об Иране, его элементов, трансформации, факторов трансформации и поиск артефактов, наполнивших бы аксиологическую модель религиозной тоталитарной культуры живым актуальным содержанием.

Фактология подчинена авторской стратегии – рассмотреть современную культуру Ирака как сформированную тенденциями к глобализации и локализации; кроме того, сами традиционные ценности, возврат к которым и рационализация которых становятся, по мнению автора, основой тоталитарной культуры, представлены достаточно разнообразными: «Иран – своего рода культурный палимпсест. Текст его культуры – шиитский ислам – написан поверх зороастрийской основы. Сегодня зороастризм жив в Иране, причем, как в своем первоизданном виде, так и в перформативном шиитском изложении» (с. 209). Подобное же разнообразие автор стремится увидеть в повседневной культуре Ирана (упоминаются различные «фасоны хиджабов», иноконфессиональные церкви, изображения людей и животных в мечетях и т.д., доступный интернет и мобильная связь, многоженство и «временный брак»). Разнообразие это, тем не менее, не исключает экономической изоляции государства (санкции), регламентации социальной и частной жизни (запрет социальных сетей, сухой закон) и пр. Важными элементами размышления оказываются и представления о форме осуществления социальной справедливости в Иране: «государство выплачивает своим гражданам небольшие суммы из прибыли от продажи нефти», «доходы тратятся на социальное развитие». Представление об «ужаснейшем компоненте, которым является насилие», становится ключевым для характеристики тоталитарного типа культуры Ирана, не снимая, впрочем, впечатления двойственности, сложности авторской оценки – отрицания/осуждения насилия над человеком, противного человеческой природе, но и восторга перед мощью и своеобразием иранской культуры. Перспективы модернизации Ирана видятся автору не вполне прозрачными.

Второй очерк, посвященный Северной Корее («Социализм сегодня. Северная Корея – перспективный опыт или уникальный пережиток»), тоже производит противоречивое впечатление. С одной стороны, автору явно важны культурная индустрия/инфраструктура столицы, чистота и обустроенность Пхеньяна, парадность и формы монументальной пропаганды, целерациональность поведения жителей, одновременно восхищают и пугают мемориальные комплексы, формы проявления «мощной жизненной энергии» культа вождя. Однозначно наивным и неактуальным для автора выглядит уровень обсуждения политических и философских проблем «адептами Чучхе».

Заканчивается эссе размышлениями о балансе свободы и насилия в деятельности государства, и представляется очень даже возможным, что в таком балансе видится автору идеал гармонии... Впрочем, Северная Корея, как и современная Россия оказываются далекими от этого идеала, не предоставляя гражданину, личности права и возможности свободного выбора ценностных ориентаций.

В третьем очерке «Тоталитаризм и авторитаризм. Современная Россия: тенденции и перспективы» дан экспресс-анализ форм культурной динамики России сегодня, которые, по мнению автора, свидетельствуют, что «перспектив у отечественного авторитаризма перерастить в тоталитаризм сегодня нет». В целом, в тексте очерка сделан акцент на юридической оценке отдельных государственных инициатив; кроме того, нельзя не отметить и публицистического пафоса в этом последнем разделе пособия, что, впрочем, объяснимо. Анализ современного материала продолжает традицию обращения автора к теме отечественной тоталитарной культуры [2].

Рационализированный миф назван ключевым противоречием тоталитаризма и, одновременно, залогом его гибели, эксклюзивное потребление и виртуализация мира представлены как подлинные ценности современного россиянина. Поиски традиционных скреп, узнаваемая риторика периода культа личности и архаичность современного публичного жеста в России, по мнению автора, не смогут стать в достаточной степени и долгосрочной перспективе весомыми/значимыми для массового человека современной России.

Пожалуй, в этом видится единственный источник оптимизма авторов пособия.

Будем же и мы оптимистами...

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция: Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб. : Наука, 2009. – 595 с.
2. Докучаев, И. И. Канон в Советской культуре 1930-1950-х годов / И. И. Докучаев, Н. Ю. Костюрина. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КНАГТУ», 2006. – 80 с.

Шунейко А. А., Матюшко А. В.
A. A. Shuneyko, A.V. Matyushko

ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ЧАСТЬ III – ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУР ПРОВЕРКИ НА ИСТИННОСТЬ

SCIENTIFIC KNOWLEDGE: PART III – VALIDITY CHECK PROCEDURES

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – D.Sc. in Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Матюшко Андрей Владимирович – соискатель кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27.

Mr. Andrey V. Matyushko – PhD Applicant, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681013.

Аннотация. Работа является продолжением цикла материалов, в которых рассматриваются характеристические черты научного знания в соотношении с иными сферами познания и предпринимается попытка вычлениить признаки для идентификации научного знания.

Abstract. This paper is a continuation of a series of materials investigating the characteristic features of scientific knowledge in relation to other spheres of human understanding. We make an attempt to single out the attributes of scientific knowledge enabling us to identify it distinctly.

Ключевые слова: характеристики процедур проверки на истинность.

Key words: validity test procedures, characteristics.

УДК 001

В настоящий момент можно констатировать, что на всех четырёх уровнях проверки на истинность [1; 2] сами проводимые процедуры по необходимости соответствуют одиннадцати характеристикам: единственность, расширение поля изучаемых объектов, корреляция с положительной обратной связью, обезличенность, беспристрастность, деформация восприятия реальности, установка на перманентное отрицание, принцип соответствия, принцип многоуровневой ранжированной контекстной имплементации, неопредельность, потенциально перманентная дифференциация. Все эти характеристики внешне являются продуктами деятельности лиц, принимающих участие в научном процессе, а внутренне существуют как неотторжимые элементы научного поиска и сопутствующие ему, продуцируемые особенностями взаимодействия текстов общие принципы организации материала в единое целое.

Единственность – это характеристика достоверного научного результата, которая предполагает, что достоверное научное объяснение конкретного явления, феномена, закономерности, эффекта всегда единственно. Оно не только не допускает равно положенных и равно вероятных иных объяснений, но обязательно самим фактом своего существования (в случае своего присутствия) нивелирует, уничтожает, элиминирует все остальные. Если у одного факта есть несколько равно допустимых объяснений, то истинным научным может быть или только одно из них, или не одно. Ситуация, когда все они принимаются, находится

за пределами науки. Факт возникновения (появления) единственного объяснения является показателем того, что анализ объекта находится в научной сфере. Не может Земля одновременно находиться в центре солнечной системы и крутиться вокруг солнца. Процесс горения не может одновременно объясняться с позиции флогистона и окислительно-восстановительных процессов.

Единственность научного объяснения (теории) вовсе не отрицает множественности научных предположений (гипотез). На определённом этапе исследования объекта попытки объяснения могут продуцироваться в различных направлениях. Одновременное сосуществование гипотез – нормальное состояние.

На определённом этапе научного осмысления того или иного объекта могут существовать несколько конкурирующих гипотез. Это связано с тем, обусловлено тем и существует до того времени, когда критический эксперимент либо не придуман, либо не поставлен, либо не может быть осуществлён в силу экономических причин. Осуществление такого эксперимента приводит к тому, что все конкурирующие теории, кроме одной, переходят в разряд истории науки.

Например, аспиранты Э. Резерфорда исследовали вещество, облучая его альфа-частицами. Анализируя результаты эксперимента, Резерфорд пришёл к парадоксальному выводу, что подавляющая часть вещества – это пустота. Он сформулировал планетарную модель атома, где подавляющая масса атома сосредоточена в ядре. Эта модель вступала в противоречие с законами классической электродинамики. Чтобы спасти модель Резерфорда, М. Планк предложил гипотезу, постулирующую положение о том, что в микромире всё происходит не так, как в макромире: энергия в микромире излучается и поглощается только порциями (квантами). Теория фотоэффекта превратила гипотезу Планка в научную теорию. Аномальность перигелия Меркурия объяснялась различными учёными разными средствами, однако после введения объяснения через девиации геодезических линий все эти объяснения представляют интерес только для истории науки эратологии. Долгое время ньютоновская теория тяготения полностью подтверждалась наблюдениями, но для объяснения едва заметного отклонения в движении Меркурия потребовалась коренная перестройка всей теории на основе нового понимания гравитации. Наблюдение А. С. Эддингтона в 1919 г. стало тем критическим экспериментом, после которого все, кроме одной, гипотезы об аномальности движения Меркурия были отброшены.

Единственность представлена в религиозной сфере, отсутствует в художественной сфере и существует, но не является системообразующим фактором в обыденном сознании.

Расширение поля изучаемых объектов – это характеристика достоверного научного результата, которая предполагает, что он является базой для изучения новых сущностей – явлений и феноменов, ранее не рассматриваемых или даже неизвестных прежде (кварки) – и тех же самых с иных теоретических и методологических установок. Во времена Ньютона было известно одно фундаментальное взаимодействие – тяготение (гравитация), потом выяснилось наличие электромагнитного взаимодействия (Кулон, Максвелл), с развитием ядерной физики было введено сильное взаимодействие, потом – слабое. Раздвижение границ объектного поля приводит либо к тому, что старая теория начинает объяснять большее количество фактов расширением границ её применимости (эволюционизм), либо создаёт предпосылки для возникновения более генерализующих теорий.

Расширение поля изучаемых объектов отсутствует в религиозной сфере, присутствует в художественной и обыденной сферах.

Корреляция с положительной обратной связью – это характеристика достоверного научного результата, которая предполагает, что наличие (нахождение, получение, появление) ответа на какой-либо вопрос не уменьшает общего количества вопросов, а, наоборот, самим фактом своего существования их постоянно увеличивает.

Эта характеристика не дублирует предшествующей. В совокупности они по-разному характеризуют один и тот же процесс: первая – с точки зрения объектов, а вторая – с точки зрения содержательных связей между объектами и их интерпретаций.

Корреляция с положительной обратной связью полностью отсутствует в религиозной и обыденной сферах, но постоянно присутствует в художественной сфере. Это присутствие находит множество воплощений, наиболее очевидные из них – классические вопросы, которые ставит литература и которые приобретают новые смыслы и продуцируют новые вопросы для поколений: Кто виноват? Что делать? Кому на Руси жить хорошо?

Обезличенность – это характеристика достоверного научного результата, которая предполагает, что сам факт наличия достоверного утверждения не зависит от конкретного человека. Эта характеристика не противоречит сложившейся в истории практике закреплять те или иные открытия за конкретными лицами, например, принцип неопределённости Гейзенберга, механика Ньютона, закон Кулона и т.д. Наличие имени конкретного лица рядом с научным продуктом не является характеристикой научного процесса и никак не отражает его специфику. Это проявление довлеющих над человеком стереотипов, продуцируемых иными сферами познания и контекстами существования. В присутствии имён, главным образом, отражаются: особенности восприятия науки как института человеком с его стремлением быть в чём-либо первым, занимать лидирующую позицию; включение науки в сферу бытового взаимодействия, где у всего должен быть хозяин, и результат влияния религии, в рамках которой у всего должен быть творец.

Если же обратиться к практике бытования научных утверждений, то станет понятно, что фиксирующие их семантические комплексы или информационные конгломераты по сути своей полностью обезличены и только условно, как дань традиции, связываются с конкретными именами. На это указывает совокупность различных фактов. Все фиксируемые научными утверждениями факты существуют вне человека и помимо него. Открытия приходят одновременно. Открытия переоткрываются. Если открытие не сделал один человек, то его бы сделал другой. Кто является автором открытия, полученного на адронном коллайдере? Таким образом, все имена в рамках науки – это только вопросы приоритета и свойственного человеку эгоцентризма.

Обезличенность полностью отсутствует в сфере художественного творчества. Обезличенность полностью отсутствует в сфере религиозного познания. Обезличенность присутствует в сфере обыденного познания, включающей фольклор.

Беспристрастность – это характеристика достоверного научного результата, которая предполагает, что его существование не зависит от политических, прагматических, эстетических и иных любых оценок и не определяется ими. Научный результат находится вне оценок и никак с ними не соотносится. Он не может быть оценён как нужный/ненужный, своевременный/несвоевременный, красивый/некрасивый, не может быть политически, социально или эстетически ангажирован (хотя попытки такие бывают).

Но те тексты, в которых сам результат фиксируется, естественно, оценке подвергаются, потому что воспринимаются реальными живыми людьми, а не аналитическими машинами. Такие личностные оценки фиксации не следует смешивать с оценками чистого результата. Любой результат потенциально может быть зафиксирован различными способами. Среди них есть такие, которые более резонируют с определёнными группами воспринимающих результат лиц или менее резонируют с ними. Эти резонансы и порождают оценки формы воплощения результата. Единственные оценки, которые локально внедряются в сферу науки, – это оценки, связанные с научной красотой и стройностью. Но и они затрагивают не результат, а форму его воплощения. При этом результаты, оцениваемые в качестве красивых и стройных, являются такими же достоверными, как и не оцениваемые так (или даже противоположно). С одной стороны, П. Дирак на основании красоты опубликовал уравнение позитрона, Л. де Бройль получил докторскую степень за «волны материи», а с другой – решение кубических уравнений Г. Кирхгофом, линейные матрицы В. Гейзенберга, мягко говоря, не

взывают у математиков восторга из-за своей громоздкости. Но вне зависимости от этих оценок все перечисленные (и иные) результаты являются достоверными. Сама оценка красоты и стройности формы воплощения результата с его достоверностью никак не связана.

Беспристрастность отсутствует в религиозной, обыденной и эстетической сферах. Каждая из них не может обойтись без различных типов оценок, представленных в них в различной форме и с разной степенью постоянства.

Деформация восприятия реальности осуществляется с различной степенью глобальности. Любая теория либо ломает сложившиеся стереотипы, либо является толчком для создания новых, либо корректирует характер миропонимания в конкретной области. Например, А. Р. Оганов создал модель, в соответствии с которой предельное сжатие материала продуцирует те же эффекты, что и его предельное растяжение, т.е. при сжатии натрия до давления двух миллионов атмосфер он становится прозрачным диэлектриком. Это было экспериментально доказано, что ломает стереотипы и в научной среде, и за её пределами, поскольку результатами противоположных процессов становятся сходные эффекты.

Деформация восприятия реальности не осуществляется в бытовой сфере. В сфере религии она происходит только при возникновении новой религии, в формате же существующей она невозможна. В целом, бытовая сфера и сфера религии ориентированы на утверждение заданных моделей. Но она осуществляется в рамках художественного творчества, которое так же ориентировано на изменение взгляда на мир.

Установка на перманентное отрицание предполагает, что любая теория, сколь бы основательной она ни была, какую бы доказательную базу ни имела, каким бы ни пользовалась авторитетом, какие бы ни предполагала проверяемые следствия, насколько повсеместно ни была бы разделяема научным сообществом, обязательно априори подвергается отрицанию в рамках науки и де-факто предполагается, что за ней обязательно придёт следующая. Например, общая теория относительности является доказанной, общепризнанной, работающей, используемой в практике, тем не менее она подвергается критике с точки зрения того, что описывает реальность не с квантовых позиций. Вторым объектом критики является её постулатная база: неравенство Белла содержит в себе предпосылки для её экспериментального опровержения.

Установка на перманентное отрицание исключена для всех иных сфер познания. В религиозной сфере возможно только локальное внешнее отрицание религиозного догмата, внутренне же оно недопустимо и считается ересью. Обыденное сознание никогда не отрицает предшествующий опыт, а только аккумулирует новый. В рамках художественного сознания через эстетические манифесты может формально декларироваться отрицание прежних эстетических установок, однако в поле текстов они продолжают функционировать.

Принцип соответствия применительно к квантовой механике сформулировал Н. Бор. Но этот принцип может быть распространён на эволюцию научного знания в целом. Он предполагает, что любая последующая теория непротиворечиво (органично, гармонично) включает в себя при некоторых граничных условиях основные выводы предыдущей теории, описывавшей тот же сегмент реальности. Теория тяготения Эйнштейна включает в себя теорию тяготения Ньютона, которая включает в себя три закона Кеплера.

Принцип соответствия представлен и в иных сферах познания. В религиозной сфере: христианство органично включает в себя элементы предшествующих религиозных традиций – иудаизма, зороастризма и т.д. Обыденное сознание постоянно сохраняет опыт предшествующих поколений, адаптируя его к новым условиям. Художественное сознание не может существовать без накопленных эстетических образцов.

При идентификации принцип соответствия может восприниматься только в комплексе с другими характеристиками.

Принцип соответствия не входит в противоречие с установкой на перманентное отрицание, поскольку отрицаемая теория полностью или частично остаётся рабочей для определённого сегмента реальности.

Принцип многоуровневой ранжированной контекстной имплементации. Этот принцип осуществляется через действие закона контекстной имплементации. В общем виде закон формулируется так: некоторый новый текст может быть органично и непротиворечиво вписан в некоторую сферу познания и не отторгнут ею только в том случае, если он строго соответствует набору разноуровневых содержательных связей, которые уже существуют (сложились, апробированы, составляют структурный костяк) в данной сфере. Этот закон можно проиллюстрировать на примере единиц любого порядка: существуют законы сочетания фонем, законы сочетания морфем, слов и т.д. В силу этого при вставке пропущенного слова в предложение реализуется «диктат», продуцируемый окружающими фонемами, морфемами, синтагмами и общим грамматическим строем и семантикой. То же происходит и с любыми текстами: они принимаются или отторгаются определёнными сферами из-за того, включаются или нет в разноуровневые связи.

В любой сфере существует свой специфический набор разноуровневых связей. Так, для того чтобы быть включённым в религиозную сферу, текст обязательно должен предполагать: наличие высших сил, подчинение им человека, наличие Абсолюта и т.д. Для бытовой сферы: повседневная актуальность, понятность изложения, доступность восприятия, применимость и т.д. Для художественной: наличие и реализация эстетической задачи, творческая оригинальность, художественная достоверность и т.д.

В сфере науки свой специфический набор обязательных контекстных связей. Этот набор строго ранжирован с последовательной конкретизацией. В этот набор входят различного уровня общности: общенаучные – следование базовым логическим законам или элементарным правилам арифметики, корпусные – например, для естественных наук это закон сохранения энергии, частнонаучные – принцип Ле Шателье для химии и принцип неопределённости для квантовой физики.

Связи для любой сферы настолько важны, что каждая сфера вырабатывает специальные процедуры для проверки текста на наличие этих связей, или на релевантность общему корпусу текстов. Проверкой могут заниматься целые социальные институты, например, для художественного познания – критика, для бытового – здравый смысл, для религиозного – церковь. Специфика науки в том, что в ней для проверки релевантности выработаны формализованные процедуры, например, анализ размерности.

Непределельность. Этот принцип фиксирует характер существования неложных утверждений, сформулированных в рамках какой-либо конкретной области знания. Любое неложное утверждение в процессе своего функционирования обнаруживает тенденцию (или стремится) к всё более высокому уровню абстрактности, большей объяснительной силе. В реальности непределельность проявляется в том, что любое неложное утверждение постепенно начинает охватывать всё большее количество объектов, максимально широкое поле объектов, распространяется на те совокупности объектов, для которых оно изначально не было сформулировано. В настоящий момент не наблюдается границы или предела, где неложное утверждение теряет свою объясняющую силу. В рамках этого принципа утверждение описывает более широкое поле объектов, чем то, на основе которого оно было выявлено.

Например, термодинамические понятия, принципы и уравнения используются как при описании кипения воды, так и при фиксации особенностей поведения чёрных дыр. Теория информации К. Шеннона применяется как при описании механизмов, осуществляемых в процессе передачи сообщений, так и при объяснении космогонических принципов. Принцип эволюционизма действует в абсолютно разнородных системах: биологических, геологических, космогонических.

В иных сферах познания этот принцип не действует. В бытовой сфере: жарка картошки подчинена не тем же стереотипам, что изготовление одежды. В сфере религии изначально заданный единый принцип не претерпевает никаких изменений ни в ту, ни в другую сторону и изначально является универсальным, но не фиксирующим характер деятельности высших сил. В художественной сфере действие какого-либо абстрактного принципа создания текста

или восприятия мира всегда ограничено эстетической концепцией: то, что верно для реализма, никогда не будет верно для сюрреализма, то, что верно для романтизма, не будет верно для классицизма.

Потенциально перманентная дифференциация – обнаружение (нахождение, получение, появление) и описание (трактовка, рассмотрение) достоверного научного результата предполагают постоянную дифференциацию способов исследования и фиксации. Проявляется в постоянной дифференциации научного знания, которая приводит к появлению новых научных направлений и к тому, что представители различных направлений одной области не понимают друг друга. Так, единая математика со времен античности всё более и более дифференцируется на отдельные области: теория чисел, теория групп, теория функций действительного переменного и т.д.

Обратной стороной дифференциации являются процессы интеграции, тоже постоянно происходящие в науке, когда различные области науки суммируют свой инструментарий для исследования единых объектов. Например: биохимия, математическая лингвистика, молекулярная генетика и т.д. Но, обращая внимание на эти области, не следует забывать о том, что совмещение не может быть произведено до разделения и в то же время не является его прямым следствием.

Внешне дифференциация присутствует во всех сферах познания. Все сферы познания с течением времени так или иначе дифференцируются. В обыденной постоянно появляются новые формы фольклора и семантические комплексы, связанные с расширением сфер человеческой деятельности, например, свои байки и приметы у космонавтов; в религиозной происходит дробление религий и возникновение новых; в художественной сфере образуются стили, направления и течения.

Это отражение и следствие того, что процесс дифференциации характерен для любых сложных систем, но осуществляется он по-разному и имеет различные результаты. Поэтому представляется продуктивным и верным говорить о принципиально различных типах дифференциации: собственно дифференциации (наука) и детализации (иные сферы познания). Детализация иных сфер познания (в отличие от дифференциации науки) сохраняет единые принципы обнаружения и одни установки восприятия базовых семантических комплексов. Она является исключительно внешней и не затрагивает специализации механизмов получения знания. Механизмы получения знания остаются теми же самыми, едиными. То есть если в науке новое направление предполагает новые приёмы, методы и инструментарий познания, которые продуцируют новые контексты, то в иных сферах сохраняются те же приёмы и инструментарий, которые порождают внешне новые контексты. Поэтому во всех сферах познания, кроме научной, строго говоря, наблюдается не дифференциация, а детализация – тематическое, а не сущностное рассредоточение знания, не затрагивающее методологических основ его приобретения.

Дифференциация же является характеристикой исключительно научной сферы. В бытовой сфере господствуют синкретично-аморфные комплексы представлений о действительности, которые изначально должны быть понятны каждому, иначе теряют свою функциональность, способ получения их неизменен, что отрицает присутствие дифференциации. В сфере религии кодифицированные совокупности конкретных утверждений, ориентированных на общее понимание, в случаях с возникновением течений в рамках одной религии отрицают дифференциацию. В художественной сфере дифференциация отрицается установкой на эстетическую значимость любого объекта и наличием единого набора эстетически значимых преобразований, которые в различных направлениях имеют различный удельный вес, но присутствуют всюду и имеют единый механизм обнаружения.

Все эти характеристики взаимосвязаны, поскольку раскрывают доминантные черты единого объекта. Но степень и особенности их взаимодействия различны. Есть характеристики, которые между собой практически не связаны: расширение поля изучаемых объектов и беспристрастность; потенциально перманентная дифференциация и обезличенность и т.д.

А присутствуют характеристики, которые отчётливо связаны между собой. Наиболее тесная взаимосвязь наблюдается между такими характеристиками: расширение поля изучаемых объектов и потенциально перманентная дифференциация; единственность, принцип соответствия, принцип многоуровневой ранжированной контекстной имплементации; обезличенность, беспристрастность. Связанные между собой характеристики обозначают признаки, которые имеют между собой общие семантические комплексы.

Наличие или отсутствие взаимосвязи между характеристиками можно интерпретировать по-разному. Вероятнее всего, близость в большей степени следствие точки зрения, а не внутренней природы. Представим себе прозрачный кристалл с множеством граней. Точка зрения на грани кристалла, угол его поворота обуславливают, что определённые грани оказываются рядом или в различных зримых соположениях друг с другом или с плоскостями.

Все эти характеристики могут быть использованы в качестве критериев научности. Следует иметь в виду, что различные критерии работают на различных массивах текстов. Есть критерии, которые могут быть использованы на конкретном тексте. Есть критерии, которые могут быть применены только к совокупности текстов. А есть критерии, которые прослеживаются только применительно к большим массивам текстов. Так, потенциально перманентная дифференциация может быть прослежена только на материале научных направлений и их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания: часть I – отправные точки / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № I-2(21). – С. 121-123.
2. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания: часть II – уровни проверки на истинность / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № II-2(22). – С. 125-128.

Завьялов В. Н.
V. N. Zavyalov

САЙТ «ЛАБОРАТОРИЯ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА»

“SYNTACTIC WORD LABORATORY” WEB-SITE

Завьялов Виктор Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68; 8(4212)73-57-93. E-mail victorzoff@list.ru.

Mr. Victor N. Zavyalov – D.Sc. in Philology, Professor, Department of Russian Language for Foreign Students, Far East State Humanities University (Russia, Khabarovsk); 68, Karl Marx Str., Khabarovsk, 680000; + 7 (4212) 735793. E-mail victorzoff@list.ru.

Аннотация. Статья посвящена сайту «Лаборатория служебного слова» (www.labslsl.ru), на котором представлены результаты научной деятельности Дальневосточной лингвистической школы в области исследования служебных слов русского языка.

Abstract. The article tells about the site “Laboratory of functional words” (www.labslsl.ru). The site presents the scientific activities results of the Far Eastern School of Linguistics in the field of research office of Russian functional words.

Ключевые слова: предлоги, союзы, частицы, гибридные слова.

Key words: prepositions, conjunctions, particles, discourse words.

Современные информационные технологии существенным образом влияют на методы поиска и обработки той или иной информации. Нынешний исследователь первым делом обращается к поисковой строке Яндекса или Гугла, т. е. ориентируется прежде всего на электронные ресурсы, размещенные в Интернете. В связи с этим работы пусть и более ценные с научной точки зрения, но хранящиеся в традиционных библиотечных фондах, да еще и в малодоступных, порой имеют значительно меньше шансов быть востребованными, чем те, что находятся в открытом доступе в мировой паутине. Иначе говоря, сегодня все большее и большее значение приобретает размещение электронных версий научной и учебно-методической литературы на страницах интернет-ресурсов.

Именно это и явилось одной из причин создания сайта «Лаборатория служебного слова» (www.labslsl.ru), на котором представлены результаты научной деятельности Дальневосточной лингвистической школы, которая сформировалась в свое время на кафедре современного русского языка Дальневосточного государственного университета под руководством доктора филологических наук профессора Аллы Федоровны Прияткиной и ее сподвижников: Е. А. Стародумовой, М. А. Леоненко, Г. Н. Сергеевой, Г. Д. Зайцевой, Н. Т. Окатовой, Е. С. Шереметьевой и др. Это коллектив единомышленников, посвятивший свою научную деятельность изучению незначительных слов русского языка – союзов, частиц, предлогов, а также гибридных слов.

Другая, не менее важная причина создания данного сайта – обобщение и систематизация на современной технологической основе наработанных вышеуказанным научным коллективом материалов.

Сайт включает в себя следующие рубрики: авторефераты и диссертации (докторские и кандидатские), монографии, избранные работы, учебные пособия, статьи. Отдельная рубрика предоставлена первому выпуску Словаря служебных слов русского языка, над созданием которого работает словарная группа коллектива нынешней кафедры – кафедры русского

языка и литературы Школы международных и региональных исследований Дальневосточного федерального университета.

В метках представлены ключевые слова, отражающие содержательную сторону имеющихся на сайте работ. Например: адвербиальные словоформы, актуальное членение, аналоги союзов, дискурсивные слова, модальные слова, производные предлоги, релятивы, скрепы, союзы, союзные конструкции, средства синтаксической связи, частицы и др.

Кроме того, на сайте даны ссылки на основные и наиболее значимые ресурсы интернет-сети, непосредственно связанные с языкознанием или имеющие на него прямые выходы: центральные государственные библиотеки, научно-исследовательские институты, лаборатории, Национальный корпус русского языка.

В настоящее время сайт находится в стадии заполнения базовым контентом. На нем уже размещены электронные копии двадцати восьми кандидатских и четырех докторских диссертаций (включая авторефераты), восьми монографий, четырех учебных пособий, избранных работ А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой, а также около тридцати научных статей, отражающих концептуальные направления исследований.

О новых работах, размещенных на сайте, можно своевременно узнавать, подписавшись на RSS-ленту новостей.

Все материалы для данного сайта предоставлены их авторами и могут быть использованы исключительно на некоммерческой основе в научных, учебно-методических и познавательных целях.